



СТРОПИНКА

ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ДѢТЕЙ.

№ 2.
ФЕВРАЛЬ
1912 г.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ VII

Изданія журнала „ТРОПИНКА“.

Безобразова М. С. „Исторія одного воробья“. Съ рисунками. Изданіе 3-е. Цѣна 25 к
ОДОВРЕНО для ученическихъ библиотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для
учен. библ. высшихъ учебн. заведеній и дѣтскихъ пріютовъ *Видомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Бяляевская О. А. „Напѣль“. Стихотворенія. 40 к.
ОДОВРЕНО для ученич. библ. младшаго возраста средн. учебн. заведеній и для учен. библ. высшихъ
учебн. завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Видомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Егоровъ Л. И. „Исторія воздухоплаванія“. Съ рис. Цѣна 25 к.

Ученымъ Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ ученнч. библ. высшихъ учебн. завед.

Нондуршинъ И. С. „Въ деревнѣ“. Разказы и сказки. Съ рисунками. Цѣна 25 к.

Нэрроль Льюисъ „Приключенія Алисы въ странѣ чудесъ“. Переводъ съ англійск.
Allegro. Съ рисунками. Цѣна 1 р.

Лондонъ Джозъ. „Бунтъ“. Исторія одной собаки. Переводъ съ англ. Н. Манасеиной.
Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ 40 к., въ перепл. 75 к.

Учен. Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ ученнч. библ. высшихъ училищъ.

ОДОВРЕНО для ученич. библ. младшаго возраста средн. учебн. завед. и для ученич. библ. высш.
учебн. завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Видомства Учрежденій Императрицы Маріи. Допущено въ ротныя библио-*
теки кадетскихъ корпусовъ для III—V классовъ.

Малахѣева-Миревичъ В. Г. „Золотой домъ“. Разказы. Съ рисунками. Цѣна въ
обложкѣ 75 к., въ переплетѣ 1 р.

ОДОВРЕНО для ученич. библ. младшаго возраста средн. учебн. завед. и для ученич. библ. высш.
учебн. завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Видомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Манаева Н. И. „Разказы для дѣтей“. Со многими рисунк. Ц. въ перепл. 1 р. 50 к.
ОДОВРЕНО для ученич. библ. млад. возраста средн. учебн. завед. и для ученич. библ. высш. учебн.
завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Видомства Учрежденій Императрицы Маріи.*

Ученымъ Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія признано подлежащимъ внесенію въ списокъ книгъ, за-
служивающихъ вниманію при пополненіи ученич. библ. средн. учебн. завед.

Манасеина Н. И. „На Рождествѣ“. Три разказа. Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ
50 к., въ переплетѣ 80 к.

ОДОВРЕНО для ученич. библ. млад. возраста средн. учебн. завед. и для ученич. библ. высш. учебн.
завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Видомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Ученымъ Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ ученнч. библ. высш. училищъ и признано
заслуживающей вниманія при пополненіи бесплатныхъ народн. читал. и библ.
Допущено въ ротныя библ. кадетскихъ корпусовъ для I и II классовъ.

Манасеина Н. И. „Мамино дѣтство“. Разказъ изъ институтской жизни. Съ рисунк.
Цѣна въ обложкѣ 50 к., въ переплетѣ 80 к.

Ученымъ Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія признано подлежащимъ внесенію въ списокъ книгъ, за-
служивающихъ вниманія при пополненіи ученич. библ. средн. учебн. заведеній и допущено въ ученнч. библ.
городскихъ училищъ.

Манасеина Н. И. „Овсянки“. Пять разказовъ. Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ
50 к., въ переплетѣ 80 к.

Ученымъ Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ ученнч. библ. высшихъ училищъ и при-
знано подлежащимъ внесенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи ученич. библ. средн.
учебн. заведеній.

ОДОВРЕНО для ученич. библ. младш. класс. ср. уч. зав. *Видомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Поліановъ В. П. „Воронь.—Индѣйцы“. Разказы. Съ рисунками. Цѣна 25 к.
ОДОВРЕНО для ученич. библ. младшаго возраста средн. учебн. завед. и для ученич. библ. высш.
учебн. завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Видомства Императрицы Маріи.*

Учен. Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ ученнч. библ. высшихъ учебн. завед.

1912 годъ.

Февраль № 2.

ЖУРНАЛЪ

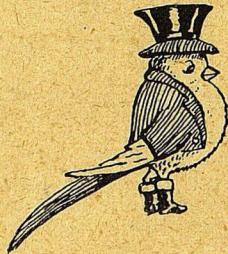
ТРОПИКЪА.

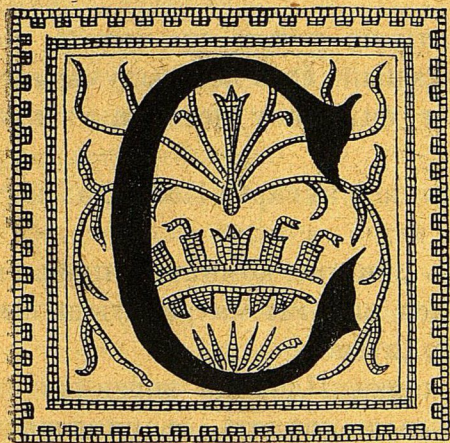


III-46.

Содержаніе.

1. Зимнее утро—стихотвореніе *О. Бьялевской.*
2. Духовикъ — сказка *О. Форш.* Рисунки автора.
3. Бабушкинъ коверъ—разсказъ *Ю. Насвѣтовой.*
4. Волчья тоска—стихотвореніе *М. Моравской.*
5. На вершину Арарата—*А. Лондисъ.*
6. Бобёръ—народная пѣсня. Рисунки *В. Каррика.*
7. Дѣти—картина *В. А. Строва.*
8. Портретъ *В. А. Строва* въ юности работы *И. Е. Рѣпина.*
9. За счастьемъ—съ итальянскаго *Е. Владиміровой.*
10. Астрономическія карты—*А. Лондисъ.*
11. Историческій календарь.
12. Обо всемъ понемногу.
13. Какъ складывать фигуры изъ деревяшекъ.
14. Вѣсти отовсюду.
15. Отзывы о дѣтскихъ книгахъ.
16. Ребусъ № 2.
17. Загадки.
18. Рѣшеніе задачъ, помѣщенныхъ въ 1-мъ №.
19. Московскій Комитетъ Грамотности. Къ дѣтямъ.





Зимнее утро.

БЕТЬ маковыя зерна
На подушку тихій Сонъ,
За оконницей узорной
Мракъ ночной со всѣхъ сторонъ.
Ярко нянина лампадка
Передъ образомъ горить.
На корзинкѣ сладко, сладко
Сѣрый котъ у печки спить.

Дремлетъ въ клѣткѣ канарейка,
Спрятавъ клювикъ подъ крыломъ.
Куколь няниной шубейкой
Ты покрыла передъ сномъ.

Спать спокойно на диванѣ...
Пять, шесть, семь... „Ой, восемь бьетъ“!
Поднялась съ постели няня.
Дворникъ улицу скребетъ.

О. Бѣляевская.

Д у х о в и к ъ .

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

К^vУХАРКИНЪ сынъ, Ганя, хотя не умѣлъ ни читать, ни писать, былъ всетаки очень умный. Онъ все выдумывалъ изъ одной своей головы, которая сидѣла у него на узкихъ плечахъ, большая-пребольшая.

— Котель-голова!—говорила о ней кухарка Плакида, мать Гани.

Игрушекъ у Гани не было, въ „чистыя комнаты“ пускали его неохотно, и поневолѣ принялся онъ высматривать да вывѣдывать все, что въ кухнѣ находится.

Вотъ принесетъ утромъ кухарка Плакида корзинку съ базара, поставитъ на столъ, а сама пойдетъ съ нянюшкой тары-бары-растабари—позабудетъ и думать о своей корзинѣ. Тутъ Ганя подкрадется и выхватитъ все самое интересное: морковку большую съ наростами по бокамъ, будто съ дѣтками или съ пальцемъ-мизинцемъ; хрѣнъ жилистый, у котораго два глазка, да не рядомъ они, а глазокъ надъ глазкомъ, и мало ли что еще!

Но удивительнѣй всего было то, что въ громадныхъ вѣнкахъ толстаго рыжаго лука, развѣшанныхъ по стѣнѣ въ кладовой, Ганя зналъ, какъ ему выискать луковку-Двоехвостку.

Эта Двоехвостка была Луковка не простая, а волшебная.

По виду ничего не скажешь: все самое обыкновенное, луковое, только два ровныхъ зеленыхъ росточка торчатъ, отсюда и прозваніе ея—Двоехвостка.

Если на эти ростки насадить по сырой макаронѣ, чтобы походило, будто луковка стоитъ на ногахъ, и положить ее на

ночь въ духовой шкапъ, то въ полночь дверцы сами собою расхлопнутся, и въ Двоехвосткѣ окажется Духовикъ.

Переходя вмѣстѣ съ матерью изъ одной кухни въ другую, Ганя узналъ навѣрное, что въ каждомъ духовомъ шкапу живетъ Духовикъ.

Днемъ въ этомъ шкапу пекутъ пироги съ капустой, съ вязигой и съ рисомъ, а по воскресеньямъ—воздушный пирогъ, тотъ самый, за который часто бранятъ кухарку, будто она дала ему убѣжать.

И это зналъ Ганя: пироги убѣгать не умѣютъ, они безногіе. А если сидитъ пирогъ въ печкѣ пышный да рыхлый, а какъ вынуть его — одна черная корка на сковородкѣ, это значить, все вкусное выѣлъ самъ Духовикъ.

Ганя думалъ сначала, что Духовикъ въ каждой кухнѣ разный. Гдѣ часто дѣлаютъ сладкіе пироги—толстый, гдѣ рѣдко—худой. Но потомъ онъ узналъ, что Духовикъ никакой. У него самого нѣтъ ни рукъ, ни лица,—одинъ дымъ печной, оттого то и слѣдуетъ класть ему Двоехвостку.

Онъ войдетъ густымъ дымомъ въ луковку, изъ макаронъ, будто черные сапоги, выставитъ комки сажи, дверцы раскроетъ, прутикомъ хлопнетъ: разъ, два! А въ прутикѣ колдовство. Прутикомъ дѣлаетъ Духовикъ превращенья: кого хочешь съ кѣмъ хочешь обмѣнить.

Если съ мышкой, вползешь въ мышиную норку, если съ блошкой, вздохнуть не поспѣешь, запрыгаешь! А съ клопомъ помѣняешься, клопомора не бойся — не помрешь.

Если и брызнетъ, случится,—вскочить прыщикъ, вотъ и все.

Одно условіе въ кухнѣ: быть всѣмъ безъ обмана.

Сколько договорились сидѣть въ чужой шкуркѣ, столько времени ты и сиди, отдыхай! Въ кухнѣ всѣ честно размѣнивались.

У котика Ромки, случилось, животикъ заболить, на улицу ему бѣгать холодно, онъ и ластится къ Ганѣ:

— Я въ постельку хочу, компрессъ теплый, микстуру... а на небѣ ракеты пускаютъ!

Знаетъ хитрецъ, чѣмъ мальчишку поддѣть! Чтобы ракеты смотрѣть, Ганя ночевать готовъ гдѣ угодно.

Вотъ и смѣняются, *превращенками* стануть: мальчикъ—котикомъ, котикъ—мальчикомъ, и довольны.

Обо всемъ кухонномъ, что зналъ мальчикъ Ганя, зналъ и Петрикъ, господскій племянникъ. Петрику очень хотѣлось съ кѣмъ-нибудь обмѣняться, но съ пруссаками, клопами и блошками ему было противно, а котикъ Ромка ни на одинъ день не желалъ превращаться въ господскаго мальчика: боялся зубной щетки и французскаго языка.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Барыня, которую Петрикъ звалъ попросту „тетя Сима“, куда-то съѣздила по желѣзной дорогѣ и привезла, вмѣстѣ съ грибами, вареньями и соленьями, настоящаго ручного зайца.

Заяцъ сидѣлъ на полу, въ кухнѣ, не двигаясь, длинноухій, будто бы не живой, а сшитый изъ мохнатой матеріи, изъ какой дѣлаютъ медвѣжатъ.

Тетя Сима, добрая старая дама, звеня на ходу длинными серьгами, поставила зайцу блюдечко съ молокомъ и прошла дальше въ комнаты. Заяцъ дернулъ, разъ-два, плоскимъ носомъ, задралъ кверху уши и сталъ очень похожъ на осла.

Петрикъ съ Ганькою засмѣялись, а заяцъ какъ хлопнетъ на нихъ изо всей силы задними лапами и маршъ къ молоку.

Но вот увидалъ кота Ромку, попятился.

Коть Ромка, задравъ кверху ногу, искалъ въ хвостѣ блохъ, а со стороны похоже было, будто онъ играетъ на виолончели.

„Какъ тутъ звѣрей перекручиваетъ, ужъ не отъ этого-ль молока!“ подумалъ съ опаскою заяцъ.

А котъ словилъ блоху, раскрутился и сердито сказалъ: — Пей, дуракъ, а не то выпью я.

Коть сказалъ не по-кошачьи, а по-звѣриному вообще, такъ что заяцъ его сразу понялъ. Онъ пригнулъ опять уши къ спинѣ и окунулъ поскорѣй въ молоко свою морду съ съдыми усами.

Ганя и Петрикъ молча гладили зайца, щупали ему хвостъ и холодныя ушки. Когда заяцъ втянулъ послѣднее молоко въ свое пушистое горло, котъ Ромка вытеръ его блюдце шершавымъ своимъ языкомъ и сѣлъ въ сторонку.

Коть вытеръ блюдце изъ вѣжливости, потому что считалъ себя въ кухнѣ хозяиномъ, а зайца гостемъ.

Но все же, чтобы заяцъ не зазнавался, котъ ему сквозъ зубы смурлыкалъ:

— Будешь сѣденъ въ сметанѣ!

— Брысь, негодный! — закричалъ коту Ганя, который отлично понималъ по-звѣриному. Онъ швырнулъ въ кота старой катушкой, а зайца взялъ на руки.

— У меня мама вдова, — сказалъ грустно заяцъ, — она съ перешибленной лапкой, а паленьку сѣлъ мужикъ. Зимой мамѣ съ голода пропадать!

Ганя задумался и спросилъ:

— А далеко къ мамѣ сбѣгать?

γ — Куда далеко! — обрадовался зайчикъ: — сейчасъ за городомъ лѣсъ, за лѣсомъ поле, за полемъ рѣчка, за рѣчкою

хуторъ, за хуторомъ ляды, вокругъ пенышекъ земляника, подь земляникой нора, въ норѣ моя мама.

— Землянику поди-ка теперь, посвисти! — насмѣхался Ганька, — клюкву, и ту проморозило. Поститься, братъ зайчикъ, всю зиму твоей матери-Сѣрохвостихѣ!

Заплакалъ зайчикъ, просить:

— Отпусти меня!

— Отпустимъ его, — догадался и Петрикъ, — что мучить!

— Пропадеть съ голоду, припасу у нихъ никакого, а зима на носу, — раздумывалъ Ганька. — Вотъ, обмѣняйся съ нимъ, Петрикъ, да снеси-ка мамѣ его, Сѣрохвостихѣ, всякой штуки: капусты, моркови, кореньевъ — тогда и его домой пустимъ.

Петрикъ даже пискнулъ отъ радости:

— Наконецъ, поживу въ чужой шкуркѣ, своя такъ надоѣла!

— Нынѣшней ночью и вызовемъ Духовика, четверо насъ, — сказалъ Ганька съ важностью: — двое людей, двое звѣрей. Эй, котъ Ромка, слышишь ты, не смѣй удирать!

— Мурлы-курлы! — неохотно согласился котъ, которому смерть какъ хотѣлось нынче бѣгать по крышамъ.

Ганя взялъ на руки длинноухаго, и пошли мальчики съ нимъ по угламъ и закуткамъ: вещи трогаютъ, называютъ, суютъ зайцу подь самую морду, чтобы онъ на завтра, когда станетъ мальчикомъ — *превращенкою*, ничего не напуталъ.

Когда позвали обѣдать, Петрикъ посадилъ звѣря рядомъ съ собой.

— Брось, Петринька, зайца! — сказала тетя Сима, — животному за обѣдомъ не мѣсто.

А няня прибавила:

— Грѣхъ оно, Петринька, грѣхъ: заяцъ нечистымъ считается.

Петрикъ спустилъ зайца, а тотъ, разсердясь на большихъ, какъ хлопнетъ подъ дядинымъ стуломъ ногами, дядюшку испугалъ.

— Загнать въ чуланъ его!—кричитъ дядя.

Петрикъ отлично сидѣлъ за обѣдомъ, ничего не ѣлъ руками, попросилъ супа вторую тарелку. Какъ только тетя Сима его похвалила, онъ къ ней заласкался и сказалъ тонкимъ голосомъ:

— Позвольте завтра совсѣмъ не учиться, у меня что-то головка болить.

Это Петрикъ заботился, чтобы зайчика-превращенку завтра не очень мучили.

— А когда болить—не шали!—сказалъ строго дядя,—когда болить—ложись спать, боль заспишь.

Только лампы зажгли, уложили Петрика въ кроватку, а онъ какъ разъ этого и хотѣлъ. До ночи выспался, а какъ стала няня свою перину взбивать, такъ уже притворно пустился храпѣть заразъ и носомъ, и горломъ, совсѣмъ такъ, какъ выучилъ его котикъ Ромка.

Нянюшка, обрадованная его крѣпкимъ сномъ, повздыхала, поохала, сколько ей было нужно, и ушла съ головой въ свою перину.

Тетя Сима пощупала у Петрика лобъ, обрадовалась, что нѣту жара и, какъ всегда, побрякивая серьгами и браслетами, пошла къ себѣ.

Часы пробили одиннадцать. Щипалъ себя Петрикъ то за одно ухо, то за другое, чтобы какъ-нибудь не заснуть, пятнадцать разъ сказалъ: „Турка курить трубку, курка клюетъ крупку“, и всякій разъ невѣрно: все выходило, что курка курить, а турка турить,—а Ганька и не думалъ ему сигналъ подавать, какъ уговорились.

„И что такое можетъ дѣлать кухарка Плакида?“ съ досадою думалъ Петрикъ, видя на кухнѣ свѣтъ. „Быть можетъ, она лицо мѣняетъ; днемъ оно у нея кухаркино, а ночью принцессино, и она куда-нибудь улетаетъ на гусиныхъ перьяхъ? Всегда, вѣдь, просить, когда жарить гуся: „разрѣшите, барыня, перо взять себѣ“! А на что ей оно?“

— Тупъ-ту, тупъ-ту... — побилъ Ганька пестикомъ въ ступку.

Петрикъ вылѣзъ въ одной рубашенкѣ изъ кровати, обошелъ вокругъ няни на цыпочкахъ и пробрался на кухню къ Ганѣ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

На кухнѣ, какъ разъ надъ духовымъ шкапомъ, былъ прикапанъ стеариномъ огарокъ.

Ганя вытащилъ изъ кармана волшебную луковку, насадилъ ей на ростки макаронки, а повыше повертѣлъ шиломъ дырки, чтобы Духовику было куда продѣть руки.

Когда Ганя сталъ облупливать съ Двоехвостки ея желтыя юбочки, тѣ самыя, что зовутъ „луковыя перья“ и прячутъ къ Пасхѣ для окраски яицъ, Петрикъ замѣтилъ, что луковка пахнетъ прескверно, а значитъ ничего въ ней и нѣту волшебнаго. Но Петрикъ сейчасъ же испугался такой мысли: а ну какъ Духовикъ угадаетъ, что онъ подумалъ, и не захочетъ явиться! И, схвативъ скорѣй Ганю за руку, онъ съ нимъ трижды сказалъ:

— Въ печкѣ, за заслонкой
Духовикъ живетъ.
Ноги—макаронки,
Луковка—животъ:
Съ дымовой
Головой,
Чародѣй,
Покажись намъ скорѣй!

Петрикъ такъ крѣпко зажмурилъ глаза, что передъ нимъ стали плавать разноцвѣтныя пятна, и голова закружилась: вотъ-вотъ подломятся ноги, и онъ упадетъ.

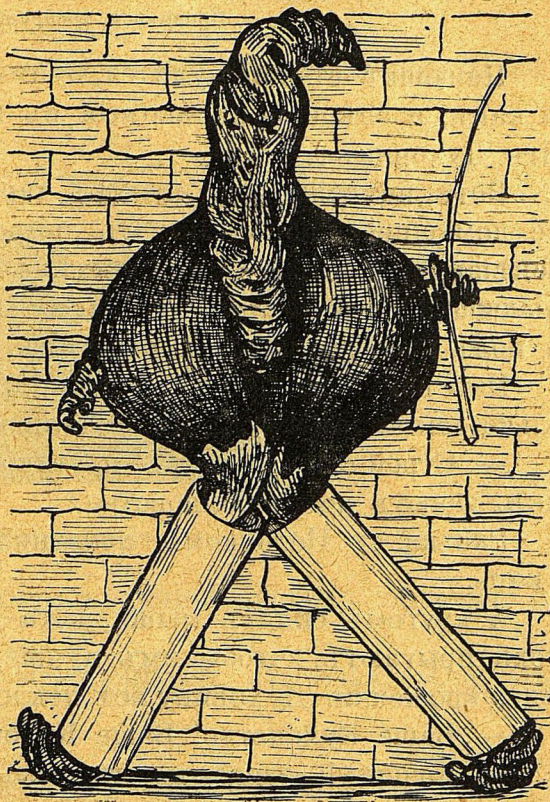
Вдругъ за заслонкой будто горошинка набухла и лопнула, одна, другая. Дверцы духового шкапа расхлопнулись — выскочилъ Духовикъ.

Луковка въ серединѣ, надъ луковкой длинная дымовая головка съ курчавою бородой. Изъ проткнутыхъ дырокъ крученымъ дымомъ вылѣзаютъ пять пальцевъ — мышинныя лапки. А ноги — крѣпкія толстыя макароны, въ колѣнахъ безъ сгиба.

Какъ выскочилъ Духовикъ, сейчасъ въ лапку взялъ прутикъ изъ вѣника, а въ прутикъ — колдовство.

Сидитъ Духовикъ на плитѣ, макаронками въ изразцы постукиваетъ, самъ себѣ такъ отбиваетъ, свою пѣсню поетъ:

— Тукъ, тукъ, тукъ!
Мой животикъ — лукъ,
Макаронки — ноги
Ходятъ безъ дороги;



Духовикъ.

Дымовая голова
Знаетъ тайныя слова.
Тукъ, тукъ, тукъ!
Я не зря стучу:
Становитесь въ кругъ,
Превращу, превращу...

Нянюшкѣ старой чудится, будто это дождикъ идетъ, капъ да капъ; а звѣри и насѣкомыя въ мигъ догадались, что стучить Духовикъ.

Вотъ полѣзли изъ щелокъ тараканы, клопы, ухвертки, все домашнее побросали. Съ потолка мухи попадали: такъ заспѣшили, что изъ ума у нихъ вонъ, что летать умѣютъ, крылышки свои посложили, лапки поджали и баць — прямо на полъ къ Духовиковымъ ногамъ.

Изъ подполья пришли мыши, крысы. На квартирахъ однѣ только мамки съ грудными остались.

— Строй-ся! — махнулъ прутикомъ Духовикъ, а въ прутикѣ, знаютъ всѣ, — колдовство.

Ганька съ Петрикомъ поклонились, а за ними и заяць, и котъ.

А кругомъ сидятъ мыши, ката не боятся, на пруссаковъ блохи прыгаютъ, чтобы имъ лучше видать: блохи ростомъ, вѣдь, крошечки. Духовику всѣ поклонились, всѣ кричатъ ему:

— Ваше Кухенство! Ваше Кухенство!

— Кочергу! — заораль изъ немытой кастрюли Кастрюль-никъ.

— Кочергу! — сказалъ съ важностью Духовикъ. — Беритесь, кто съ кѣмъ мѣняется.

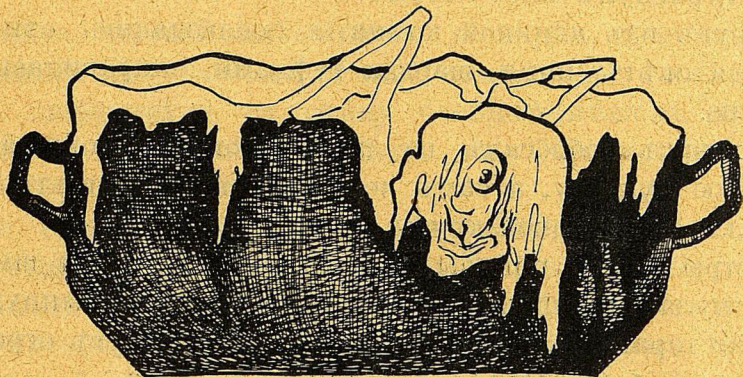
Сѣдя крысы подали въ зубахъ кочергу и, присѣдая, какъ хорошія дамы, отступили назадъ.

— Эй вы, держитесь, сейчасъ превращенье! — заораль снова изъ немытой кастрюли Кастрюль-никъ. Перегнулся на тонень-

кихъ ручкахъ, хихикаетъ. Шишковатый лобъ, носъ крючкомъ, вмѣсто волосъ голова кашей измазана, каша на брови сползаетъ.

— Эй вы!— хихикаетъ,— кто отъ кочерги руку пустить, рука ногой станеть, нога—рукой.

Петрикъ зажалъ кочергу въ обоихъ своихъ кулакахъ, пра-



Кастрюльникъ.

вый ухватилъ надъ лѣвымъ, а зайчикъ сверху лапочки положилъ.

Духовикъ стукнулъ макаронками въ изразцы и сказаль:

— Повторяйте:

Я зайчикъ, я мальчикъ.
Мы мѣняемся:
Мальчикъ въ зайчика,
Зайчикъ въ мальчика
Превращаемся!

Кастрюльникъ выскочилъ до половины изъ своей немой кастрюли, какъ гаркнетъ:

— Ушко къ ушку—мѣняйте души!

Петрикъ пригнулъ свое ухо къ уху длинному заячьему, и въ ту же минуту почувствовалъ, что оно уже его собственное, что шевелится и дрожить его плоскій носъ, на губу выбѣжали сѣдые усы, а заднія ноги вотъ-вотъ подскочатъ и хлопнуть объ полъ.

И Петрикъ-заинька хлопнулъ что было силы ногами, будто стрѣльнулъ пистолетомъ.

Вдругъ изъ няниной комнаты послышались охи-вздохи, и, завидя свѣтъ, няня, шаркая туфлями, направилась прямо въ кухню.

Духовикъ побросалъ на полъ свои макаронныя ноги и волшебную луковку, а самъ чернымъ дымомъ ушелъ живо въ дырку для самоварной трубы.

Кострюльникъ прикрылъ себя крышкой, Ганя шмыгнулъ въ свой чуланъ, мыши, крысы, ударились въ разсыпную.

Одни тараканы, показавшіеся Петрику вдругъ огромными, какъ щенята, безстрашно заползали по стѣнамъ.

— Петринька, прости Господи, что ты здѣсь дѣлаешь?!— вскрикнула няня и, схвативъ на руки что-то громадное, понесла его съ причитаньями въ дѣтскую, а, проходя мимо настоящаго Петрика, толкнула его туфлей въ носъ и проворчала:

— Изъ-за тебя, звѣрь проклятый, дитё заболѣло.

Петрикъ собрался, было, крикнуть, что ему это очень обидно, но изъ горла вылетѣлъ только пискъ, а когда онъ подвнялъ руку, чтобы почесать свой зашибленный носъ, оказалось, что, вмѣсто человѣчьей руки, у него просто на просто заячья лапка, пушистая, съ коготками.

Понялъ, наконецъ, Петрикъ, что вправду обмѣнялся съ зайчикомъ, и, хотя самъ этого очень хотѣлъ, теперь вдругъ обидѣлся и заплакалъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

И такъ мальчикъ Петрикъ сталъ зайчикомъ, а настоящего зайчика, вошедшаго въ тѣло Петрика, няня снесла въ постельку, побрызгала съ уголька и, подождавъ, пока онъ сдѣлалъ видъ, будто спитъ, пошла обо всемъ доложить тетѣ Симѣ.

А заяка, ставшій мальчикомъ, вскочилъ по привычкѣ на четвереньки, при помощи Гани надѣлъ на себя костюмъ Петрика, перекинулъ за спину большой мѣшокъ со всякой всячиной и ну драло въ лѣсъ, къ Сѣрохвостихѣ, своей мамѣ.

Уже свѣтало, когда онъ, наконецъ, доискался слѣда. Солнце выплыло изъ лѣсу, румяное отъ холода, будто большой красный мячикъ; первый морозъ отполировалъ землю, и зайчику-превращенкѣ итти съ непривычки всего только на двухъ человѣчьихъ ногахъ было очень трудно. Скользилъ и хлопался носомъ. Одно хорошо было, холода не боялся: подъ одеждою мальчика все еще будто чувствовалъ свою прежнюю заячью шубку.

— Тетя бѣлочка, какъ здоровье моей старой мамы? — спросилъ онъ пушистую бѣлку, которая кувыркалась черезъ голову ради собственнаго своего удовольствія.

Бѣлка, увидя подходящаго къ ней человѣка, махнула стрѣлой съ одною дерева на другое и усѣлась на самой верхушкѣ.

— А я твой секретъ воробьямъ расскажу! — крикнулъ ей въ догонку превращенный зайчикъ, — кто въ прошломъ году крадь орѣхи изъ сосѣдняго склада? Воробьи бѣлкамъ скажутъ, бѣлки хвостъ тебѣ выдерутъ.

Тетя бѣлочка засмѣялась. Она поняла, что это зайчикъ

изъ сѣрохвостиною норки, колдовствомъ ставшій мальчикомъ, вскочила ему на плечо и сказала:

— Про себя знай да помалкивай, а твоей мамы нора вотъ тутъ, какъ разъ подъ корявыми пнями.

Превращенка-зайчикъ легъ на землю и просунулъ кудрявую голову въ черную нору, гдѣ его мать Сѣрохвостиха лежала грустная, вдовая, со впалыми боками и прижатými ушками.

— Маменька, — сказалъ зайка-мальчикъ по-заячьи, — я, вѣдь, старшенькій вашъ Сѣрохвость, смѣнилъ только съ мальчикомъ шкурку, на-те, маменька, вамъ гостинець. А если вы мнѣ не вѣрите, хотите скажу, гдѣ у васъ тайная родинка... Подъ переднею лѣвою лапкою.

Сѣрохвостиха подняла свою лапку, провѣрила родинку и сказала:

— Дай, я тебя оближу.

Превращенка-заяць вставилъ въ нору свою голову, и зайчиха поласкала его лапками и языкомъ столько, сколько хотѣла, потомъ отодвинулась и сказала:

— Подавай гостинець!

Зайчикъ вытащилъ изъ мѣшка все что было: орѣшки, морковки и сахаръ. Мама его подгрѣбла все это подъ себя и пустилась зубами точить.

Тупа ту, тупа ту... сбѣжались со всѣхъ сторонъ зайцы, зайчихи, ежи и ежихи, даже приплелся одинъ кротъ сѣдой. Воробьи-любопытники далеко разнесли: пришелъ съ виду мальчикъ, а на самомъ то дѣлѣ онъ зайчикъ.

Звѣри всѣ Превращенку обнюхали, потолкали, потрогали, своего въ немъ признали. Отъ смѣха за животики ухватились, катаются: мальчикъ, а зайчикъ!

И опять его трогаютъ, опять нюхаютъ, съ сапогъ гутуолинъ

весь слизали, потомъ стали лѣстничкой другъ дружку на плечи, слѣпой кротъ послѣдній, и башлыкъ лапкой тронули: все, все, какъ у человѣка.

Вдругъ на пенышекъ выскочилъ старый заяцъ Ушанъ-Безхвостый, отъ котораго всѣ здѣшніе зайцы пошли. И сказалъ Превращенкѣ:

— Сѣрохвостинъ сынъ и внукъ Сѣрохвоста, колдовствомъ ставшій мальчикомъ, слушай: не размѣнивай своей шкуры, будь до самой смерти твоей Превращенкой, таскай намъ отъ человѣка припасы.

Превращенка-зайчикъ сложилъ вмѣстѣ руки и сталъ изо всей силы звать на помощь Духовика. Онъ очень, вѣдь, мучился, не зная, что дѣлать: своихъ жалко, но и Петрика обмануть не охота, добрый онъ. Да и на двухъ-то ногахъ всю свою жизнь проходить не великая радость.

— Выручай, Духовикъ! — просить зайчика превращенный, — на двухъ ногахъ пяткамъ больно ходить.

Духовикъ, хотя спалъ еще, но сейчасъ встрепенулся и послалъ честному Превращенкѣ наговорную Муху-Шептуху.

Муха-Шептуха почистила крылья и, не прожевавъ даже завтрака, полетѣла на поиски Петрикова дяди, который давно уже взялъ извозчика и ѣздилъ по городу, ища всюду пропавшаго мальчика.

Наговорная Муха-Шептуха сѣла дядюшкѣ на ухо и сказала:

— За городомъ лѣсъ, за лѣсомъ поле, за полемъ рѣчка, за рѣчкою хуторъ, за хуторомъ ляды, вокругъ пенышекъ была земляника, подъ бывшею земляникою нора, у норы стоитъ мальчикъ.

Дядюшка похвалилъ самъ себя за догадливость, отмахнулъ муху прочь и поѣхалъ скорѣе за городъ.

— Го-го!—закричалъ онъ, увидѣвъ издали Превращенку-зайчика, котораго, конечно, принялъ за своего племянника Петрика.

Звѣри кинулись кто куда, а заяцъ-мальчикъ сейчасъ догадался, что Петрикова дядю прислалъ ему на помощь самъ Духовикъ, и побѣжалъ дядѣ на встрѣчу.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Дядя на дорогѣ не говорилъ ни слова, только, давъ дома Мальчика-зайчика нянюшкѣ на руки, сердито буркнулъ:

— Уложить въ постель!

Тетя Сима и няня отъ радости такъ мальчика цѣловали, что даже побранить позабыли, а что онъ превращенный зайчикъ имъ совсѣмъ невдомекъ. Это только въ лѣсу разнюхали звѣри правду, а люди разнюхивать не умѣютъ, они глазамъ однимъ вѣрятъ. А для глазъ: зайчикъ кажется мальчикомъ, мальчикъ кажется зайчикомъ.

Но куда пріятнѣй было бы Превращенкѣ, еслибы люди его побранили, да не сдѣлали бъ такихъ непріятностей: холодной водой вымыли и лицо, и руки, а потомъ дали горькую хину, которая жила въ хинномъ домикѣ, похожемъ на бѣлую толстую пуговицу.

Кухонный мальчикъ Ганя лежалъ тоже въ постели, только, вмѣсто хины, ему влили ложку тягучей касторки,—оттянуть глупость отъ головы:—сказалъ сѣдой дядюшка.

Дѣло въ томъ, что на утро, едва няня хватилась, что Петрика нѣтъ ни въ шкапахъ, ни подъ стульями, и поднялся въ домѣ плачь, Ганя не выдержалъ, схватилъ въ руки зайчика—превращеннаго Петрика и, дивясь про себя, что нести его такъ легко, рассказалъ старшимъ въ чемъ дѣло: и про

Духовика, и про превращенія, и куда, и зачѣмъ ушелъ мальчикъ-зайчикъ.

Плакаль Ганя, просилъ подождать всѣхъ до полночи.

Въ полночь какъ разъ Превращенки между собой размѣняются...

Но большіе ничего не поняли, большіе ничему не повѣрили. А мать, кухарка Плакида, еще за вихорь отодрала и, пихнувъ ногой зайца-Петрика, проворчала:

— Все изъ-за этого, изъ-за ухастаго, обдеру ему завтра шкуру.

Ганя такъ испугался, что слова у него въ горлѣ застряли, и до самой до полуночи неподвижно лежалъ онъ въ постели, нащупавъ подъ тюфякомъ волшебную луковку-Двоехвостку: „Духовика ночью вызову, Духовикъ все распутаетъ“...

А подъ Ганиной постелью присѣлъ, ни живой, ни мертвый, превращенный Петрикъ въ трусливомъ заячьемъ тѣлѣ.

Онъ дрожалъ, дергалъ носомъ и проклиналъ все, что зналъ на свѣтѣ: Ганьку, за то, что подбилъ обмѣняться, зайца, за то, что лежитъ въ чистой кровати, а онъ тутъ въ грязи, въ паутинѣ, и чихнуть не смѣетъ: услышитъ Плакида, — возьметъ да въ сметанѣ зажарить.

Сердился Петрикъ и на тётю, и на дядю, и на няню: „значить, они меня никогда не любили: смѣнилъ шкурку — узнать не умѣютъ“.

И превращенный заяцъ тоже метался въ тоскѣ по чистой Петриковой кроваткѣ: „Ужель всегда буду мальчикомъ! Бѣсть горячее, умываться холодной водой, чистить зубы — все страшно“!

— Дай, Петринька, ноготки остригу, — идетъ няня съ ножницами, а Превращенка ушами задвигалъ, носъ сморщилъ и шастъ подъ кроватку!

Душа, вѣдь, осталась вся заячья: чуть что, сейчасъ задрожитъ, будто студень.

— Ай, ай, ой, ой, какъ онъ вдругъ измѣнился!—заплакала тѣтя Сима.

— Розогъ ему, розогъ, пусть только будетъ здоровымъ!—сказалъ строго дядя.

Одна только нянюшка ничему не дивилась: дитя растеть, все это къ росту.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Ночью сползъ Ганя кое-какъ съ постели и вмѣстѣ съ зайцемъ-Петрикомъ прокрался къ духовкѣ, Духовика вызывать. Вотъ уже на луковку-Двоехвостку насадилъ макароны, проткнулъ дырки для рукъ и положилъ въ духовой шкапъ. Еще карамельку Ганя прибавилъ, не пожалѣлъ, только бы Духовикъ объявился.

Вдругъ бѣжить котикъ Ромка, мяучить:

— Въ дѣтскую дверь на ключъ заперта, нѣту выхода, не размѣняться теперь Превращенкамъ!

Всхлипнулъ Ганя, а зайчикъ-Петрикъ подумалъ: „сѣдятъ меня въ жирной сметанѣ“! и упалъ съ горя въ обморокъ. Лапки вытянулъ, ротъ разинулъ, лежитъ неживой подъ скамейкою.

Котикъ съ Ганькою, оба въ слезахъ, взялись передъ печкою за руки и сдѣлали вызовъ.

Злой выскочилъ Духовикъ, хмурый; вмѣсто обычной команды „строй-ся“, какъ чихнетъ чернымъ дымомъ!

— Знаю, знаю,—ворчить,—мальчикъ съ зайчикомъ размѣняться не могутъ, изъ-за глупыхъ старшихъ людей. Двери заперли, ключъ въ карманъ положили. Одинъ разъ убѣжалъ, думаютъ, всегда будетъ бѣгать.

Разворчался Духовикъ.

Ганька съ котикомъ стали на колѣнки и взмолились ему:
— Дяденька миленькій, размѣняйте у Превращенокъ душки!

Духовикъ чихнулъ опять дымомъ и, конфузливо озираясь, забормоталъ:

— Я за глаза размѣнять не могу, надо вызвать Начальника...

Духовику было очень непріятно признаться, что не онъ самый главный на кухнѣ. Вотъ почему вмѣсто команды: „строй-ся“, онъ чихнулъ только дымомъ. „Пусть“, думаетъ, „одинъ только кухонный мальчикъ узнаетъ, а прочая мелочь: крысы, мыши, пруссаки и клопы такъ и считаютъ, что я самый главный на свѣтѣ“.

Духовикъ, качаясь на своихъ макаронныхъ ногахъ, прошелъ къ большому котлу съ горячей водой, который былъ вмазанъ рядомъ съ плитой.

— Ваше Высококухенство, Евмей Фуфаней,—поклонился онъ низко-пренизко.

— Ихъ Громкобульканье!—взвизгнулъ въ немытой кастрюлѣ Кастрюльникъ.

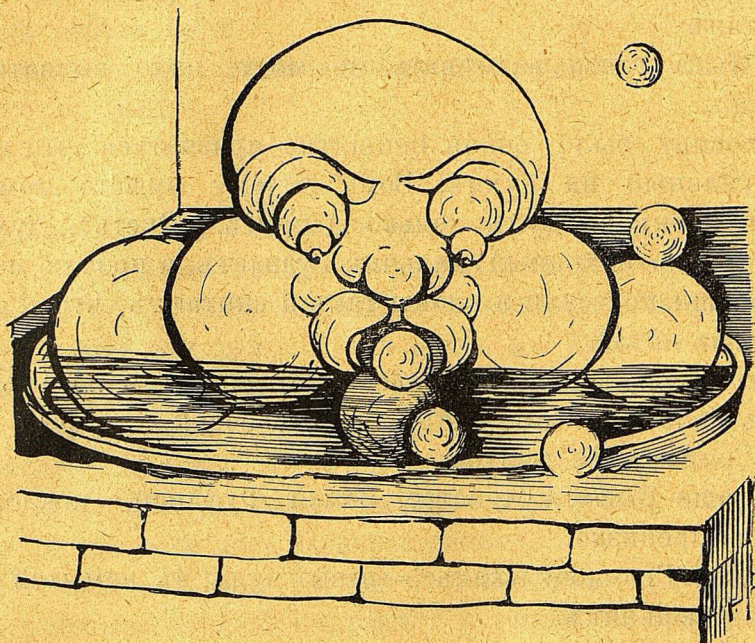
Въ котлѣ съ горячей водой вдругъ, изъ множества мелкихъ, вспухъ одинъ громадный пузырь. Дулся, дулся и вздулся—куда толще всякаго мыльнаго. Лопнулъ—а изъ него выбулькнулъ самъ главный кухонный житель—Евмей Фуфаней.

Пузо круглое и прозрачное, сквозь него сковородки виднѣются. Голова тоже пузырь, но поменьше, и руки пузырьныя. На рукахъ пальцы-пузырьки. Глаза, носъ и уши—все, все надутое, вотъ не выдержать—лопнетъ или вверхъ улетитъ.

— Пуфъ, пуфъ!—сказалъ Евмей Фуфаней и съ каждымъ

словомъ пускалъ въ воздухъ переливчатый крѣпкій пузырь. Такъ эти пузыри и летали, не лопааясь, надъ плитой.

Духовикъ высоко поднялъ колдовской прутикъ, ударилъ имъ изо всей силы по своей макаронной ногѣ, нога сломалась



Евмей Фуфаней.

и онъ всталъ будто бы на колѣно, стегнулъ по другой,— сталъ на оба и пискнулъ:

— Помогите, Ваше Высококухенство, размѣнять зайца съ мальчикомъ!

— Пуфъ, пуфъ!—опять выпустилъ пузырьки Евмей Фуфаней, вскинулъ руками и пошелъ лопаться. Сначала пропали пузырьки-крошки, потомъ пузыри, потомъ толстое пузо-пузы-

рище. Громадное пузо-пузырище такъ громко лопнуло, что кухарка Плакида ахнула и увидѣла страшный сонъ.

А на кухнѣ вотъ что случилось: едва лопнули Фуфанеевы пузыри, какъ взвилась надъ котломъ преогромная наговорная Муха-Шептуха съ мѣшечкомъ за крыльями.

Муха сѣла зайчику-Петрику на носъ и хоботкомъ втянула въ себя его душку, пропихнула ее въ мѣшокъ лапками, задернула крѣпко нитку, взвалила себѣ мѣшокъ на спину и сквозь щелку влетѣла въ дѣтскую.

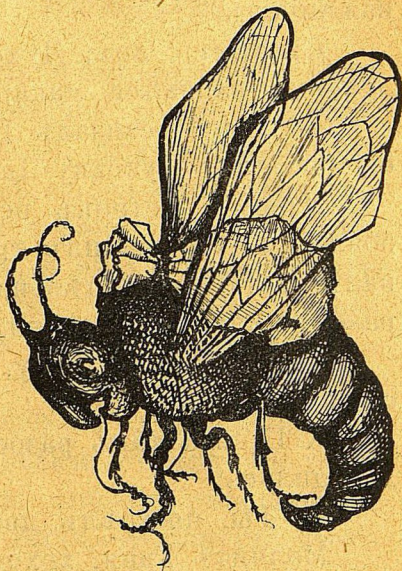
Петрикова душа отъ большого страха такая вдругъ сдѣлалась маленькая, что безъ труда помѣстилась въ мѣшокъ Мухи-Шептухи,—еще даже мѣсто осталось.

Когда наговорная муха влетѣла въ дѣтскую, тамъ чутьвидно ночникъ горѣлъ. Превращѣнка-заяцъ спалъ крѣпко съ открытымъ ртомъ.

Муха-Шептуха живо стрясла ему въ ротъ душу Петрика, которую онъ и проглотилъ, а заячья душка, давай Богъ ноги, прыгъ-прыгъ прямо Мухѣ-Шептухѣ въ пустой мѣшокъ.

А Муха-Шептуха опять затянула мѣшокъ крѣпко-на-крѣпко нитками, перекинула его за спину и махъ-махомъ въ кухню подъ столъ. Заяцу носъ лапочкой щекотнула, чихнулъ заячій носъ, заяцъ вобралъ въ себя свою собственную душу да къ выходу.

— Проваливай, ну тебя!—заоралъ радостно Ганька и открылъ настежъ двери,—проваливай!



Муха-Шептуха.

Мелькнулъ бѣлый заячій хвостъ, и поминай какъ звали удралъ заяцъ.

Къ плитѣ вернулся Ганя сердитый, ворчитъ:

— Если не ты, Духовикъ, самый главный, зачѣмъ же ты важничаль?

Смотритъ: анъ, Духовика вовсе нѣтъ никакого. Валяется луковка, валяются макаронки.

— Тьфу!—сказалъ Ганя. Взялъ корку хлѣба, посолилъ ее, посолилъ луковку-Двоехвостку и съѣлъ.

Утромъ Петрикъ всталъ прежній, веселый, ничего не боялся. Какао выпилъ три чашки, все хвалилъ да похваливалъ. Тетю Симу цѣловалъ, чуть серьгу изъ уха не вырвалъ, разсмѣшилъ строгаго дядю, нянюшку съ ногъ сбиль.

— Ну, слава Богу, теперь пойдетъ ростъ хорошій!—сіяла нянюшка.

А Ганька такъ разоспался, что его мать къ обѣду едва добудилась:

— Ты, пострѣлъ, двери ночью открылъ, настудилъ?

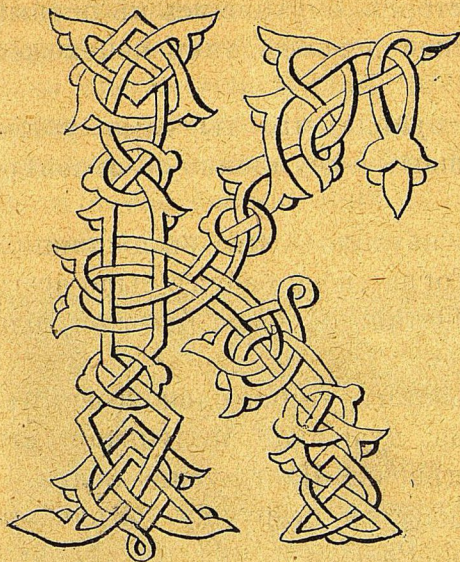
Молчитъ Ганя, хохочетъ.

О пропавшемъ зайцѣ никто не жалѣлъ. Большіе такъ даже порадовались: ну его! Изъ-за зайца всѣ хлопоты приключились.

А Ганя съ Петрикомъ веселятся: по нашему, дескать, вышло: у зайцевой мамы хорошее продовольствіе, а самъ онъ домой убѣжалъ, пѣлый, не жареный.

Одно только мальчикамъ жалко: Евмея Фуфаня не пришлось больше видѣть. Пришли печники, котелъ вынули, дыру заложили кирпичомъ и замазали. А для воды тѣтя Сима купила огромнѣйшій жбанъ бѣлой жести, который Плакида переворачивала на ночь вверхъ дномъ для просушки, а потому въ этомъ жбанѣ ничего не смогло завестись, даже ржавчины.

О. Форшъ.



Бабушкинъ коверъ.

ОГДА Наля смотрѣла на страшную волчью голову шкуры-ковра въ дѣдушкиномъ кабинетѣ, съ большими оскаленными зубами, съ широкимъ лбомъ, и ей въ первый разъ сказали, что волка этого убила бабушка, — она опѣшила отъ изумленія. Какъ? Ея бабуля, худенькая, ма-

ленькая, съ бѣлыми, какъ снѣгъ, волосами, съ тихимъ голосомъ и маленькими руками, бабуся, мягкія сморщенные щеки которой такъ любила „чмокать“ Наля, — и вдругъ, этотъ волчище, это страшилище! Какъ могла убить такое чудовище бабушка?

— Да, нѣтъ, бабуля! Да не можетъ быть. Неужели ты въ самомъ дѣлѣ убила волка? И не испугалась? Какъ же онъ тебя не съѣлъ? — спрашивала она, пораженная, глядя большими, черными, похожими на бабушкины, глазами то на бабушку, то опять на волчью голову и трогая пальцемъ шрамъ, чуть виднѣвшійся сквозь косматую шерсть на лбу волка.

Въ деревнѣ бабушки, въ Самарской губерніи, Наля была въ первый разъ. Бабушка прежде всегда сама пріѣзжала къ нимъ въ Севастополь, а потому ни разу не видала дѣвочка волчьей шкуры и не знала ея исторіи. Теперь, передъ поступленіемъ въ институтъ, ее привезли на цѣлое лѣто къ бабушкѣ, и дѣ-

вочка была въ неописанномъ восторгѣ, очутившись въ первый разъ въ настоящей, глухой русской деревнѣ, такъ непохожей на Севастопольскія дачи.

— Бабуля, да неужели же правда, что ты сама убила волка, да такого еще огромнѣйшаго?—изумленно и недовѣрчиво повторила дѣвочка.

— Убила, Наля,—отвѣтила бабушка. — Это было давно... шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Тогда твоей бабулѣ было всего восемь лѣтъ, и ее всѣ звали Настей. Я была на три года моложе тебя, моя родная дѣвочка.

— Восемь лѣтъ! Это ужъ совсѣмъ удивительно, совсѣмъ, какъ въ сказкѣ. Бабуля, дорогая, душечка! Миленькая, сто разъ миленькая, расскажи, какъ дѣвочка Настя убила волка,— умоляла съ жаромъ Наля улыбающуюся старушку.— Вѣдь это такъ интересно, такъ интересно! Расскажи мнѣ о дѣвочкѣ Настѣ, бабуля. Пожалуйста, расскажи!

— Хорошо, дѣтка, расскажу. Кажется, дождь пошелъ; стало быть, гулять тебѣ итти все равно нельзя. Вотъ оно и кстати. Ишь, какъ забарабанилъ въ окна! Бери скамеечку, вонъ она тамъ подъ столомъ стоитъ, и садись возлѣ меня.

Наля въ одну минуту розыскала скамеечку, усѣлась у ногъ бабушки, облокотилась обѣими руками о ея колѣни и наострила уши.

— Почти шестьдесятъ два года тому назадъ, — немного помолчавъ, начала свой рассказъ бабушка, — въ маленькой деревенькѣ Огарковѣ, принадлежавшей богатой помѣщицѣ Полозовой, умерла бѣдная крестьянка, оставивъ послѣ себя сироткой шестилѣтнюю дочку Настю.

— Бабуля, да, вѣдь, наша фамилія тоже Полозовы, какъ же это такъ, и твоя тоже?—удивленно спросила Наля.

— Постой, не перебивай, потому все узнаешь,—отвѣ-

тила бабушка. — Осталась Настя послѣ смерти своей матери круглой сиротой, такъ какъ отецъ Насти умеръ, когда ей и года еще не исполнилось. Живъ былъ у нея дѣдъ. Дѣдъ этотъ служилъ у помѣщицы лѣснымъ сторожемъ и лѣтъ десять, какъ не жилъ въ деревнѣ. Похоронилъ дѣдъ дочку, распродалъ какое было хозяйство, часть домашняго скарба забралъ съ собой, избу отдалъ въ наймы, помолился въ послѣдній



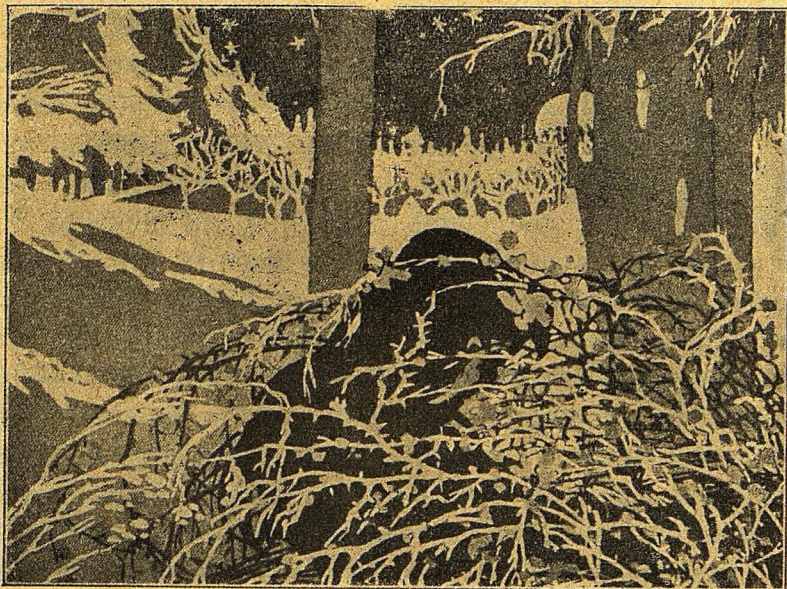
разъ на церковь и увезъ съ собой внучку въ лѣсъ, въ свою землянку. Не долго помнила деревню и скучала о ней Настя. Скоро полюбила она зеленый, душистый лѣсъ. Попала она туда какъ разъ весной, когда молодая, зеленая травка только что успѣла покрыть полянки въ лѣсу; бѣлоствольныя березы, какъ кружевомъ, одѣлись въ нѣжную зелень, и весь лѣсъ, пронизанный золотымъ солнцемъ, стономъ стоналъ отъ птичьихъ голосовъ. По цѣлымъ днямъ пропадала въ лѣсу Настя. Съ трудомъ зазывалъ по вечерамъ дѣдъ внучку въ душную, темную землянку. Лѣсъ былъ большой, веселый, молодой, все больше березовый, расположенный на двухъ горахъ съ зелеными полянками, пестрѣвшими ромашкой, Иванъ да Марьей и другими лѣсными цвѣтами. Сколько вѣнковъ сплела изъ нихъ Настя и какъ разукрасила ими свои любимыя, бѣло-

ствольныя березки! Внизу между горами бѣжалъ прозрачный ручей, съ такой студеной водой, что она казалась въ самый сильный жаръ ледяной. Дальше березовый лѣсъ переходилъ въ смѣшанный дубовый и сосновый вѣковой боръ съ глубокими темными оврагами. Этотъ лѣсъ Настя не любила и рѣдко заглядывала туда. Ужъ очень печальнымъ и темнымъ казался онъ дѣвчкѣ послѣ ея любимаго свѣтлаго, березоваго. Да и дѣдъ запрещалъ ей ходить туда. Въ бору водились волки, и заблудиться было очень легко. Правда, лѣтомъ волкъ одинъ, сытый,—безобиденъ, не то что осенью или зимой, когда золь и голоденъ, но дѣдъ боялся, что волки могутъ напугать дѣвочку, а встрѣтить ихъ нѣсколько, даже лѣтомъ, было бы не безопасно. Но Настя и сама не ходила въ мрачный боръ, гдѣ въ самый ясный солнечный день было темно и пахло сыростью. Ягодъ, цвѣтовъ и грибовъ довольно и въ березовомъ лѣсу.

Вставала Настя лѣтомъ съ солнцемъ. Встанеть, глянетъ, а дѣда и близко ужъ нѣтъ, пошелъ въ обходъ лѣса. Только узенькій слѣдочекъ тянется по росистой сѣдой травѣ. На столѣ стоитъ въ чашкѣ вареный картофель и лежитъ краюшка ржаного хлѣба, приготовленная дѣдушкой. Мигомъ вскочить Настя, умоется, Богу помолится, позавтракаетъ, приберетъ посуду, чисто подмететъ землянку и кругомъ землянки, побѣжить въ лѣсъ хворосту набрать, чтобы было чѣмъ обѣдъ сварить. Наберетъ, наломаетъ хворосту, сбѣгаетъ на ключъ съ кувшинчикомъ за водой, почиститъ картофелю. Приготовить все, чтобы дѣду не хлопотать, запретъ землянку и бѣжить въ лѣсъ гулять, здороваться съ птичками и любимыми кудрявыми березками. Хозяйничаетъ Настя, а сама пѣсню поетъ, заливаётся, съ птичками спорить. Съ тѣхъ поръ, какъ стала жить съ дѣдомъ Настя, не зналъ старикъ, что значить

хворосту набрать, воды принести или землянку подмести. Ко всякой домашней работѣ была приучена уже дѣвочка.

Зимой хуже. Вначалѣ оно ничего, когда не сильные еще морозы сковывали землю, и первый неглубокій снѣгъ бѣлымъ пушистымъ ковромъ ложился кругомъ, а зеленый лѣсъ ря-



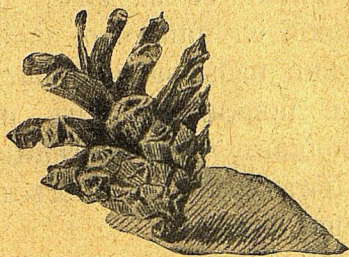
дился въ новый серебряный уборъ. Любо Настѣ бѣгать по пушистому ковра, разсматривать лисьи, заячьи слѣды, слушать веселую трескотню налетѣвшихъ къ землянкѣ сорокъ. Но чѣмъ дальше шла зима, тѣмъ становилось хуже. Страшныя, частыя мятели, бураны, наносили такія горы снѣга, что отъ стоявшихъ въ ложбинкахъ березъ и осинъ виднѣлись только кончики макушекъ. Ты, моя дѣвочка, родилась и выросла на югѣ, ты и понятія не имѣешь о тѣхъ страшныхъ метеляхъ, которыя свирѣпствуютъ зимой въ нашей мѣстности.

Бураны засыпають обозы въ пути, заматають съ крышами цѣлыя деревни въ одну ночь. Заносили они и землянку, хотя она стояла на горѣ и была окружена деревьями. Дѣдъ изъ силъ выбивался, откапываясь, чтобы выйти за дверь. Въ январѣ и февралѣ по недѣлямъ приходилось сидѣть въ землянкѣ, ждать, пока утихнетъ метель. Скучно было бы дѣвчкѣ коротать дни и ночи, сидя безвыходно въ темной землянкѣ, если бы не рассказы дѣда. Не зналъ дѣдъ сказокъ, рассказывалъ онъ все про бывальщину, что въ былыя времена случалось, какъ въ сѣдую старину люди жили. Много узнала изъ рассказовъ дѣда Настя. Узнала о страшномъ голодномъ годѣ, когда люди корой древесной питались да лебедой, и то за счастье считали; о страшной болѣзни холерѣ, что людей, какъ косой, косила; цѣлыя деревни до послѣдняго человѣка отъ нея вымирали. И о нашествіи Бонапарта, государя французскаго, съ „дванадцать языкъ“ на Россію, которую онъ хотѣлъ себѣ покорить, да не удалось ему это, услышала отъ дѣда Настя. Русскій народъ, вначалѣ робко по лѣсамъ прятавшійся, перепуганный разными глупыми слухами и невиданной хвостатой звѣздой (кометой), всталъ, какъ одинъ человѣкъ, на защиту родины и со стыдомъ выгналъ вонъ зазнавагося врага. Слушаетъ дѣда Настя и радуется, что выгнали французовъ, „дали имъ духа русскаго узнать“, но и жалко ей оборванныхъ, голодныхъ французовъ. Ну, да сами виноваты: не суйся, куда не звали!

И не перечестъ всѣхъ рассказовъ, которыхъ наслушалась Настя за длинныя, зимніе вечера. Тихо въ землянкѣ. Только трещитъ дымная лучина въ поставцѣ, да сонно покрикиваетъ сверчокъ за теплой печуркой. А въ лѣсу гудитъ буранъ, да скрипятъ подъ напоромъ злого вѣтра любимыя Настины березки.

Стихнет метель, выглянетъ за дверь Настя да такъ и ахнетъ: не узнать лѣса! Гдѣ была ложбинка—гора поднялась, бугры да грядки кругомъ, и не разберешь ничего! Не осталось слѣда отъ кустовъ, а мрачныя сосны надѣли тяжелыя, бѣлыя, словно пуховыя, шапки на косматыя головы. И повсюду легкимъ пухомъ еще не слегшійся снѣгъ лежитъ: ступнешь, выше колѣнъ въ него такъ и уйдешь!

„Березовый Кутъ“ лѣсъ большой. Трудно бы углядѣть за нимъ дѣдушкѣ Трофиму, человѣку старому, да кругомъ все были села зажиточныя, сами лѣсомъ богатые, а потому въ Березовомъ Кутѣ порубки случались не часто. Да и любили всѣ старика за то, что позволялъ онъ бѣднякамъ собирать сухой хворостъ. Не обижали люди дѣдушку Трофима, зато обижали больно волки. Ни собаки, ни курицы не могъ держать старикъ: рано или поздно всѣ на обѣдъ волкамъ попадали. Да не только въ лѣсу, а и въ ближайшихъ деревняхъ волки собакъ перевели. Лѣсовъ кругомъ въ то далекое время было втрое больше, чѣмъ теперь, да все глухіе и дремучіе. Было гдѣ жить звѣрю. Но особенно много ихъ было въ мрачномъ сосновомъ лѣсу, начинавшемся за „Березовымъ Кутомъ“. Не даромъ звали его „Волчьей Дубровой“. Иную зиму ихъ разводилось такъ много, что дороги становились небезопасными даже днемъ. Если нужно было куда-нибудь ѣхать, то собирались по нѣсколько подводъ вмѣстѣ. Ъхали съ колокольцами, запасаясь, кто чѣмъ могъ: ружьями, а то просто топорами да желѣзными вилами. Особенно золь и смѣль становился звѣрь въ декабрѣ и январѣ, когда собирался стаями штукъ по двадцати. То и дѣло разносились слухи, что тамъ



волки мужика, оставшаго отъ обоза, вмѣстѣ съ лошадыю разорвали, а тамъ подъ вечеръ посреди деревни бабу тяжело искалѣчили. Если бы не подоспѣли во время мужики, совсѣмъ бы на смерть загрызли. Дѣтей, чуть смеркнется, и на минутку за дверь боялись выпустить. О скотинѣ и говорить нечего, сколько ее за зиму пропадало по деревнямъ! А бывали и такіе случаи, что злой, голодный звѣрь, даже въ открытые сѣни избы заскакивалъ. Ну, ужъ тутъ то конечно ему спуска не давали, живымъ изъ рукъ не выпускаютъ! И облавы на волковъ часто устраивали, и охоты, а не переводились волки. Притихнуть на недѣлку, другую, а тамъ опять зашалаютъ, да еще злѣй.

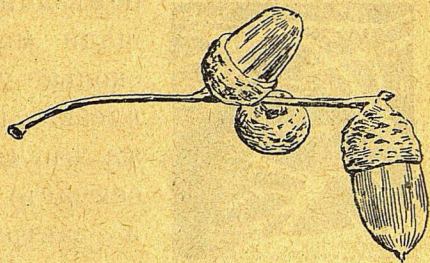
Бродили они часто и вокругъ землянки дѣдушки Трофима. Побродятъ, понюхаютъ, поскребутъ и пойдутъ дальше, гдѣ добычи больше, и вѣрнѣй добыть ее. Не разъ видѣла ихъ въ зимнія лунныя ночи Настя въ оконце землянки. А иной разъ разсядутся вокругъ и поднимутъ вой. Жутко вначалѣ было слушать Настѣ этотъ вой, а потомъ привыкла, даже голоса различать волчьи стала и по голосамъ этимъ и клички сѣрымъ бродягамъ, ночнымъ ворягамъ, дала.

— Это, дѣдушка, „Толстоголосый“, а это „Запѣвало“, а то „Плакунъ“. Слышишь, какъ воетъ, словно плачетъ? А это „Разноголосый“, на разные голоса пѣть умѣетъ. А то, слышишь, „Звонкопѣвъ“, звонче всѣхъ поетъ, всѣ голоса своимъ голосомъ покрываетъ, — начнетъ рассказывать дѣду Настя.

Диву дается дѣдъ, посмѣивается да головой покачиваетъ, слушая внучку: для него всѣ волки на одинъ голосъ пѣли.

Прожила Настя съ дѣдушкой два года. Подросла, окрѣпла, привыкла ни на кого не надѣяться, ни на чью помощь не рассчитывать, во всѣхъ затрудненіяхъ самой распутываться. Многому научилась Настя, многое узнала: какая травка послѣ зимы ранъ-

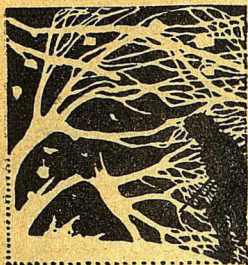
ше просыпается, какой цвѣтокъ прежде другихъ зацвѣтаетъ, сколько времени цвѣтеть, на какомъ мѣстѣ любить расти. Могла указать, гдѣ какая птичка любить водиться, гнѣздо вить, какая весной первой въ лѣсъ прилетаетъ, а осенью послѣдней улетаетъ въ теплые края. Знала о пчелкѣ-мохнаткѣ, о муравьѣ-батракѣ, какъ они дружной семьей живутъ, какъ строго у нихъ работа распределена, какъ они другъ другу помогаютъ и другъ друга изъ бѣды выручаютъ. О жизни всѣхъ обитателей лѣсныхъ, начиная съ крошечной лѣсной букашки до сѣраго волка бродяги, много любопытнаго могла бы рассказать дѣвочка, о чемъ и въ книжкахъ не прочтешь.



Наступила третья зима ея жизни въ лѣсу. Зима удалась холодная и снѣжная. Снѣгъ, какъ легъ сейчасъ же послѣ Покрова, такъ больше и не таялъ. А тамъ скоро загудѣли метели. Особенно разбушевались онѣ сейчасъ послѣ Рождества; начались съ „голодной кутьи“ (такъ называется въ Малороссіи Крещенскій Сочельникъ, въ отличіе отъ Рождественскаго, который называется „богатой кутьей“) и цѣлый мѣсяць почти безъ перерыва и бушевали. Трудно приходилось въ эту зиму дѣдушкѣ Трофиму. Каждый день нужно было откапываться и отбрасывать снѣгъ, а у него опухли ноги. Плохо было также и изъ-за харчей. Рыхлаго, мягкаго снѣга набило повсюду много,—ни на саяхъ, ни пѣшему нельзя было добраться до землянки; дѣду и внучкѣ пришлось въ концѣ мѣсяца питаться сухарями да печенымъ картофелемъ. Наконецъ, незадолго до масляной, метели стихли, застучали лютые морозы, и снѣгъ окрѣпъ. Въ субботу передъ заговѣньемъ,

не дождавшись объѣздчика, привозившаго имъ обыкновенно мѣсячное продовольствіе, дѣдушка Трофимъ сталъ самъ собираться въ усадьбу за харчами.

— Напрямикъ полемъ пойду, ближе такъ-то, чѣмъ лѣсомъ; больше версты не будетъ. Гдѣ на лыжахъ, а гдѣ такъ, какъ-нибудь доберусь. Не сидѣть же голоднымъ. Обратномъ съ объѣздчикомъ пріѣду, если проѣхать на лошади можно, а нѣтъ, такъ на себѣ хоть сколько-нибудь хлѣбушка да сала для похлебки принесу. Къ вечеру вернусь. Если же въ случаѣ чего (ужь, вѣдь, не рано сейчасъ) припоздаю, въ усадьбѣ заночую, а завтра раненько къ восходу солнца приду. Сухариковъ тебѣ на сегодня хватитъ, картошка тоже есть. Оставайся съ Господомъ.



Перекинулъ дѣдъ ружье черезъ плечо, надѣлъ лыжи, перекрестился, перекрестилъ внучку, взялъ палку и отправился.

День для Насти пробѣжалъ—и оглянуться не успѣла. Только-что успѣла вытопить землянку, закусить, прибрать все чистенько, выбѣжала изъ землянки воздухомъ подышать, да посмотрѣть, не идетъ ли дѣдушка, глядь, а ужь солнышко однимъ бочкомъ земли коснулось, спать собирается. Сразу и звѣзды высыпали, какъ солнышко сѣло, да такія все крупныя да частыя, и морозъ крѣпчать сталъ, а дѣда все нѣтъ, какъ нѣтъ, не придетъ, видно, запоздалъ. Съ пѣсенкой сбѣжала въ землянку Настя, заперла крѣпко дверь и коломъ еще приперла, какъ дѣлалъ это дѣдъ, прикрыла доской оконце, за-свѣтила лучинку и усѣлась за прялку. Прядетъ, а сама пѣсенку напѣваетъ. Не въ диковинку ей было одной ночевать. Зимой, правда, рѣдко случалось, ну, а лѣтомъ, особенно въ

сѣнокосъ да въ рабочую пору, — бывало. Мурлыкала, мурлыкала свою пѣсенку Настя надъ прялкой, да незамѣтно и задремала. Разбудилъ ее какой-то шорохъ. Прислушалась, слышитъ, точно легонько подъ дверью въ сѣняхъ скребеть, носомъ, какъ собака, фыркаетъ. „Волки, видно“, подумала дѣвочка. Не боялась она ни чуточки: не въ первый разъ гости эти жаловали. Потушила Настя догоравшую чадную лучину, убрала прялку, взобралась на свою постельку, думала, что опять сейчасъ заснетъ, такъ нѣтъ: что-то не спится, пропалъ сонъ. Лежитъ и прислушивается. А волки (по топоту слышитъ Настя, что волковъ всего два) все вокругъ землянки бродятъ, носомъ фыркаютъ, да подъ дверями сѣней скребутъ.

„Ишь, какіе настойчивые! Ну, да ладно, ладно, скребите сколько хотите! Двое сутокъ рыть будете, пока обѣ двери подкопаете“, смѣется про себя Настя. Луна поднялась, пробралась сквозь щели доски въ оконцѣ и полосами легла на стѣны землянки. На дворѣ, видно, свѣтло, какъ днемъ. Засмотрѣлась на эти полосы Настя, да вдругъ какъ вздрогнетъ, и сразу поднялась, сѣла. Вспомнила она, что забыла задвинуть снаружи оконце доской. Бѣда будетъ, если вздумается волкамъ къ окну перейти. Стекло продавить ничего не стоитъ, а доска внутри сама отскочить, если на нее только хорошенько снаружи налечь. А волки, словно думку Насти узнали, ужъ подъ окномъ фыркаютъ, потихоньку лапой стекло трогаютъ. Шибко забилось сердце у Насти, а голова работаетъ, хоть и сильно испугалась дѣвочка.

„Надобно сейчасъ огонь вздуть, да топоръ взять. Какъ первый голову въ окно сунетъ, такъ по головѣ, что есть силы рубить“. Думаетъ еще, а сама ужъ торопится думку на дѣло перевести. Вздуча лучину, вмигъ топоръ изъ-подъ лавки вытащила и стала противъ окна, духъ затаила, въ обѣихъ

рукахъ топоръ крѣпко-на-крѣпко сжала. А волки что-то притихли; даже фыркать перестали. Ну, а слышно Настѣ, что тутъ они, подѣ самымъ окномъ: по тяжкому дыханію ихъ слышно. Вдругъ, какъ треснетъ стекло, отлетѣла доска, и въ окнѣ показалась страшная волчья голова... Не помня себя, замахнулась топоромъ Настя (не тяжелъ былъ топоръ на Настино счастье, какъ разъ по силамъ дѣду и внучкѣ) и что было силы ударила имъ по волчьей головѣ... Ударила да и сама на ногахъ не удержалась, упала носомъ въ землю и осталась на полу лежать, а топоръ изъ рукъ вырвался и застрялъ въ волчьей головѣ. Въ ту же минуту погасла и лучина, и стало кругомъ темно и тихо, какъ въ погребѣ; не шелохнется Настя внизу, на полу, не шелохнется и волкъ на верху въ окнѣ.

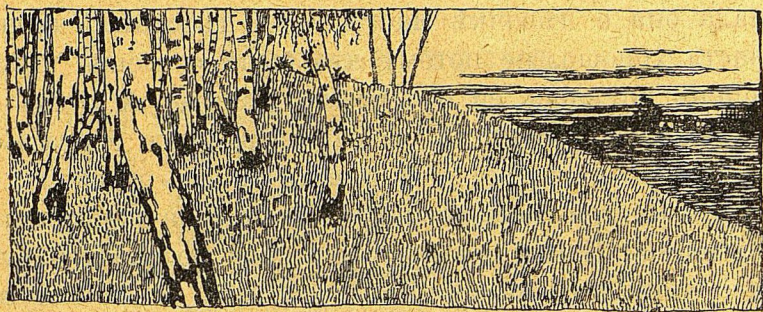
Добравшіеся утромъ съ великимъ трудомъ по глубокому снѣгу къ землянкѣ, лѣсные объѣздки должны были отбить запоры, чтобы войти въ землянку. Вошли они туда да такъ и ахнули оба въ одинъ голосъ. Въ окнѣ торчала страшная, мертвая волчья голова съ оскаленными зубами, съ топоромъ во лбу, а на полу, подѣ окномъ, свернувшись въ клубочекъ, крѣпко спала Настя. Обморокъ ея перешелъ незамѣтно въ сонъ,—да такой крѣпкій, что не разбудилъ ее и стукъ объѣзджиковъ, когда они запоры ломали. Раненый топоромъ волкъ, не имѣлъ силы выбратся обратно изъ тѣснаго окна, такъ и издохъ съ головой въ окнѣ и туловищемъ наружу.

— Дѣвочка, да неужли это ты чудище взаправду убила?—стали спрашивать удивленные объѣздки у едва разбуженной Насти. Она все время молчала и глядѣла исподлобья на распростертаго у землянки волка, котораго объѣздки съ трудомъ вытащили изъ окна.

— А то кто жъ? Не дожидать же было, чтобы волкъ меня

съѣлъ,—сердито отвѣтила, наконецъ, Настя и съ досадой отвернулась.

Отдѣлалась Настя однимъ испугомъ, а дѣдушка Трофимъ простудился, идучи, по колѣна въ снѣгу, въ усадьбу, и не на шутку занемогъ. Хвораль не долго и черезъ недѣлю умеръ, оставивъ Настю круглой сиротой. Обо всей этой исторіи донесено было помѣщицѣ, которая приказала



привести къ себѣ Настю. Храбрая „лѣсная дикарочка“, какъ назвала помѣщица Настю, сначала смотрѣвшая исподлобья, но толково и тихо отвѣчавшая на всѣ вопросы, понравилась помѣщицѣ, и она оставила ее у себя, чтобы дать ей воспитаніе и образованіе, какъ родной дочери. У Натальи Николаевны Полозовой всего полгода тому назадъ умерла любимая дочка однихъ лѣтъ съ Настей, по которой она сильно тосковала. Даже единственный сынъ ея, веселый, голубоглазый проказникъ Сергуша, не могъ ее утѣшить.

— Бабуля, — прервала бабушку удивленная Наля, — да, вѣдь, прабабушку звали такъ же, какъ и эту твою помѣщицу?

— Это и была твоя прабабушка, Наля, именемъ ея ты и названа.

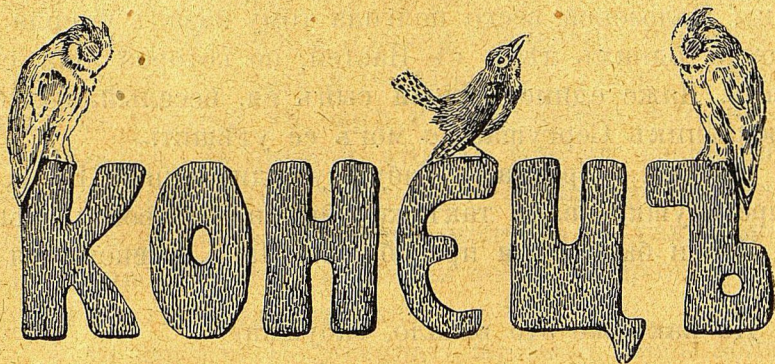
— Да какъ же это вышло, бабушка?

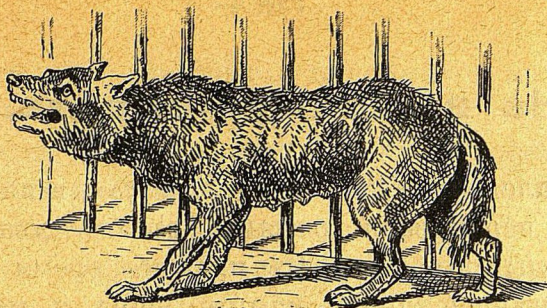
— А вотъ, ты не перебивай, тогда и узнаешь, какъ вышло, — улыбаясь, отвѣтила бабушка и продолжала:

— Въ новой жизни „лѣсной дикарочки“ было много новаго и интереснаго, но она не забыла свой зеленый, кудрявый лѣсъ и пользовалась всякимъ случаемъ, чтобы лишній разокъ навѣстить его. Не забыла она его и когда выросла большая.

Въ лѣсной избушкѣ, построенной на мѣстѣ землянки, подъ веселый зеленый шумъ старыхъ березъ и вѣковыхъ сосенъ вспоминала она о дѣвчкѣ Настѣ и ея дѣтствѣ. Училась дѣвочка Настя хорошо, не потому что была особенно прилежна, а ужъ очень хотѣлось ей обо всемъ узнать. А когда Настя выросла — вышла замужъ за своего названнаго брата Сережу, съ которымъ росла вмѣстѣ. И стала, такимъ образомъ, Настя Голубкина, — Настей Полозовой. Вотъ тебѣ, моя дорогая внучка, исторія дѣвочки Насти, — заключила свой рассказъ бабушка и поправила съѣхавшіе на кончикъ носа очки. Наля задумалась: облокотившись о колѣни бабушки и уставивъ черные глаза въ окно. Она воображала, какъ по пріѣздѣ въ институтъ будетъ рассказывать новымъ подругамъ, что у нея есть бабушка, которая, еще маленькой дѣвочкой, убила „страшеннаго-страшеннаго“ волчицу, и какъ тѣ будутъ удивляться и ахать.

Ю. Насветова.





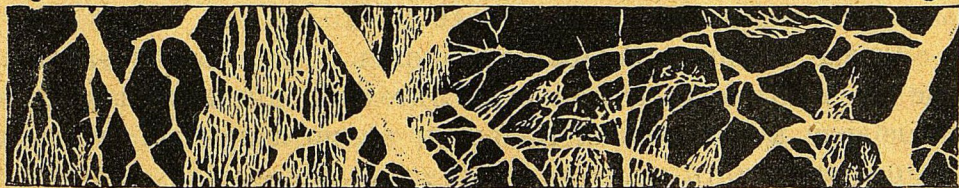
Волчья тоска.

Лишь затихнет садъ звѣриный,
Ночью зимней, ночью длинной,
Долго, жалобно и тихо
Воетъ старая волчиха:

„На родной сторонкѣ,
На лѣсной сторонкѣ,
Нѣтъ зимою логова,
Отняли волченка—
Сѣроголоваго“...

Долго, жалобно и тихо
Воетъ старая волчиха....

М. Моравская.



На вершину Арарата.

ДАЛЕКО, далеко на югѣ, тамъ, гдѣ сходятся русская, турецкая и персидская границы, стоятъ два великана— Большой и Малый Арараты. Въ прежнее время это были два вулкана, извергавшіе дымъ, камни, пары и расплавленную лаву. Но это было очень давно. Теперь Арараты потухли; кратеры ихъ завалило обломками и засыпало снѣгомъ. Лѣтомъ на Маломъ Араратѣ снѣгъ стаиваетъ, и тогда на вершинѣ его образуется круглое озеро. На Большомъ—снѣгъ лежитъ вѣчно. Арараты спятъ, и только землетрясенія, которыя иногда здѣсь случаются, напоминаютъ о временахъ, когда обѣ горы еще были дѣйствующими вулканами. Последнее большое землетрясеніе произошло семьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Тогда на Большомъ Араратѣ образовалась трещина, чуть не до самой вершины. Страшный обвалъ совершенно уничтожилъ монастырь святого Іакова и деревню Ахури у подножья горы. Въ нѣсколько минутъ обломки скалъ сползли внизъ до самой рѣчки Карасу, которая протекаетъ въ двадцати пяти верстахъ отъ вершины.

Расположены Арараты вдали отъ другихъ горъ и потому видны на громадномъ разстояніи. Большой Араратъ имѣетъ 5 верстъ высоты, Малый, немного пониже,—почти 4 версты; разстояніе между ними верстъ 10.

Рѣдко вершины Араратовъ видятъ у себя гостей—людей. Еще на Малый Араратъ иногда лѣтомъ поднимаются кочующіе вблизи курды, но на Большой, вѣчно покрытый снѣгомъ, они боятся ходить.

Курды—суевѣрные дикари и думаютъ, что на вершинѣ Большого Арарата живетъ шайтанъ (чортъ). „Шайтанъ не

пустить туда, а если кто-нибудь и попадетъ на вершину, то обратно шайтанъ его навѣрное не выпуститъ“, говорятъ курды. Однако ученые не боятся шайтана и поднимаются иногда на вершину Большого Арарата. Дѣло въ томъ, что на высокихъ горахъ воздухъ на столько чистъ и прозраченъ, что тамъ можно дѣлать наблюденія, которыя почти невозможны внизу на землѣ. Кромѣ того, для ученыхъ важно знать, на сколько на такихъ горахъ холоднѣе, чѣмъ внизу. Вотъ почему на высокія горы, время отъ времени, снаряжаются цѣлыя экспедиціи, а на нѣкоторыхъ горахъ даже выстроены постоянныя обсерваторіи.

Три года тому назадъ я, съ двумя товарищами, отправился на Арараты, чтобы сдѣлать нѣсколько наблюденій. Товарищи мои должны были взобраться на Малый Араратъ, а я—на Большой; мы рѣшили дѣлать наблюденія въ одно и тоже время на обѣихъ вершинахъ. Достали подробныя карты, изучили дороги и запаслись всѣмъ нужнымъ для путешествія на высокія горы. Собирались мы на Араратъ изъ Тифлиса въ концѣ іюля, но теплыхъ вещей набрали столько, будто ѣхали зимой въ сѣверныя страны. Были взяты полушубки, теплыя шапки, фуфайки и большіе, шерстяные спальныя мѣшки: въ такой мѣшокъ человекъ влѣзаетъ съ головой и застегиваетъ его изнутри. Взяли палки съ острыми желѣзными наконечниками (альпенштоки): на нихъ удобно опираться при ходьбѣ по скаламъ и обледенѣлому снѣгу; небольшіе топоры, чтобы прорубать ступеньки во льду; веревки, къ которымъ путешественники привязываются, чтобы помогать другъ другу при переходѣ черезъ опасныя мѣста; запаянныя жестянки съ провизіей, спиртовки; очки съ темными стеклами, для предохраненія глазъ отъ яркаго блеска горныхъ снѣговъ; кое-какія лѣкарства и все, нужное для перевязокъ. Кромѣ того съ нами

было нѣсколько ящиковъ съ научными приборами и фотографическіе аппараты.

Такъ какъ путешествіе къ Араратамъ очень интересно, то къ намъ присоединилось еще трое попутчиковъ: московскій учитель географіи Григорій Ивановичъ, гимназистъ Коля изъ

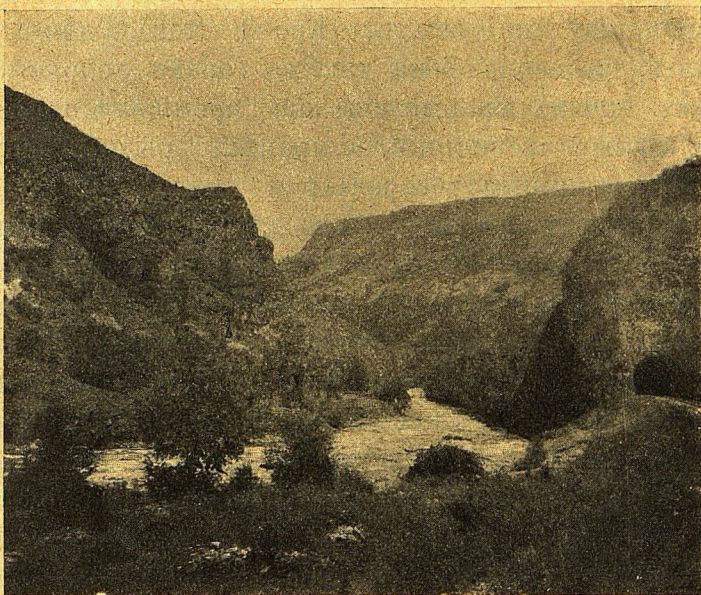


Рис. 1.

Петербурга и мой знакомый Николай Александровичъ, который много путешествовалъ и, кажется, зналъ весь земной шаръ. Въ пути къ намъ должны были присоединиться еще два англичанина.

29-го іюля мы выѣхали изъ Тифлиса по желѣзной дорогѣ. Начало путешествія прошло безъ всякихъ трудностей. Ни о чемъ не нужно было заботиться. Поѣздъ мчалъ насъ по красивой долиинѣ горной рѣчки Боргалы, поднимался въ горы,

все выше и выше, перевалилъ черезъ хребетъ и по долинь другой горной рѣчки Арпачай спустился къ городу Александрополю. Вся эта дорога очень красива. Поѣздъ поминутно перелетаетъ съ одного берега рѣки на другой, проходитъ туннели (рис. 1), вѣтся по узкимъ карнизамъ, то спускаясь къ

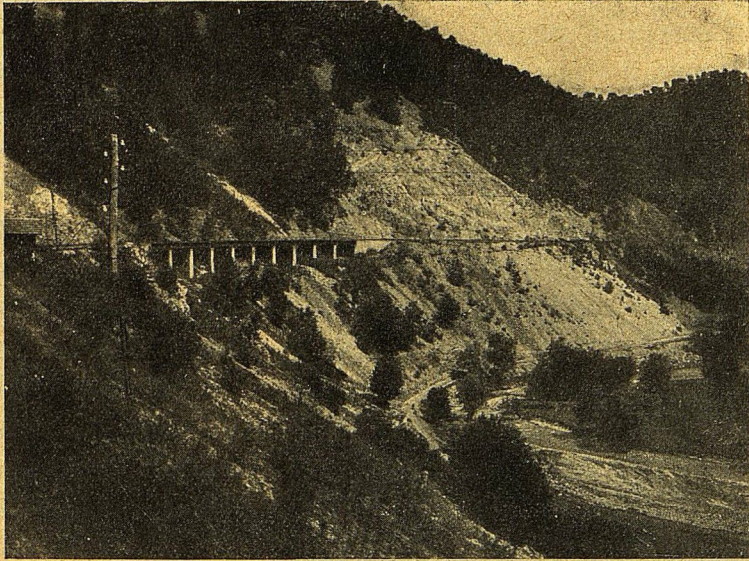


Рис. 2.

водѣ, то опять поднимаясь въ горы. Мѣстами долина превращается въ узкое полутемное ущелье, и тогда невидимая рѣчка грохочетъ гдѣ-то внизу (рис. 2). Мелькаютъ то черныя скалы изъ застывшей лавы, то лѣсистыя горы и зеленыя лужайки. Кое гдѣ въ зелени видны домики (рис. 3). Со всѣхъ сторонъ несутся бѣшеные ручьи, впадающіе въ рѣчку и превращающіе ее въ бурный потокъ. Мы все время переходили отъ одного окна вагона къ другому. Я пробовалъ на ходу поѣзда

фотографировать, но поѣздъ шелъ слишкомъ быстро, вагонъ трясло, и многіе снимки не удались.

Наступила ночь, и намъ пришлось отойти отъ оконъ. Ночью поѣздъ минулъ г. Александрополь и къ утру вышелъ на равнину. Мы про-

снулись довольно рано, такъ какъ скоро нужно было высаживаться. Стали собирать вещи.

— Араратъ, Араратъ, смотрите! — закричалъ Николай Александровичъ, взглянувшій случайно изъ окна.

— Гдѣ, гдѣ?

— Да вотъ, смотрите, какъ на ладони и Большой, и Малый!

Я подбѣжалъ къ окну. Оба Арарата дѣйствительно виднѣлись среди обширной равнины, верстахъ въ сорока къ югу отъ насъ. Солнце еще не всхо-

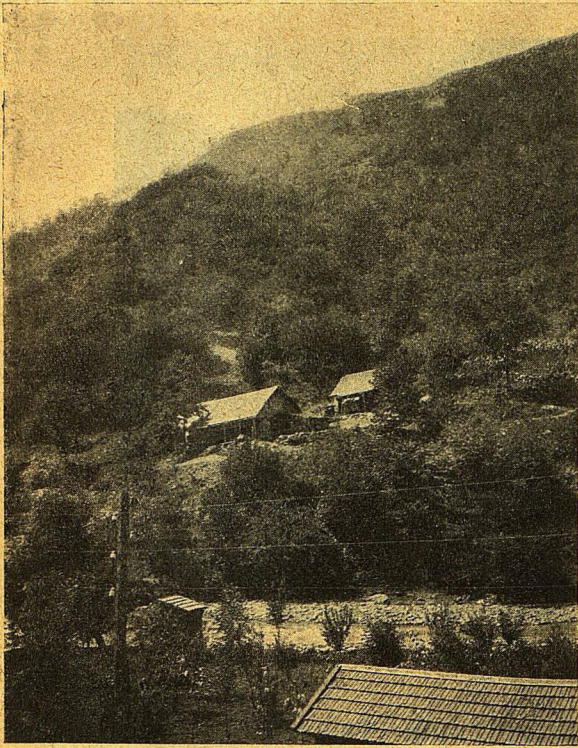


Рис. 3. На станціи.

дило, но Арараты уже были освѣщены: ярко сіяла, покрытая вѣчнымъ снѣгомъ, вершина Большого, лѣвѣе желтѣлъ остроконечный Малый. Однако любоваться было некогда.

— Станція Улу-Ханлу, поѣздъ стоитъ 2 минуты! — закричалъ кондукторъ.

Быстро выгрузили нашъ багажъ, поѣздъ помчался дальше къ городу Эривани, и мы остались на опустѣвшемъ вокзалѣ. На этой станціи насъ должны были ожидать будущіе спутники англичане, но ихъ нигдѣ не было видно.

Пока мы занялись чаемъ, одинъ изъ моихъ товарищей побывалъ у начальника станціи и прибѣжалъ къ намъ съ пріятной новостью. Оказывается, мы могли проѣхать еще нѣсколько верстъ по новой только что отстроеной дорогѣ, по которой пассажирскіе поѣзда еще не ходили. Начальникъ станціи согласился отправить насъ черезъ часъ со служебнымъ поѣздомъ, который везъ на линію песокъ, шпалы, рельсы и рабочихъ. Мы рѣшили не ждать англичанъ и стали перетаскивать вещи на рабочій поѣздъ.

— Смотрите, это не они ли?

Къ станціи быстро подѣхала запыленная повозка, изъ которой выскочили двѣ фигуры съ сумками, палками, плѣдами. Незнакомцы прямо направились къ намъ. Я поднялся имъ навстрѣчу и назвалъ себя.

— Очень хорошо,—сказалъ одинъ изъ нихъ,—я Муръ, а это мой товарищъ Джонсонъ; онъ не говоритъ по-русски.

Перезнакомились. Муръ былъ маленькій и толстенькій, а Джонсонъ высокій и худой.

— Гдѣ вы пропадали?—спросилъ я Мура,—отчего такъ запоздали?

— О! съ нами случилась очень непріятная исторія: мы были въ плѣну у разбойниковъ. Кажется, разбойники поджидали какихъ-то богатыхъ купцовъ и захватили насъ по ошибкѣ. Когда они увидѣли, что мы не тѣ, кого имъ нужно, они всетаки не хотѣли насъ отпустить: боялись, что мы будемъ по дорогѣ говорить всѣмъ встрѣчнымъ, чтобы они не ѣздили въ ту сторону. Только передъ разсвѣтомъ отпустили.

Больше мы никогда не будем ѣздить по Россіи безъ надежныхъ проводниковъ.

Джонсонъ только кивалъ головой и кажется очень жалѣлъ, что не можетъ рассказать намъ объ этомъ приключеніи. Коля хотѣлъ подробнѣе разспросить Мура о разбойникахъ, но надо было садиться въ поѣздъ. Мы размѣстились на открытой платформѣ, и поѣздъ тронулся. Платформу страшно трясло; дымъ изъ паровоза обдавалъ насъ, пыль слѣпила глаза, солнце пекло. Ящики съ инструментами и всѣ наши вещи скакали по платформѣ, и мы каждую минуту ждали, что что-нибудь изъ багажа упадетъ съ поѣзда. Ъхали мы только часъ, но этотъ часъ показался намъ очень длиннымъ. На 16-ой верстѣ, у селенья Комарлю поѣздъ остановился: дальше рельсы еще не были проложены, была готова только насыпь. Мы радовались, что окончилась наша скачка на грузовой платформѣ, и живо сложили весь багажъ на землю.

Сбѣжались любопытные, начались разспросы: кто мы, куда и зачѣмъ мы ѣдемъ? Никто не хотѣлъ вѣрить, что мы собираемся взойти на Араратъ; смотрѣли на насъ, оглядывались на снѣжную вершину Арарата и покачивали головами (рис. 4).

Часа черезъ два все наладилось: мы наняли три повозки, запряженные буйволами, уложили вещи и тронулись по направлению къ Араратамъ.

Дорога пролежала по степи, густо заросшей травой и кустарникомъ. Поминутно приходилось переѣзжать черезъ вырытыя жителями канавы, по которымъ проводилась вода на поля. Степь кишѣла всевозможнымъ живьемъ: медленно переползали черезъ дорогу черепахи, лягушки прыгали изъ подъ копытъ буйволовъ, утки стаями поднимались съ дальнихъ канавъ, мелькали невѣдомыя большія бабочки; кое-гдѣ въ канавахъ виднѣлись головы буйволовъ, спасавшихся въ

водѣ отъ жары и мухъ. Солнце поднималось выше, тѣни становились короче, и жара дѣлалась невыносимой. Понемногу мы начали сбрасывать съ себя все, что можно. Буйволы шли медленно, и только черезъ полтора часа мы добрались до рѣки Аракса. Увидѣли мы Араксъ, подойдя къ нему вплотную.



Рис. 4. Большой Араратъ.

Ровные, голые, песчаные берега, вода кофейнаго цвѣта, буйволы, лежащiе въ водѣ у береговъ и тутъ же купающiеся курдскiе мальчишки. Черезъ Араксъ надо было переправиться на паромѣ. На обоихъ берегахъ уже стояли нагруженные сѣномъ, пшеницей и хлопкомъ повозки-арбы. Приходилось ждать очереди.

Я подошелъ разсмотрѣть устройство парома. Поперекъ рѣки крѣпко натянутъ крѣпкiй, проволочный канатъ; по

канату ходить блокъ, къ нему привязаны двѣ небольшія барки; на баркахъ помость; сзади къ нему придѣланъ длинный руль, которымъ управлялъ совершенно черный полуголый курдь. Двигается такой паромъ силой теченія рѣки (рис. 5).

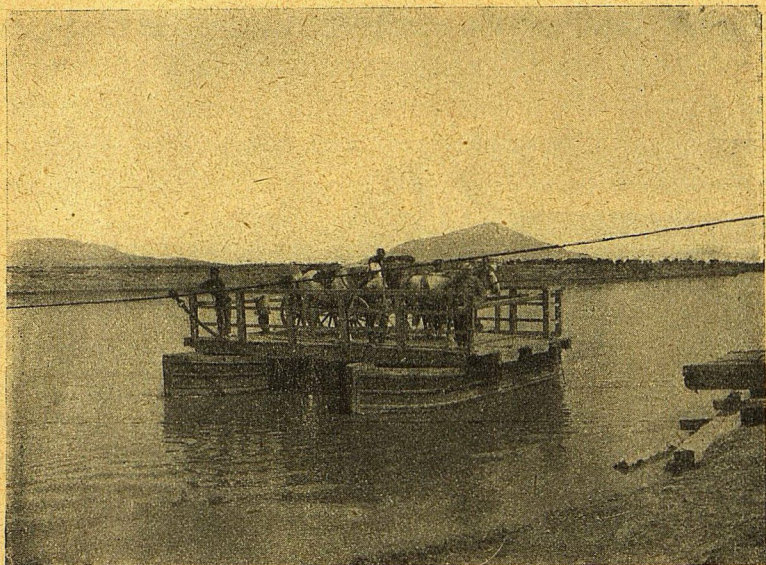


Рис. 5. На паромѣ черезъ Араксъ.

Вотъ паромъ подошелъ къ нашему берегу. Буйволы, по-
нукаемые страшными криками погонщиковъ, втащили на па-
ромъ очередную арбу, рулевой налегъ на весло, вода забур-
лила вокругъ барокъ, и паромъ медленно пошелъ по канату
къ противоположному берегу. Наша очередь наступала не
скоро. Спутники мои разбрелись; одинъ пошелъ купаться въ
кофейномъ Араксѣ; другой что-то приторговывалъ въ палаткѣ
у курда, продававшего всякую всячину.

Англичане забрались въ тѣнь арбы, вынули свои записныя книжки и быстро писали. Вокругъ меня собрались погонщики-курды, которымъ очень хотѣлось знать, кто мы, куда и зачѣмъ ѣдемъ. Однако разговаривать съ ними было трудно: они почти ничего не понимаютъ по-русски, а я, конечно, ни слова на ихъ языкѣ.

Долго я, указывая на Араратъ, пытался втолковать имъ, что мы собираемся на его вершину. Наконецъ, курды поняли.

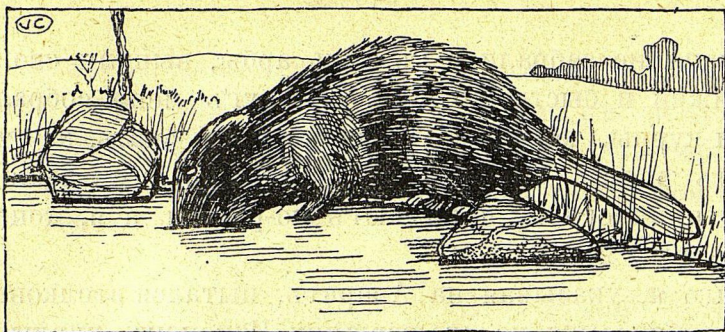
— Не ходи, нельзя!—закричалъ старый курдь.

— Почему нельзя?

— Не ходи, пропаль будешь: шайтанъ тамъ.

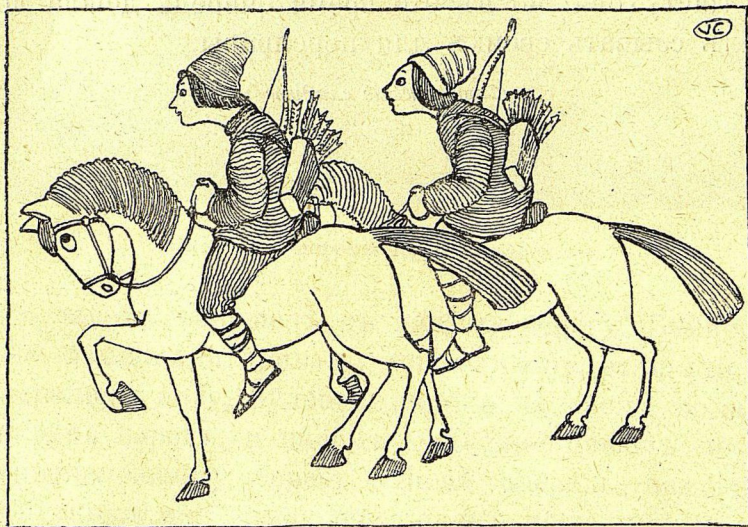
Конечно, я посмѣялся надъ курдскимъ шайтаномъ и хотѣлъ уже рассказать курдамъ о русскомъ ученомъ Пастуховѣ, который 15 лѣтъ тому назадъ былъ на Араратѣ и прелюбопытно спустился, о другихъ ученыхъ, бывшихъ на Араратѣ раньше Пастухова, но въ это время очередь дошла до насъ, и я сталъ сзывать своихъ для переправы.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Бобёръ.

Какъ на быстрой рѣкѣ купался бобёръ,
Купался бобёръ, купался черной.
Покупавшись, бобёръ на гору пошелъ,
Обсушается, отряхается.



Охотнички рыщутъ, черна бобра ищутъ,
Хотятъ бобра бити, черна погубити,



Хотят шубку сшити,
бобрѣмъ опушити,
Пастуховой женѣ подарити.
Пастухова жена неурядливая:
Шубку надѣнетъ, животину погонитъ,
А домой вернется—шубку скинетъ,
Скинетъ, потопчетъ—подъ
лавку кинетъ.

Какъ на быстрой рѣкѣ
купался боберъ,

Купался боберъ,
купался черной.

Покупавшись,
боберъ на гору
пошелъ,

Обеушается,
отряхается.

Охотнички рыщутъ,
черна бобра ищутъ,

Хотятъ бобра бити, черна погубити,
Хотятъ шубку сшити, бобрѣмъ опушити,
Красной дѣвицѣ подарити.

Красная дѣвица урядливая:

Шубку надѣнетъ, на улицу
выйдетъ,

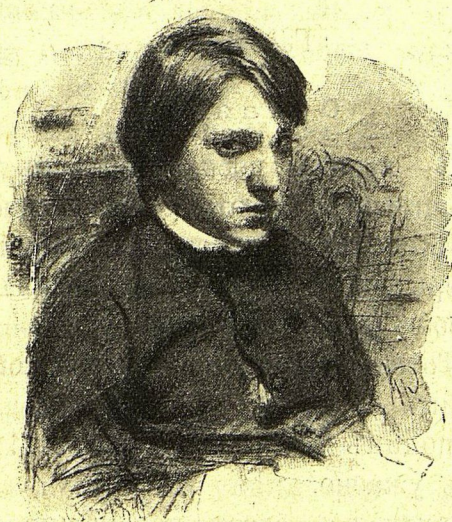
На улицу выйдетъ, въ конецъ
пройдется,

Пусть-де добрые люди любятъ.





Дѣти. Картина В. А. Сѣрова.



Валентинъ Александровичъ Сѣровъ въ юности.

Портретъ работы И. Е. Рѣпина.

23-го ноября 1911 г. скончался одинъ изъ прекраснѣйшихъ русскихъ художниковъ,

Валентинъ Александровичъ Сѣровъ.

За счастьемъ.

ГЛАВА I.

Отчаяніе.

— Уѣхаль?!..— хоромъ воскликнули съ отчаяніемъ всѣ трое. Лакей, сообщившій имъ это потрясающее извѣстіе, смотрѣлъ на нихъ съ нескрываемымъ презрѣніемъ и насмѣшкой.

— Ну, а теперь проваливайтесь,—прибавилъ онъ и ушелъ, захлопнувъ за собою дверь ресторана.

Дженарино, Тотоно и Таніэлло, съ собакой позади, уныло поплелись по улицѣ.

Уѣхаль! Господинъ Каландроне уѣхаль! Это было такъ неожиданно, такъ ужасно.

Въ одну минуту все сразу перемѣнилось. Мальчиковъ нельзя было узнать. Четверть часа тому назадъ, улыбающіеся, веселые, съ подскакивавшей возлѣ нихъ собакой, направлялись они къ ресторану „Гамбринусъ“, на одной изъ площадей Неаполя, придумывая по пути новыя шутки, новыя пѣсенки и прибаутки, чтобы повеселить богатаго и щедраго иностранца. А теперь они возвращались, точно съ похоронъ, едва удерживая слезы. Очень грустно было вспоминать объ исчезнувшемъ швейцарскомъ синьорѣ.

Въ сумерки онъ имѣлъ обыкновеніе обѣдать за однимъ изъ столиковъ на улицѣ возлѣ Гамбринуса, а мальчики въ это время забавляли его своими штуками. Лакеи въ черныхъ фракахъ злились, что, по желанію одинокаго иностранца, должны были терпѣть присутствіе оборванцевъ возлѣ наряднаго ресторана.

Сколько людей изъ разныхъ странъ перевидало предста-

вленія трехъ мальчиковъ и ихъ собаки! За прекрасно накрытыми и блестящими хрусталемъ и серебромъ столами присаживались славяне съ добродушными, открытыми лицами; приходили сюда и вѣчно сдержанные англичане, и плотные нѣмцы съ красными щеками, и разные другіе иностранцы. Часто въ ресторанъ являлась и веселая неаполитанская молодежь. Три мальчугана, возбужденные собственной изобрѣтательностью и многочисленнымъ обществомъ, были неутомимы. Когда же одинъ изъ лакеевъ, по имени Раймондо, захотѣлъ всетаки прогнать оборванцевъ, господинъ Каландроне вступился за нихъ:



— Мнѣ кажется, что улица принадлежит всѣмъ, и я не понимаю, почему вы прогоняете мальчиковъ съ ихъ собакой.

— Но они могутъ обезпокоить... — Тотона, Тавіэлло, Дженарино и Прыгунъ.

— Обезпокоить кого?—остановилъ его Каландроне.—Мнѣ кажется, здѣсь они всѣхъ только забавляютъ... Продолжайте, я васъ прошу,—обратился онъ къ мальчикамъ.

И Раймондо долженъ былъ замолчать. А черезъ нѣсколько дней онъ же съ удовольствіемъ сообщилъ мальчуганамъ объ отъѣздѣ иностранца.

И вотъ они бредутъ, какъ побитыя собаченки, бредутъ, огибая огромный фонтанъ на городской площади между церковью св. Франциска и королевскимъ дворцомъ. Смеркается. Осенній воздухъ прозраченъ и прохладенъ. Они идутъ медленно, съ опущенными головами и не говорятъ ни слова. У

идушаго впереди озабоченное и недовольное лицо. Цвѣтъ этого лица шоколадный, быть можетъ, отъ природы, а, можетъ быть, и отъ того, что мальчуганъ не очень то долюбливаетъ умыванья. У него пара черныхъ, дявольски-безпокойныхъ и смышленныхъ глазъ, вздернутый насмѣшливый носъ, очень подвижной ротъ и большая голова съ цѣлымъ лѣсомъ курчавыхъ волосъ. Онъ выше своихъ товарищей. Ноги у него босыя. Одѣтъ онъ въ какое-то подобіе халата, который виситъ лохмотьями, начиная отъ пояса. На головѣ франтовски посажено воспоминаніе соломенной шляпы. Зовутъ его Тотоно (Антоніо). Другой, самый маленькій, бѣлокурый и тонкій, похожъ на переодѣтую дѣвочку. Онъ почти тонетъ въ своей заплатанной охотничьей курткѣ коричневаго бархата. Изъ воротника высовывается круглая головка съ бѣлокурими вьющимися волосами. Щеки у него чуть-чуть розовыя, а глаза напоминаютъ глаза синички. На макушкѣ, — шляпченка изъ чернаго плюша. Края ея опущены, и она имѣетъ видъ опрокинутой воронки. Зовутъ мальчугана Таниэлло (Гаэтано). Онъ очень добръ, и товарищи ему покровительствуютъ. Послѣдній изъ трехъ мальчугановъ, худой чертенокъ, ловкій, настоящій акробатъ и необыкновенно изобрѣтательный на всевозможныя выдумки. Онъ увлекается всѣмъ, что только можетъ дать хоть минуту веселья. Ротъ его, похожій на разорванный башмакъ, вѣчно смѣется. Онъ непостояненъ, легкомысленъ и отъ природы большой чудакъ. На головѣ у него нѣтъ и признака шляпы. Одежды, кромѣ рубахи до колѣнъ, — никакой. Его круглая, вѣчно движущаяся голова напоминаетъ голову жаворонка. Черты лица — едва намѣчены, а въ веселыхъ глазахъ неизмѣнно насмѣшливое выраженіе. Зовутъ его Дженарино (Дженарро). Между ногъ мальчишекъ скачетъ, виляя хвостомъ, старый пудель, печальный, жалкій, вѣчно голодный, съ вскло-

коченной, грязной шерстью. Онъ безъ устали облизываетъ пыль и грязь съ босыхъ ногъ своихъ хозяевъ. Зовутъ его „Прыгунъ“. Названіе это онъ получилъ за свои превосходные прыжки.

У каждыя изъ мальчиковъ есть всетаки и близкіе. У Тотона, который на 29 дней въ мѣсяцъ покидаетъ зловонную каморку въ захоластьѣ Неаполя, есть мать, злая нищенка. Она цѣлый день ходитъ просить милостыню съ сестрой Тотона, маленькой Анджіолиной, прелестнымъ созданіемъ, такимъ же веселымъ, какъ и ея братъ. На углу каждой улицы Анджіолина обязана хныкать и стонать, чтобы разжалобить проходящихъ. Тотона любитъ сестренку и часто приноситъ ей подарки: кусочекъ миндального пирожнаго, карамельку, апельсинъ или грошевую безобразную куколку. Анджіолинѣ тоже кое-что перепало отъ щедротъ Каландроне. А теперь!

У Таніэлло тетка,—настоящая вѣдьма и, по всей вѣроятности, дальняя родственница дьявола. Беззубая, горбатая, кривая, съ хриплымъ голосомъ, она вѣчно бранится и злится. Но съ помощью друзей Таніэлло удралъ отъ тетки, которая готовила ему участь бѣдной Анджіолины.

У Дженарино—собака, больше никого.

И такъ, они шли молча и даже не поднимали опущенныхъ глазъ, чтобы взглянуть другъ на друга.

А ресторанъ, оставшійся за ними, уже начинали освѣщать. Вотъ сейчасъ вспыхнутъ въ немъ и возлѣ него всѣ огни. Но ресторанъ съ его веселыми огнями сталъ вдругъ только однимъ печальнымъ воспоминаніемъ для мальчугановъ.

А еще вчера господинъ Каландроне сидѣлъ тамъ за своимъ столикомъ, только вчера придумали они поразить его новой сценкой: на глазахъ зрителей три актера и ихъ собака, распластавшись на животахъ по землѣ, изобразили высасы-

вающій насосъ: вытащили губами и языками все содержимое большой и глубокой миски съ макаронами. Ахъ, какъ это было вкусно! Малыши были всегда голодны, и это представленіе доставило имъ самимъ большое удовольствіе. А какъ смѣялся господинъ Каландроне!

И сколько денегъ имъ надавали! Какъ жаль, что они въ тотъ же день все истратили. Ничего, какъ есть, не сберегли. Послѣ всего пережитаго, на ресторанъ они больше не хотѣли смотрѣть.

— Уйдемъ отсюда,—грустно предложилъ Тотоно. Ни слова не сказавъ ему въ отвѣтъ, оба его товарища стали спускаться за нимъ по улицѣ къ морю. Тотоно хотѣлъ отдохнуть на набережной возлѣ самой воды.

Они усѣлись на одномъ изъ каменныхъ выступовъ. Почти черная вода отражала золотыя звѣзды. Волны глухо плескались о каменную набережную.

— Тяжелое время наступило для насъ, друзья,—началь Дженарино.—Послѣ сладкаго—горькое кажется особенно горькимъ...

Продолжать ему помѣшалъ собачій вой. Прыгунъ не выдержалъ и сталъ подвывать отъ голода.

— Молчать! — прикрикнулъ на него Дженарино и далъ ему пинка.

Собака, которая, по всей вѣроятности, вмѣстѣ со своими хозяевами тоже оплакивала иностранца, присѣла и продолжала подвизгивать уже не такъ громко.

— И такъ, друзья мои,—продолжалъ Дженарино, нашъ дорогой иностранецъ уѣхалъ!

Эта полная глубокаго значенія фраза, которую Дженарино произнесъ не хуже любого оратора, достигла своей цѣли. Маленькій Таніелло разрыдался. Дженарино, довольный собой, продолжалъ:

— Мужайтесь! Боритесь съ уныніемъ!

Рѣчь Дженарино напомнила всѣмъ о томъ, что онъ взялъ нѣсколько уроковъ дикціи, то-есть выразительнаго чтенія въ театрѣ маріонетокъ. Въ темнотѣ раздавался его преувеличенно взволнованный голосъ, мелькали все время жестикулировавшія руки. Дженарино въ эту минуту до такой степени напоминалъ маріонетку, что хотѣлось разглядѣть, гдѣ же нити, приводящія въ движеніе его члены, и гдѣ спрятанъ говорящій за него человѣкъ.

— Развѣ великіе полководцы, рыцари круглаго стола, Неистовый Орландо и всѣ другіе знаменитые мужи, развѣ всѣ они когда-нибудь, теряли мужество?—Отвѣчайте, товарищи!

— Ну, ужъ замолчи! Довольно я наслушался отъ тебя всякой чепухи,—вдругъ оборвалъ его Тотоно.

Наступило леденящее молчаніе. Его нарушилъ жалобный плачь и тихій голосъ:

— Я умираю. Мнѣ такъ хочется ѣсть! — пропищалъ Таніэлло. Никто ничего не отвѣтилъ. Молчаніе сдѣлалось еще томительнѣе.

— У тебя, кажется, была какая-то мелочь въ карманѣ, Тотоно? — вдругъ спросилъ Дженарино небрежнымъ тономъ большого барина.

Тотоно сердито пожалъ плечами. У него не было не только денегъ, но и кармана. Дженарино уже больше ни о чемъ не спрашивалъ. Таніэлло, наплакавшись, едва слышно вздыхалъ. Тотоно весь сжался и превратился въ комочекъ. Собака, всегда раздѣлявшая настроеніе своихъ хозяевъ, тихонько и жалобно подвизгивала.

II.

Планы на будущее.

— Эй, что вы тамъ дѣлаете, мальчуганы? — окликнулъ ихъ стоявшій на посту таможенный сторожъ.

— Мы умираемъ съ голоду, — объявилъ Дженарино такимъ голосомъ, точно не придавалъ этому особеннаго значенія.

— Вотъ такъ штука! — засмѣялся сторожъ и швырнулъ мальчикамъ ломоть хлѣба.

Прыгунъ бросился къ хлѣбу, но Дженарино далъ ему такого пинка, что собака очутилась въ водѣ. Она быстро выбралась оттуда, менѣе грязная, но еще болѣе голодная, чѣмъ прежде.

Даніэлло схватилъ хлѣбъ и проворно раздѣлилъ его на три равныя части. Такъ они втроемъ и поужинали.

Собака больше не выла. Она огорчалась и негодовала, на этотъ разъ уже молча. Дженарино отлично понималъ ея настроеніе. Покончивъ съ хлѣбомъ и, тщательно подобравъ послѣднія крошки, онъ обратился къ товарищамъ:

— Несчастное животное! — произнесъ онъ сильно растроганнымъ голосомъ. Ему хотѣлось разжалобить Тотоно и Таніэлло. Но тѣ не поддались и продолжали преспокойно уплетать хлѣбъ.

Когда же съ хлѣбомъ было покончено, Тотоно заявилъ:

— Для насъ наступаютъ тяжелые дни. Особенно трудно будетъ отвыкать отъ нѣкоторыхъ привычекъ. Мы привыкли за послѣднее время подкармливаться остатками отъ обѣда г-на Каландроне. Помните, вѣдь, онъ частенько заказывалъ для насъ даже отдѣльныя кушанья. И денегъ намъ отъ него перепало порядочно.

— А теперь зубы на полку и больше ничего,—вставилъ Дженарино.

— Да не мѣшай же, — остановилъ его Таниэлло. Онъ внимательно слушалъ Тотоно. Почему-то ему казалось, что именно Тотоно способенъ ихъ выручить.

— Я хотѣлъ сказать, что вернуться къ прежней жизни, къ той, которой мы жили до иностранца, мы не можемъ. Довольно мы пострадали.

— Да, довольно,—подтвердилъ Таниэлло.—А не поискать ли намъ другого иностранца?—вдругъ, весь просіявъ, предложилъ онъ.

— Чего лучше! А только ты думаешь, много такихъ, какъ господинъ Каландроне? — спросилъ насмѣшливо Дженарино. — Нѣтъ, голубчикъ, такихъ, какъ онъ, очень мало. Онъ былъ единственнымъ. Ужъ я ли не пробовалъ поддѣлаться къ какому-нибудь иностранцу, чтобы выклянчить у него хоть окурокъ сигары. Куда тамъ! Ничего, кромѣ пинковъ, колотушекъ и брани, я не добился. Повѣрь мнѣ, малышъ, всѣ эти рассказы о неаполитанскихъ мальчикахъ, которыхъ увозили съ собой богатые иностранцы — однѣ только басни. Ничего подобнаго теперь не случается.

— А случается, что вдругъ тебѣ дадутъ палкой по уху,—вставилъ Тотоно.—Недавно одинъ англичанинъ здорово угостилъ меня. Я подошелъ къ нему попросить денегъ, а онъ подумалъ, что я хочу залѣзть къ нему въ карманъ. Такъ шрамъ у меня и остался.

— Просто не понимаю, что намъ дѣлать, — сказалъ Таниэлло.

— Давайте торговать спичками, — предложилъ Тотоно.

— Нечего сказать, придумалъ! Кому продавать то будешь? Торговцевъ спичками и такъ тьма тьмущая.

— Можетъ быть, торговать газетами?

— А кто тебѣ дастъ эти газеты? Надо имѣть деньги чтобы заплатить за нихъ.

— Не поступить ли намъ въ ученье въ какую-нибудь мастерскую?—предложилъ Таніэлло.

— Только этого не хватало. Пинки, колотушки, усталость и жизнь впроголодь.

— Придется, видно, просить милостыню. Нужно будетъ одному изобразить слѣпца, другому—калѣку, а третьему—слабоумнаго.

— Прекрасное существованіе! Нечего сказать,—придумаль.

У Таніэлло опустились руки. Недовѣріе товарищей къ его планамъ привело мальчика въ уныніе. Онъ сѣлъ на ступеньку, обхватилъ руками колѣни и опустилъ на нихъ голову. Всѣ замолчали. Въ тишинѣ ночи раздавались только шаги таможеннаго сторожа и унылый гулъ волнъ. Прыгунъ не двигался. Онъ заснулъ отъ голода, и врядъ ли ему снились веселые сны.

— Товарищи!—вдругъ сказалъ Тотоно и быстро поднялся съ своего мѣста,—пройдемте на улицу Карачіолло. Здѣсь мы все равно ни до чего не додумаемся.

Прыгунъ, не слыша больше голосовъ, проснулся, оглядѣлся, понюхалъ воздухъ и бросился со всѣхъ ногъ догонять хозяевъ.

Всѣ четверо шли очень быстро, направляясь къ людной, ярко освѣщенной улицѣ, гдѣ помѣщалось зданіе театра. Свѣтъ, доносившаяся музыка и шумная толпа сразу ободрили мальчугановъ. Особенно оживился Тотоно.

— Ну, чего повѣсили носы!—воскликнулъ онъ. —Давайте, братцы, жить весело.

— Чего лучше! — откликнулся Таніэлло. — Только,

вотъ, какъ это устроить?.. Вѣдь господинъ Каландроне то уѣхалъ.

— Ахъ, пустяки. Устроить все можно, пока человекъ живъ, — увѣренно заявилъ Тотано. — Ты говоришь, господинъ Каландроне уѣхалъ? Прекрасно. Но почему бы намъ его не разыскать?

И Таниэлло, и Дженарино сразу остановились и, вытаращивъ глаза, смотрѣли на Тотано. Они не понимали, шутить онъ или говорить серьезно.

— Въ Швейцарію? — вызывающе спросилъ Таниэлло.

— Въ Женеву? — въ тонъ ему добавилъ Дженарино.

— Да, въ Швейцарію. Да, въ Женеву. Можетъ быть, вы думаете, что Швейцарія на краю свѣта?

— Мнѣ думается, что если итти все прямо-прямо, можно добраться куда угодно, — нерѣшительно проговорилъ Дженарино.

— Нечего тамъ раздумывать! Въ путь и кончено!

— А деньги?

Но Тотано хотѣлъ прекратить дальнѣйшіе разспросы.

— Давайте теперь, прежде всего, разойдемся въ разныя стороны, — предложилъ онъ. — Пускай каждый постарается что-нибудь заработать, а завтра на утро мы сойдемся и посмотримъ, что изъ этого вышло.

— А на ночь какъ мы устроимся?

— Никакъ. Будемъ искать денегъ. Вотъ и все. У меня мелькають блестящія мысли.

— А я такъ увѣренъ, что на завтра у насъ животы подведетъ еще больше, чѣмъ сегодня.

— Просто, ты мрачно настроенъ, Таниэлло. Намъ надо быть мужественными. Пока, до свиданія! — крикнулъ возбужденный своимъ планомъ Тотано и въ одну минуту исчезъ изъ глазъ.

— Послушай хоть ты меня, Дженарино, — началъ Таніэлло.

Но и Дженарино не захотѣлъ его слушать. Онъ тоже умчался.

Прыгунъ полетѣлъ за нимъ.

Таніэлло понялъ, что и ему незачѣмъ стоять. Грустный, съ опущенной головой, поплелся онъ по улицѣ.

III

Цилиндръ Дженарино.

Радостно возбужденный планомъ Тотоно, Дженарино нѣкоторое время летѣлъ, какъ стрѣла, по улицѣ и вдругъ остановился.

— А куда же мнѣ итти? Скоро ночь. Сейчасъ всё разойдутся по домамъ, лягутъ спать...

Дженарино былъ очень впечатлителенъ, непостояненъ. Настроеніе у него мѣнялось съ телеграфной быстротой. Онъ сразу осѣлъ, какъ только у него мелькнуло сомнѣніе въ планѣ Тотоно, а рядомъ съ нимъ не было друга, который бы опять заразиль его своимъ пыломъ.

И то, что случилось, окончательно разстроило мальчика.

Простодушно и довѣрчиво направился Дженарино къ проходившему господину.

— Сеньоръ...—началъ онъ.

— Проходи, проходи. Мнѣ нечего тебѣ дать,—оборвалъ его проходившій.

— Вы ошиблись. Милостыни я не прошу. Я не нищій.

— Что же тебѣ нужно?

— Мнѣ нужно узнать объ одномъ...

— Скорѣй говори.

— Швейцарія отсюда далеко?.. Потому что я долженъ дойти пѣшкомъ... Да, да... Пѣшкомъ... Съ моими товарищами... Они...

Дженарино совсѣмъ запутался. Продолжать дальше онъ не могъ. Господинъ хохоталъ ему въ лицо.

— Въ Швейцарію! Пѣшкомъ!?

Ха-ха-ха.

— Почему вы такъ хохочете? — разсердился Дженарино. Ему захотѣлось схватить камень съ мостовой и запустить имъ въ насмѣшника.

— Да какъ же можно не смѣяться надъ тобой, мальчуганъ! До Швейцаріи пѣшкомъ добрыхъ два мѣсяца пути, да и то, пожалуй, придется бѣжать.

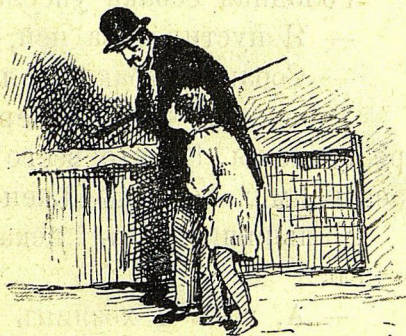
Дженарино былъ ошеломленъ этими словами. Потомъ лицо его выразило сильную тревогу.

Господинъ, въ благодарность за то, что мальчикъ доставилъ ему случай посмѣяться, сунулъ ему мелкую монету и удалился; все еще посмѣиваясь.

— Два мѣсяца! Два мѣсяца! — бормоталъ Дженарино, плетясь по улицѣ, по которой еще такъ недавно мчался, какъ вѣтеръ.

Все: и путешествіе, и дальнѣйшая жизнь представлялись ему однимъ ужасомъ. Голодъ, усталость, отчаяніе.

— Тотону просто сумасшедшій, — рѣшилъ онъ, выходя на площадь. И вдругъ ему бросилась въ глаза кучка людей возлѣ пекарни. „Что-то тамъ случилось!“ мелькнуло у него въ головѣ.



— Швейцарія отсюда далеко?

— Воръ! Ловите вора!—вдругъ закричалъ пекаръ, размахивая палкою.

Нѣсколько кумушекъ кивали сочувственно головами. Кучка уличныхъ мальчишекъ громко смѣялась. Одинъ изъ нихъ сейчасъ же сталъ объяснять Дженарино, что случилось:

Голодная собака унесла пирожокъ съ выставки у пекарни.

— Я пустился за ней, а она...

— Собака! Собака!—вдругъ раздались крики.

У воровки хватило дерзости вернуться на мѣсто своего преступленія. Но, что всего удивительнѣе, преступница бросилась прямехонько къ Дженарино.

Мальчишка изъ пекарни поднялъ палку и полетѣлъ за нею.

— А, вотъ и хозяинъ собаки. Побьемъ и его!—кричалъ онъ.

Хорошо, что Дженарино во время вспомнилъ про мелочь, данную ему господиномъ.

— Сколько стоилъ пирожокъ?—поторопился онъ спросить.

— Три копейки,—отвѣтилъ мальчишка.

— Прекрасно! Вотъ вамъ пять. На сдачу вы дадите еще пирожокъ и для меня. Вотъ и поужинали мы съ товарищемъ.

И вышло у Дженарино все это такъ смѣшно, что гнѣвъ пекаря какъ рукой сняло. Доброта Дженарино его тронула. Оттолкнувъ монету, поданную ему мальчишкой съ палкой, онъ далъ Дженарино пирожокъ цѣною въ четыре копейки.

— Да здравствуетъ синьоръ Винченцо!—кричали кумушки.

Дженарино съ собакой отправились дальше.

Пирожокъ подбодрилъ Дженарино.

„Ничего. Дѣла не такъ ужъ плохи“,—подумалъ онъ.

Собака больше не скулила. Она повеселѣла и подпрыгивала рядомъ съ мальчикомъ.

Дженарино опять сталъ думать объ увлекательномъ путешествіи.

„Попастъ въ Швейцарію! Быть всегда возлѣ господина Калондроне, придумывать для него все новыя и новыя развлечения. Избавиться отъ нищеты! Увидѣть новыя страны“.

— И тебѣ, Прыгунъ, не дурно было бы посмотрѣть на швейцарскихъ собакъ. Боюсь только, что вы не поймете другъ друга...

Дженарино поднялъ глаза. Третій этажъ дома, передъ которымъ онъ остановился, былъ ярко освѣщенъ. Тамъ былъ балъ. Оттуда доносилась музыка.

Дженарино совсѣмъ повеселѣлъ. Ему захотѣлось прыгать и кувыркаться.

Цвѣтные фонарики освѣщали балконъ третьяго этажа. Дженарино увидѣлъ на немъ двухъ мужчинъ во фракахъ. Жестикуюлируя, они громко говорили между собой. Вдругъ до мальчика донесся звукъ пощечины, и въ ту же минуту къ его ногамъ свалился цилиндръ.

Одинъ господинъ далъ другому такую пощечину, что цилиндръ слетѣлъ у того съ головы и вылетѣлъ черезъ рѣшетку балкона.

Дженарино подхватилъ на лету цилиндръ и со всѣхъ ногъ помчался съ нимъ вдоль улицы.



Дженарино подхватилъ цилиндръ и помчался вдоль по улицѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Астрономическія карты.

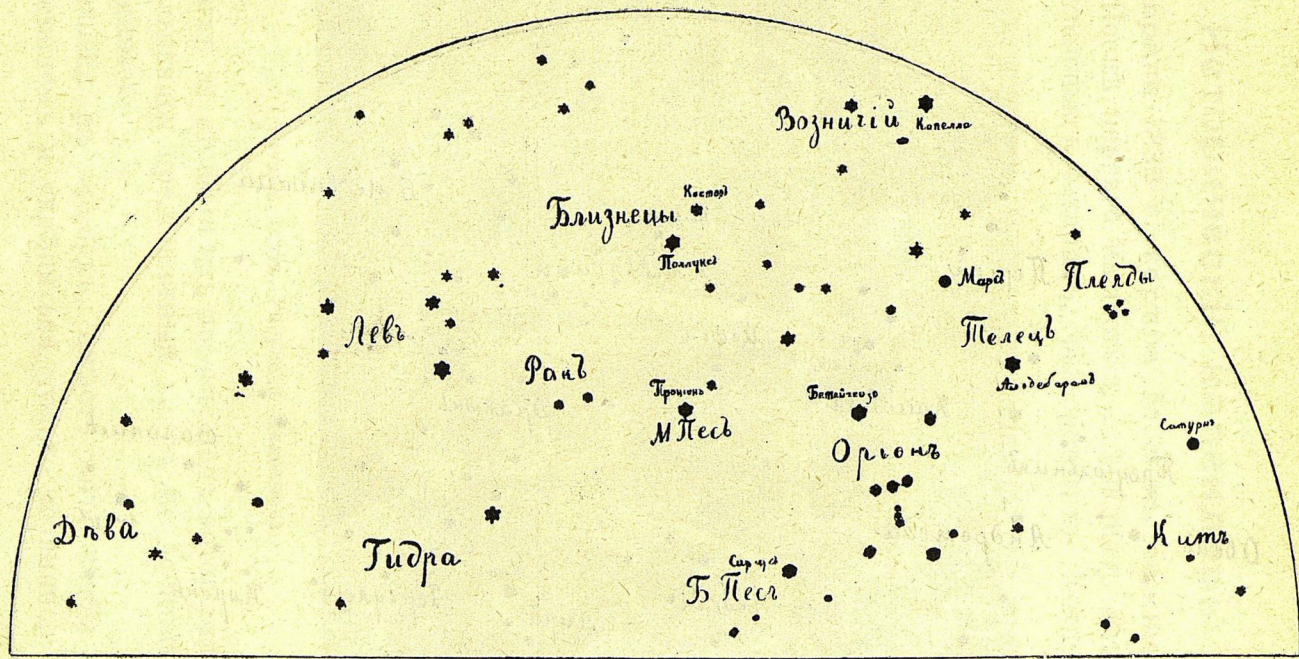
Въ февралѣ, мы уже сможемъ замѣтить нѣсколько перемѣнъ на небесномъ сводѣ. Во первыхъ, въ 9 часовъ вечера мы уже не найдемъ на сѣверо-западѣ созвѣздія Пегаса; на сѣверѣ на половину скроется Лебедь, и на западѣ -- Китъ; будутъ видны только верхнія звѣзды этихъ созвѣздій.

Зато на востокѣ мы найдемъ новое созвѣздіе—Дѣву, а немного правѣе—Гидру. На сѣверо-востокѣ, между Лиroy и Короной, покажутся первыя звѣзды большого созвѣздія—Геркулеса. Волопасъ (Пастухъ) поднимется выше, и намъ легко будетъ отыскать на востокѣ его главную звѣзду—красноваго Арктура.

Персей, Овенъ и Треугольникъ передвинутся къ сѣверо-западу; поэтому ихъ слѣдуетъ искать уже не на южной, а на сѣверной картѣ.

Объ знакомыя намъ планеты, Марсъ и Сатурнъ, можно будетъ наблюдать и въ февралѣ. Сатурнъ останется надъ созвѣздіемъ Кита, и наблюдать его лучше не въ 9 часовъ, а немного раньше. Марсъ, который долго держался возлѣ Плеядъ, наконецъ, оставитъ ихъ и двинется къ Близнацамъ.

А. Ловдисъ.



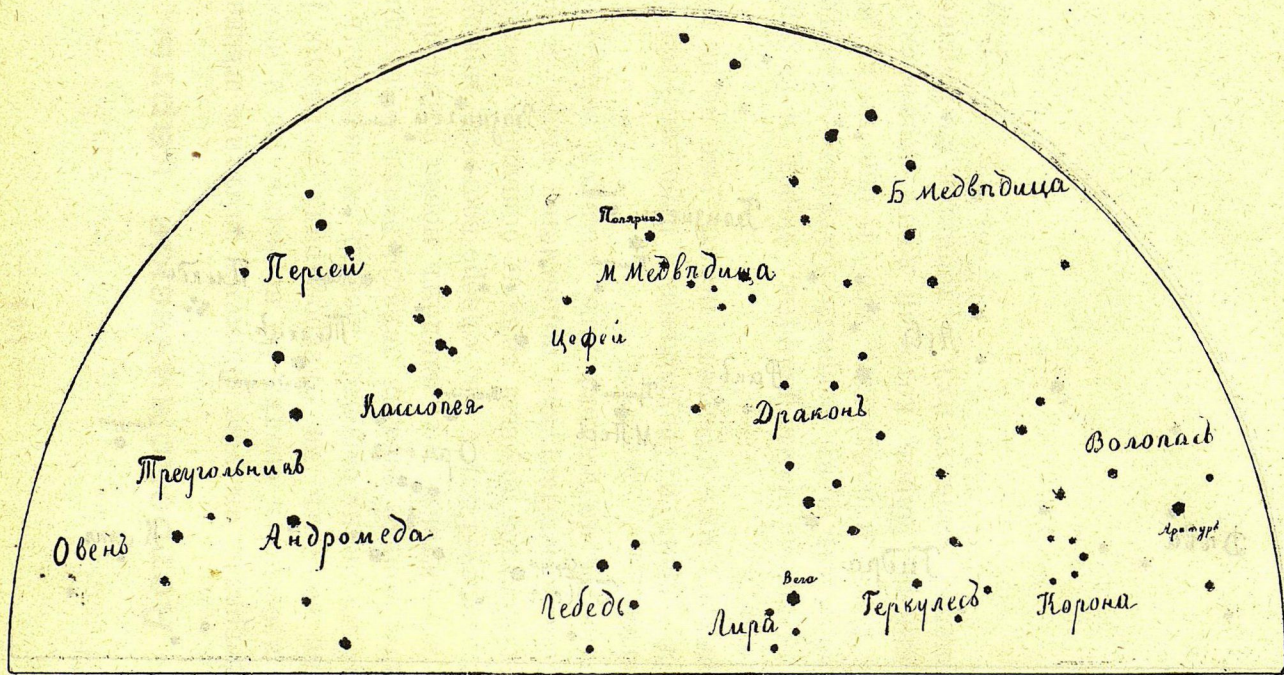
Востокъ.

Юго-Востокъ.

Югъ.

Юго-Западъ.

Западъ.



Западъ.

Съверо-Западъ.

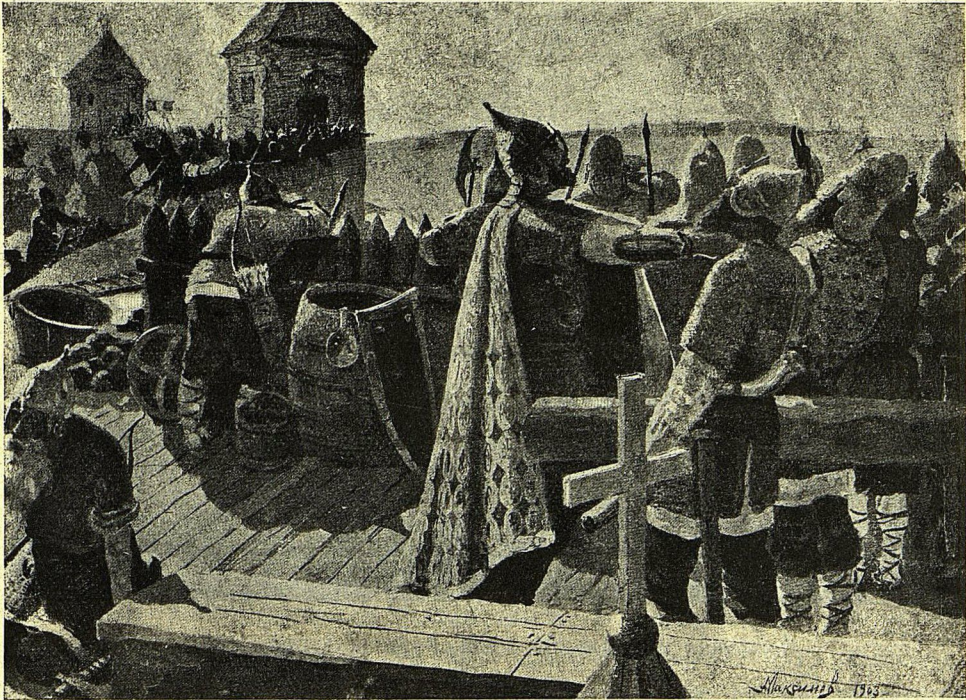
Съверъ.

Съверо-Востокъ.

Востокъ.

Историческій календарь.

2 февраля 1238 г. горѣла Москва, зажженная татарами. Послѣ перваго нашествія, двѣнадцать лѣтъ не было слуха о страшныхъ татарахъ, раззорившихъ Южную Русь и

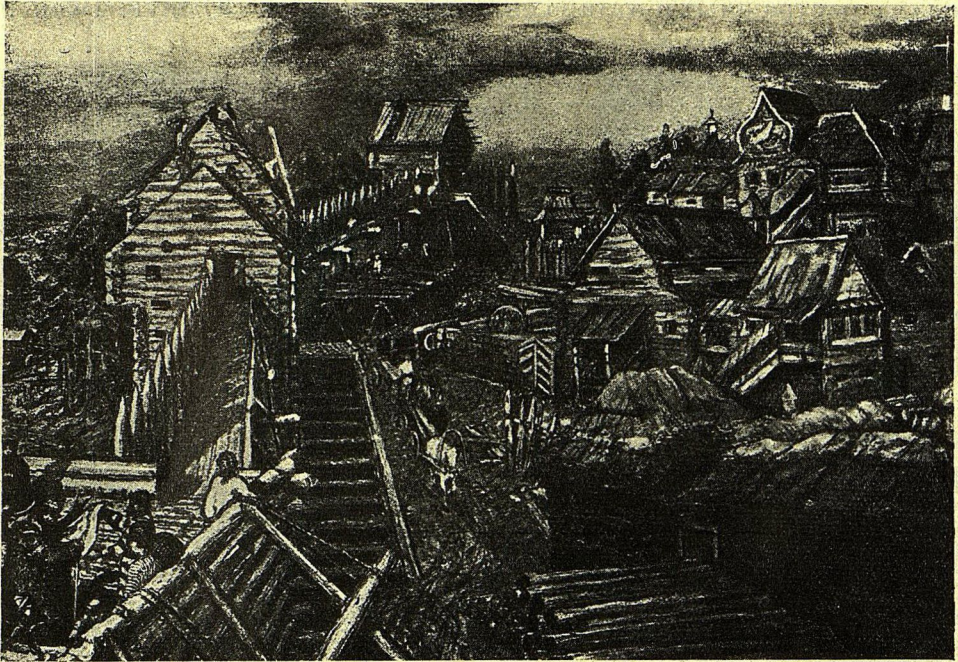


Татары идутъ. Рисунокъ Максимова.

пировавшихъ за столами изъ досокъ, подѣ которыми хрустѣли кости и слышался предсмертный хрипѣ не добытыхъ въ бою русскихъ князей.

Оставшіеся въ живыхъ, вмѣсто того, чтобы воспользо-ваться временемъ и укрѣпиться, только ссорились между со-

бою, спорили за Кіевъ и за другіе города, считались, кому изъ нихъ быть старшимъ. Опомнились, когда татары цѣлой ордой подъ начальствомъ Батыя уже нахлынули на Сѣверную Русь, подошли къ Рязани, взяли городъ, пожгли его, убили князя,



Постройка Московскихъ стѣнъ. Картина А. Васнецова.

княгиню, всѣхъ мужчинъ и женщинъ посѣкли мечами, разстрѣляли стрѣлами, побросали въ огонь. Раззоривъ Рязань, орда двинулась къ Москвѣ, сжигая и умерщвляя все на своемъ пути. Великій князь Владимірскій Георгій пытался остановить орду, но она, разметавъ его небольшое войско, подошла къ Москвѣ. Здѣсь княжилъ тогда младшій сынъ великаго князя Георгія—Владиміръ, первый Московскій князь, о которомъ упоминается въ лѣтописи.

Сама Москва въ эту пору еще только начиналась. Она едва успѣла стать городомъ и даже не была, какъ слѣдуетъ, укрѣплена. Татары справились съ ней очень скоро. Сожгли городъ, перебили жителей отъ мала до велика и, взявъ въ плѣнъ князя, тронулись къ Владиміру на Клязьмѣ. Великій князь Георгій не сталъ дожидаться орды. Увидѣвъ, что одному ему татарской силы не одолѣть, онъ ушелъ просить о помощи другихъ князей. Защиту же города поручилъ своимъ двумъ сыновьямъ, Всеволоду и Мстиславу.

3 февраля 1238 г. татары, подошли къ Владиміру на Клязьмѣ.—Какъ саранча, обсѣли они сильный и славный въ ту пору городъ, главный городъ Суздальскаго княжества, основанный Андреемъ Боголюбскимъ.

Татарская толпа подѣхала къ золотымъ воротамъ, построеннымъ изъ бѣлаго камня и украшеннымъ богатой рѣзбой. Указывая на полоненнаго князя Московскаго, татары спросили у владимірцевъ, стоявшихъ на воротахъ и по стѣнѣ:

— Узнаете ли своего княжича?

Съ горемъ смотрѣли и братья, и бояре, и все жители на измученнаго, едва волочившаго ноги, плѣнника, котораго они знали цвѣтушимъ и красивымъ. И заплакали братья, а съ ними и весь народъ. Татары рассчитывали, что жалость къ брату заставитъ князей покориться, но тѣ такъ сказали своей дружинѣ:

— Братья! Лучше намъ умереть, чѣмъ быть въ волѣ татарской.

И все, какъ одинъ человекъ, отвѣтили:

— Умереть лучше!

— Тогда татары, убѣдившись, что покорности отъ владимірцевъ имъ не дождаться, стали готовиться къ осадѣ. Съ утра до

вечера ставили они вокругъ города лѣса и пороки (машины, изъ которыхъ били стѣны камнями), а въ ночь нагородили вокругъ всего Владиміра тынъ. Когда разсвѣло, и владимірцы уви-



Вооруженный Монголь.

дали всѣ эти приготовленія и несмѣтную силу за ними, они поняли, что великаго князя имъ не дожидаться, что къ нимъ подошла сама смерть. Но и понявъ это, покоряются не захотѣли. Рѣшили защищать городъ до послѣдней капли крови, а сами стали готовиться къ смерти: прощались другъ съ другомъ, исповѣдывались и причащались. Князья и бояре тоже причащались. Ни Мстиславъ, ни Всеволодъ съ городскихъ стѣнъ не уходили и своимъ примѣромъ поддерживали народъ. Семьи же ихъ, вмѣстѣ съ семьей великаго князя, ихъ отца, ушли въ соборъ. Здѣсь всѣ приняли постриженіе, а потомъ, замкнувъ двери, поднялись на верхъ и заперлись на хорахъ.

7 февраля 1238 г. на разсвѣтъ татары вломилась во Владиміръ, изрубивъ на куски всѣхъ защищавшихъ городскихя стѣны. Князья погибли одними изъ первыхъ. Ихъ нашли потомъ за городской стѣной. Они лежали, окруженные непріятельскими трупами. Не щадя ни стариковъ, ни грудныхъ дѣтей, татары добрались до собора, отбили двери, ограбили церковь, а потомъ, наложивъ вокругъ нея лѣсу и соломѣ, подожгли. Такъ сгорѣла княжеская семья со всѣми, кто былъ вмѣстѣ съ нею. Превративъ городъ въ пожарище, татары отправились дальше, оставляя кровавый и огненный слѣдъ на своемъ пути по всей русской землѣ.

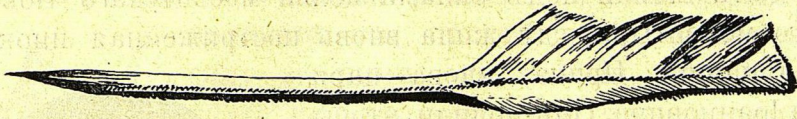
4 февраля 1598 г. избраніе Бориса Годунова на царство. Въ этотъ день патріархъ съ духовенствомъ, боярами и народомъ стояли подъ окнами кельи московскаго Новодѣвичьяго монастыря, гдѣ жила вновь постриженная инокиня, бывшая царица Ирина, вдова царя Федора Иоанновича. Они молили, чтобы она благословила на царство брата своего Бориса Годунова. Федоръ Иоанновичъ, сынъ Грознаго, умирая, наслѣдника не оставилъ. Вдова его царствовать не захотѣла, сразу ушла въ монастырь и постриглась. Пришлось выбирать новаго царя между боярами. Въ это время больше всѣхъ на виду стоялъ братъ царицы Ирины, умный и ловкій Борисъ Годуновъ. Онъ былъ главнымъ совѣтникомъ царя Федора и давно уже управлялъ всѣми государственными дѣлами. Но народъ не любилъ Годунова и не довѣрялъ ему, подозрѣвая его въ убійствѣ брата царя Федора, царевича Димитрія. Говорили, что Борисъ давно мѣтилъ въ цари и постарался избавиться отъ законнаго наслѣдника, но друзья Бориса убѣдили всѣхъ, что другаго царя найти трудно, и народъ вмѣстѣ съ духовенствомъ и боярами явился въ Новодѣвичій монастырь. Царица Ирина благословила брата, и Борисъ Годуновъ сталъ царемъ.



Борисъ Годуновъ.

19 февраля 1861 г. государь Александръ II подписалъ манифестъ о крестьянской волѣ. Манифестомъ этимъ закончились труды комиссіи по освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости: 28 милліоновъ рабовъ сдѣлались

свободными людьми. Кончилось страшное время, когда живых людей могли продавать, обмѣнивать, закладывать, дарить,



Перо, которымъ былъ подписанъ манифестъ о крестьянской волѣ.



Государь Александръ II.

когда каждый помѣщикъ воленъ былъ дѣлать, что угодно съ принадлежащими ему крѣпостными.

21 февраля 1813 г. день избранія на царство Михаила Федоровича Романова. Безъ одного года триста лѣтъ тому назадъ день этотъ пришелся на первое воскресенье Великаго Поста. Съ ранняго утра на огромной Красной площади, возлѣ московскаго кремля, толпился народъ, ожидая, кого изберетъ царемъ соборъ выборныхъ отъ всей Руси. Природнаго царя послѣ смерти Федора Ивановича уже не было. Сынъ Грознаго на-

слѣдника не оставилъ. Пришлось выбирать царя. Выбирали Бориса Годунова, признавали царемъ Лжедмитрія, Василия Шуйскаго выбирали, а потомъ ужъ кого и выбирать не знали. Все перепуталось. Страшное время началось для Руси. Недаромъ народъ его „лихолѣтьемъ“ прозвалъ. Появился

новый самозванецъ, на этотъ разъ уже настоящій разбойникъ съ разбойничьей шайкой. Поднялись поляки, къ самой Москвѣ подступили. Но когда уже никакого спасенія не чаяли себѣ измученные люди, когда готовы были въ отчаяніи признать царемъ не только польскаго королевича, а даже и самозванца.



Гражданинъ Мининъ. Рисунокъ М. В. Нестерова.

разбойника, изъ Троицкой лавры, подъ Москвой, явились грамоты, во время прояснившія затуманенныя несчастіями головы. Грамоты указали народу единственное ближайшее и неотложное дѣло въ ту пору. Надо было спасать погибающую родину. И замученный народъ нашель въ себѣ новыя силы и спасъ ее. Составилось народное ополченіе. Во главѣ его сталъ князь Пожарскій. Но не хватало средствъ на войну, не на что было вооружать и кормить воиновъ. Тогда, по слову гражданина Минина, Нижній - Новгородъ первый отдалъ все, что имѣлъ, на ополченіе. Женщины жертвовали всѣ свои драгоценности.

всѣ свои любимыя, отъ бабушекъ и прабабушекъ доставшіяся, украшенія. Дѣти, и тѣ помогали: мальчики срывали золотыя и серебряныя пуговицы со своихъ кафтанчиковъ; дѣвочки снимали сережки—все несли въ казну.



Царь Михаилъ Федоровичъ.

Вооруженное ополченіе двинулось къ Москвѣ. Самозванецъ-разбойникъ былъ разбитъ, поляковъ прогнали отъ Москвы. Кровь, заливавшая русскую землю, на время была унята. Но, чтобы справиться съ раззореньемъ, необходимо былъ отдыхъ, миръ и тишина. А поляки грозили вернуться съ новой силой и не отступались отъ своего требованія, чтобы ихъ королевича признали русскимъ царемъ. Шведскій король тоже сталъ грозить, что придетъ войной, если царемъ не признаютъ его младшаго брата. Новыя несчастія грозили Руси. Необходимо ей было, какъ можно скорѣй, самой выбрать царя. И вотъ опять ко всѣмъ городамъ понеслись грамоты. Выборныхъ для государева избранія созывали онѣ. И когда эти выборные люди съѣхались въ Москву, начались совѣщанія о томъ, кого царемъ избрать. Не одинъ разъ собирався на совѣтъ соборъ. Трудное это было дѣло рѣшить; кого въ цари звать. Не мало было тутъ всякихъ козней, смуть и волненій. Много было сначала несогласія между выборными людьми. Всякій хотѣлъ по своей мысли дѣлать, всякій своего хотѣлъ; были такіе, что хотѣли сами престола, засылали,

подкупали. Образовались стороны, но ни одна верхъ не брала. Тревожился народъ, прислушиваясь къ толкамъ о томъ, что на соборъ творится. Передъ Кремлемъ, когда шель совѣтъ, всегда толпа стояла, а когда прослышали, что въ послѣдній



Красная площадь въ Москвѣ, церковь Василя Блаженнаго и Лобное мѣсто.

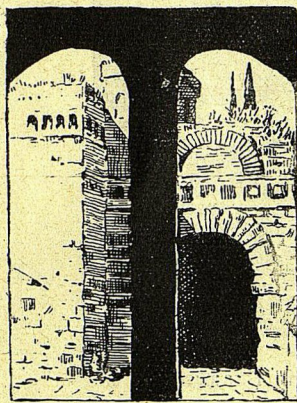
разъ собираются выборные, вся Москва хлынула на Красную площадь. Въ это время уже до всѣхъ дошла вѣсть, что оставился соборъ на Михаилъ Федоровичъ Романовъ, какъ на природномъ царѣ по родству его съ прежнимъ царскимъ домомъ. Москва давно родъ Романовыхъ почитала. На ея глазахъ Борисъ Годуновъ, опасаясь Романовыхъ, какъ законныхъ наслѣдниковъ, постригъ старѣйшаго изъ нихъ Федора Никитича въ монахи. И жену его тоже постригъ, и жила она,

подъ именемъ инокини Марѣы, въ костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ, въ тишинѣ и вдалькѣ отъ всякихъ смуть воспитывая единственнаго сына Михаила. На немъ и остановился соборъ. Нужно было только согласіе народа, чтобы признать его. Вышли на Лобное мѣсто архіепископъ съ духовенствомъ, а съ ними бояре постарше и только спросили:

— Кого въ цари хотите?

— Михаила Ѳедоровича Романова!—загудѣла въ отвѣтъ Красная площадь.

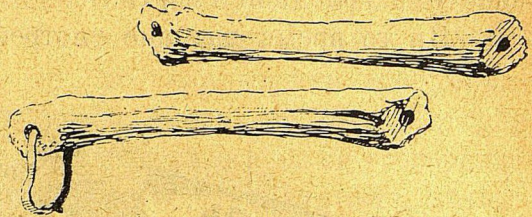
Обо всемъ понемногу.



Коньки.

ЕПЕРЬ на конькахъ катаются только для удовольствія, но впервые люди выдумали коньки для быстрого и удобнаго передвиженія по замерзшей водѣ. Было это еще въ глубокой древности. Люди, жившіе въ болотистыхъ, топкихъ мѣстностяхъ, употребляли въ лѣтнюю пору ходули, чтобы переходить съ мѣста на мѣсто. Но когда вода начинала замерзать, то появлялись хрупкіе пласты льда, по которымъ ходить на ходуляхъ было и утомительно, и неловко. Тогда люди надѣвали на ноги обувь, похожую на большія деревянные галоши. Морозъ крѣпчалъ, ледъ твердѣлъ и, передвигаясь, люди, чтобы не падать, начинали скользить, отталкиваясь то одной ногой, то другой, какъ дѣлаютъ и теперь, катаясь на конькахъ. Часто также брали въ руки шесты, чтобы отталкиваться.

Первые коньки дѣлались изъ лошадиныхъ костей а также изъ костей барановъ и другихъ животныхъ. Въ передней части кости просверливали дырку для ремня, а въ задней части — тоже дѣлали дырку для деревяннаго гвоздика или крючка, придерживавшаго конекъ на пяткѣ. Первыми конькобѣжцами были скандинавы и голландцы. Потомъ бѣганье на конькахъ перешло въ Англию, Германию и другія страны. Во время одной войны испанцы осадили датскій городъ, и осажденные голодали. Тогда нѣсколько человекъ изъ датскаго



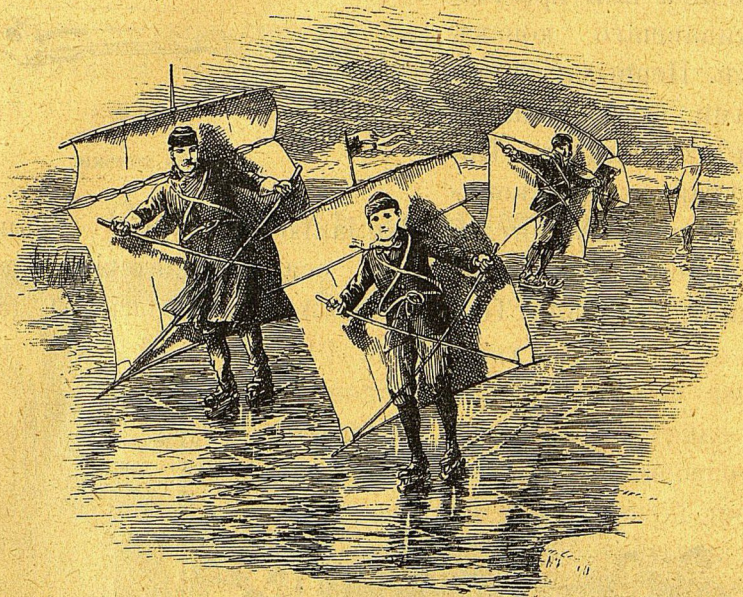
Первые коньки.



Китайцы катаются на конькахъ и стрѣляютъ въ подвѣшенное яблоко.

войска, воспользовавшись тѣмъ, что надо льдомъ стоялъ туманъ, и запасшись провизіей, неслышно, на конькахъ проскользнули мимо испанцевъ и спасли осажденныхъ товарищей отъ голодной смерти.

Въ то время датчане употребляли деревянные коньки съ



Норвежцы на конькахъ съ парусами.

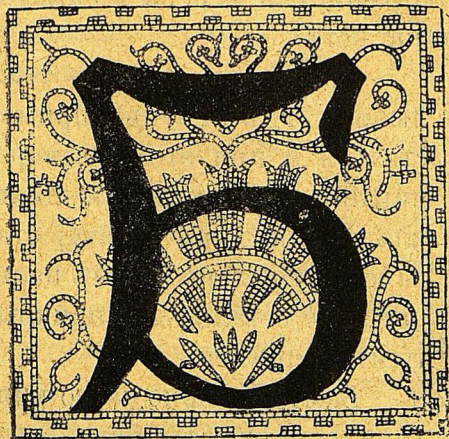
металлическими пластинками, и катанье на конькахъ было однимъ изъ ихъ любимѣйшихъ занятій.

Китайцы нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ стали кататься на конькахъ. Катаясь, они развиваютъ свой глазомѣръ и ловкость: на бѣгу стрѣляютъ изъ лука въ подвѣшенное высоко яблоко. Откуда у китайцевъ коньки: сами они ихъ придумали или заимствовали у путешественниковъ—неизвѣстно.

Въ Даніи и Швеціи, гдѣ морскіе заливы замерзаютъ

надолго и на большія разстоянія, конькобѣжцы прикрѣпляютъ иногда себѣ на спину большіе паруса, и вѣтеръ несетъ ихъ по льду. Парусъ привязывается снуркомъ къ плечамъ, а къ нижнимъ угламъ его прикрѣпляются два прута. Верхніе концы ихъ конькобѣжець держитъ обѣими руками и, такимъ образомъ, управляетъ парусомъ. Онъ то складываетъ его, то раскрываетъ, то поворачиваетъ вбокъ, смотря по тому, откуда дуетъ вѣтеръ. Съ половины прошлаго вѣка коньки усовершенствовались и стали прикрѣплять ихъ къ обуви винтами. Бѣгать на конькахъ очень здорово: развивается сила и ловкость.

Въ Германіи бѣганьемъ на конькахъ увлекался въ юности великій нѣмецкій поэтъ Гётэ, а у насъ очень любилъ эту гимнастику въ молодости нашъ великій писатель Левъ Николаевичъ Толстой.



Какъ животныя согрѣваются.

ОЛЬШИНСТВО животныхъ не любитъ холода. Интересно наблюдать, что дѣлаютъ иныя животныя и птицы чтобы согрѣться. Кролики и перепела собираются стаями и, забравшись подъ корягу упавшаго дерева или подъ на-

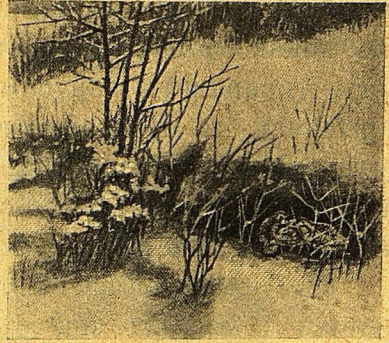
висшій надъ водою берегъ, тѣсно прижимаются другъ къ другу.

Куры обыкновенно держатъ зимою въ теплыхъ помѣщеніяхъ, и, если курица попадетъ на снѣгъ, она очень страдаетъ отъ холода. Особенно неприятно ей прикасаться лапками къ снѣгу

или льду, и поэтому она все время поджимаетъ то одну ножку, то другую, грѣя ихъ попеременно въ перьяхъ, а по-

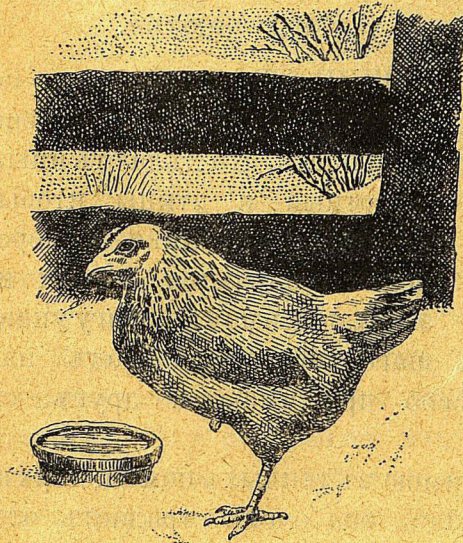


Кролики подъ корягой дерева.



Перепела подъ навѣсомъ берега.

томъ старается найти кусокъ какого-нибудь дерева и садится на него, нахохлившись, какъ на насѣсть.

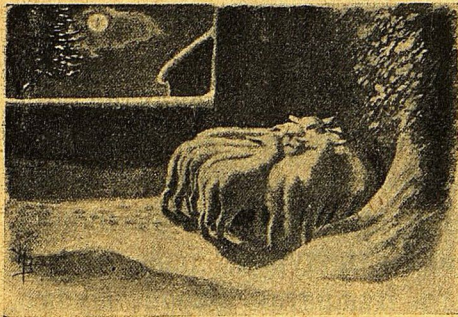


Курица на снѣгу.

Кошка въ холодъ тоже любитъ гдѣ-нибудь примоститься и при этомъ заворачиваетъ внутрь лапки, точно кладетъ ихъ въ муфту, стараясь, чтобы ни одинъ пальчикъ не остался не прикрытымъ шерсткой.

Вамъ навѣрно часто приходилось видѣть, какъ собаки въ холодъ дрожать, но это у нихъ не невольная дрожь: онѣ нарочно приводятъ въ быстрое - быстрое движеніе всѣ мускулы на

своёмъ тѣлѣ, чтобы ускорить кровообращеніе и этимъ согрѣться. Собаки согрѣваются этой дрожью точно такъ же, какъ люди, когда похлопываютъ въ морозъ рука объ руку или быстро переступаютъ съ одной ноги на другую.

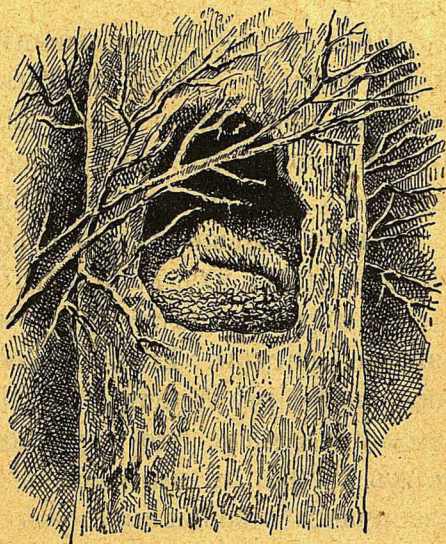


Овцы спасаются отъ вѣтра.

Овецъ предохраняетъ отъ холода густая шерсть. Она не даетъ холодному воздуху пробираться до тѣла животного и, вмѣстѣ съ тѣмъ, задерживаетъ теплоту этого тѣла. Но въ особенно холодныя зимы и овцы

хотятъ согрѣться. Для этого онѣ становятся плотной кучкой подъ какой-нибудь навѣсѣ или возлѣ стога сѣна, утыкаясь мордочками другъ въ друга и, такимъ образомъ, защищаются отъ пронизывающаго вѣтра. Этотъ вѣтеръ забирается даже въ густую овечью шерсть и выдуваетъ задержанное въ ней тепло.

Сѣрая бѣлка хорошо защищена отъ холода своей шубкой, но всетаки очень любитъ забраться въ свое гнѣздо въ дуплѣ пустого дерева и тамъ подремать среди сухой травы, мертвыхъ листьевъ и древесной пыли, собранныхъ ею для устройства теплой и уютной квартирки. Бѣ шерстка, какъ и овечья шерсть, задерживаетъ тепло, исходящее



Бѣлка въ своей зимней квартирѣ.

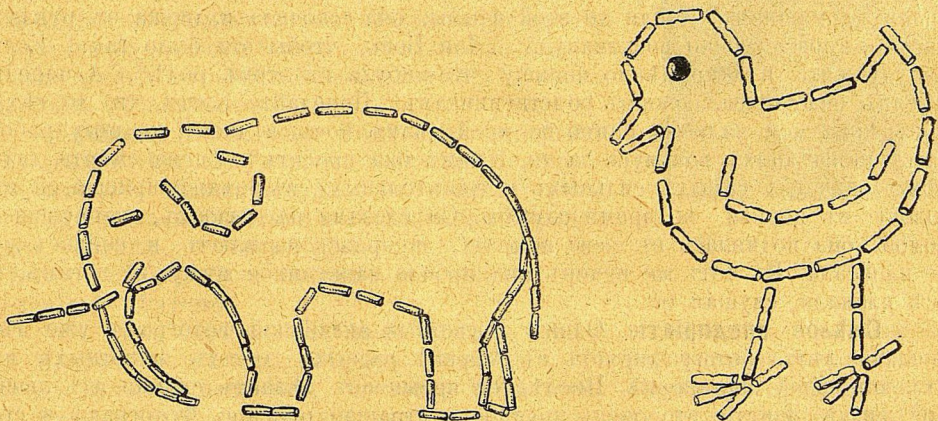
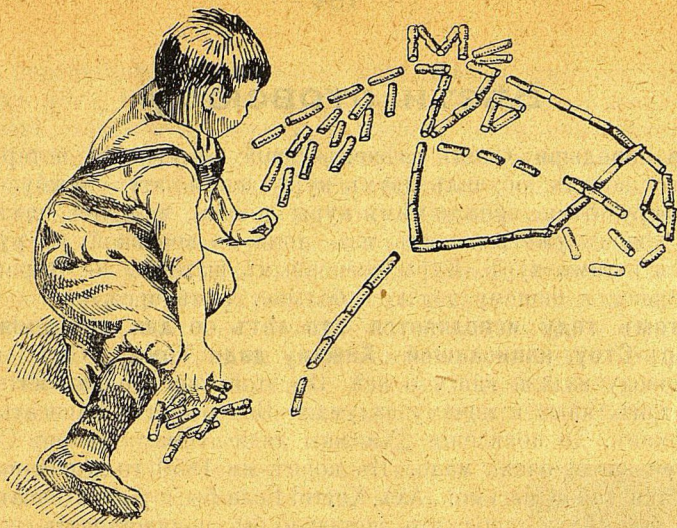
изъ тѣла, и не даетъ ему сразу остыть на морозѣ. Оттого, вѣдь, и широкія шубы теплѣе узкихъ: между шубой и тѣломъ остается пространство, въ которомъ задерживается исходящее изъ тѣла тепло. Поэтому и птицы, когда имъ холодно, или хочется спать, любятъ распушиться, и воробьи, напримѣръ, становятся похожи на большіе сѣрые одуванчики. Чѣмъ шире разойдутся отъ тѣльца птицы перушки, тѣмъ больше будетъ пространство, отдѣляющее тѣло отъ холоднаго воздуха. А если еще найдеть воробей впадину въ какой-нибудь стѣнѣ, да выглянетъ солнышко, такъ и совсѣмъ становится недурно, даже на морозѣ, и сидитъ воробей, точно въ пушистой сѣрой шубкѣ, баринъ-баринѣмъ.

Какъ складывать фигуры изъ деревяшекъ.

Никогда не выкидывайте деревянные, которыя даютъ въ магазинахъ, чтобы удобнѣе было нести покупки. Эти деревянные пригодятся вамъ для интересной и полезной игры. Поэтому собирайте ихъ, просите родныхъ и знакомыхъ, чтобы они вамъ давали эти деревянные.

Чѣмъ больше ихъ наберется у васъ, тѣмъ лучше, потому что для игры ихъ понадобится очень много.

А игра состоитъ въ томъ, чтобы складывать изъ деревяшекъ фигуры. Если играющихъ нѣсколько, то деревянные надо раздѣлить поровну. Каждый играющій долженъ самъ придумать, что ему сложить. У кого фигура выйдетъ всѣхъ лучше и интереснѣй, тотъ выигрываетъ. Выигрышъ назначается большинствомъ голосовъ. Для рѣшенія хорошо приглашать и взрослыхъ.



Чтобы не было слишком обидно проигравшимъ, можно назначать нѣсколько наградъ: одну самую лучшую, вторую поменьше и похуже, третью еще поменьше и еще похуже и такъ далѣе. Для примѣра приложены три рисунка: фигура слона, голова лошади и цыпленокъ, (глазъ цыпленка—пуговка или коринка), но можно также складывать домъ, пароходъ, аэропланъ, а также и человѣческія фигуры.

Вѣсти отовсюду.

Новые поводыри. Одинъ слѣпецъ-нищій во Франціи, потерявъ пуделя, который его водилъ, обучилъ двухъ куръ нести эту службу. Много ему пришлось потрудиться, прежде чѣмъ куры поняли, чего отъ нихъ требуютъ, но теперь слѣпецъ уже выходитъ изъ дома съ веревкой въ рукахъ, привязанной къ ногамъ куръ. Куры степеннымъ шагомъ, не торопясь, идутъ впереди хозяина, и нищему подаютъ больше, чѣмъ прежде.

Въ этомъ году исполняется сто лѣтъ со дня рожденія писательницы Бичеръ-Стоу, написавшей „Хижину дяди Тома“. Сынъ и внукъ ея по этому поводу издали книгу о ней. Въ этой книгѣ очень интересно сказано о томъ, какъ и почему задумала Бичеръ-Стоу написать свой знаменитый романъ. До появленія „Хижины дяди Тома“ Бичеръ Стоу хотя и писала, но ее знали очень мало. Въ концѣ-же 1850 года она получила отъ своей невѣстки такое письмо: „Ахъ, Хэти! Если-бы я умѣла писать, какъ ты, я написала бы нѣчто такое, что заставило бы почувствовать всѣхъ ужасъ того, что называется рабствомъ“. Бичеръ-Стоу читала это письмо вслухъ своимъ домашнимъ. Дойдя до этой фразы, она вскочила и, держа въ рукахъ письмо, торжественно воскликнула: „Дай Богъ, чтобы это было такъ! Если я буду жить, я непременно напишу что-нибудь въ этомъ родѣ“. А черезъ мѣсяць она написала своимъ родственникамъ: „Передайте Кэтти, что до тѣхъ поръ, пока моя малютка спитъ со мной цѣлую ночь, я днемъ не могу работать, но на дняхъ возьмусь за то, о чемъ она проситъ“. Сцена смерти дяди Тома, одна изъ самыхъ сильныхъ и трогательныхъ въ романѣ, пришла ей въ голову въ церкви, во время службы. Со слезами на глазахъ, вернувшись домой, она поднялась въ свою комнату, заперлась на ключъ и сейчасъ-же ее написала. Въ тотъ же вечеръ она прочла написанное мужу и дѣтямъ, и всѣ плакали, слушая ее.

Смѣлое предпріятіе. Одинъ извѣстный англійскій фотографъ уже нѣсколько лѣтъ фотографируетъ въ Африкѣ разныхъ дикихъ животныхъ въ ихъ домашней обстановкѣ. Послѣднее время онъ дѣлаетъ снимки изъ львиной жизни. Занятіе это очень трудное и страшно опасное. Фотографу и его товарищу-спутнику пришлось не мало постранствовать прежде, чѣмъ они выслѣдили льва. Послѣ долгихъ поисковъ набрели они на недоѣденную зебру. Рѣшивъ, что это добыча льва, который, наѣвшись, ушелъ отдохнуть или напиться, они, забравшись въ густой кустарникъ, стали поджидать его возвращенія. Въ ожиданіи льва, фотографы установили аппаратъ, приготовили магній и, на всякій случай, тщательно осмотрѣли свои ружья. Ждать имъ пришлось до вечера. Темнѣло, когда вдругъ захрустѣлъ кустарникъ, и изъ него, направляясь къ зебрѣ, вышла огромная львица. Прежде, чѣмъ приняться за ужинъ, она насторожилась, стала прислушиваться, взглядываться. Фотографы не зѣвали. Магнія вспыхнула, снимокъ, и очень удачный, былъ

сдѣланъ, а перепуганная впезапнымъ, невиданнымъ свѣтомъ львица умчалась со всѣхъ ногъ. Но фотографы ихъ своей засады не вышли. Имъ хотѣлось еще разъ подстеречь львицу, на случай, если она вернется. И она вернулась. Но вернулась въ очень дурномъ настроеніи. Ея раздраженное рычаніе донеслось до фотографовъ раньше, чѣмъ они ее раздлѣли. И къ зебрѣ она приближалась уже по другому. Подходила, крадучись, подозрительно оглядываясь. Съ этимъ раздраженнымъ и недовѣрчивымъ видомъ она на минуту точно замерла надъ добычей. Второй снимокъ вышелъ еще удачнѣе перваго. Фотографы радовались, но львица на этотъ разъ убѣждала съ страшнымъ ревомъ, который всполошилъ другихъ львовъ въ окрестности. Вернулась къ зебрѣ она уже не одна, а въ сопровожденіи товарищей. Но смертельная опасность не помѣшала фотографамъ сдѣлать еще нѣсколько снимковъ. Новая вспышка магнии разогнала на время звѣрей, но съ каждымъ разомъ они возвращались къ добычѣ все болѣе разъяренными. Наконецъ, сдѣлавъ десять снимковъ, храбрые фотографы рѣшили, что на первый разъ имъ этого довольно. Свѣтало, когда, разогнавъ въ послѣдній разъ львиную стаю все той-же вспышкой магнии, они захватили аппаратъ и ружье и пустились бѣжать со всѣхъ ногъ. Теперь только львица, которой помѣшали поужинать, могла спокойно позавтракать.

Гликерія Николаевна Ѳедотова. Это было пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, 8 января. На сценѣ Московскаго Малаго театра, въ первый разъ играла шестнадцатилѣтняя воспитанница театральнаго училища, и такъ играла, что ее всѣ замѣтили, всѣ обратили вниманіе на талантъ молоденькой дѣвушки.

Съ тѣхъ поръ прошло полъ вѣка, и вотъ въ то же число, 8-го января, въ Маломъ театрѣ было большое торжество: Москва чествовала одну изъ своихъ лучшихъ артистокъ, Гликерію Николаевну Ѳедотову, прослужившую на сценѣ цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ и не покидавшую ея до самаго послѣдняго времени, когда болѣзнь лишила ее возможности играть.

Какихъ только ролей не исполняла Гликерія Николаевна: играла и печальныя, страшныя драматическія роли, играла и веселыя, смѣшныя, и такъ хорошо играла, что заставляла зрителей и плакать, и смѣяться вмѣстѣ съ собою.

Много народа собралось въ Маломъ театрѣ 8-го января, чтобы привѣтствовать и благодарить любимую актрису. Была поставлена пьеса „Дмитрій Самозванецъ“. Въ этой пьесѣ Ѳедотова исполнила роль царицы Марѣы. Болѣзнь ногъ не позволяетъ ей ходить, и роль эту она выбрала, потому что царица-инокиня должна сидѣть на сценѣ.

Когда поднялся занавѣсъ, и зрители увидѣли свою любимую актрису,



Гликерія Николаевна
Ѳедотова.

весь театръ всталъ, какъ одинъ человекъ. Всѣ рукоплескали, стоя: казалось, конца не будетъ восторженному привѣтственному гулу. Потомъ къ артисткѣ подходили и читали ей поздравленія и привѣтствія депутаціи отъ всѣхъ русскихъ театровъ, отъ драматурговъ, артистовъ и разныхъ обществъ, потомъ подносили цвѣты, подарки, вѣнки. Самымъ лучшимъ подношеніемъ были двѣ стипендіи, учрежденныя почитателями Ѳедотовой при Московскомъ университетѣ. Учредить стипендію — значить собрать деньги, чтобы ими платить за ученіе бѣдныхъ воспитанниковъ. Стипендіи учреждаются всегда въ память или въ честь какого-нибудь лица. И вотъ, при Московскомъ университетѣ учреждены теперь двѣ стипендіи: одна въ честь Гликеріи Николаевны Ѳедотовой, а другая въ память ея сына, тоже талантливаго актера, къ несчастію слишкомъ рано умершаго. Ѳедотова очень любила сына, и смерть его была для нея величайшимъ горемъ. Стипендіи имени Ѳедотовыхъ предназначаются для дѣтей бѣдныхъ актеровъ. Въ телеграммѣ отъ Московскаго университета было сказано, что Малый театръ былъ для него всегда „могучимъ и незамѣнимымъ сотрудникомъ“. И правда, Московскій Малый театръ, самый славный изъ всѣхъ русскихъ театровъ, благодаря великимъ своимъ актерамъ: Щепкину ¹⁾, Садовскому и другимъ, много поработалъ для блага Россіи и, вмѣстѣ съ Московскимъ университетомъ, многому научилъ русскихъ людей. Великіе актеры такъ серьезно относились къ своему дѣлу, такъ любили искусство и были такъ строги къ себѣ, что остались навсегда незабываемыми примѣрами для своихъ учениковъ и для всѣхъ послѣдующихъ поколѣній актеровъ. Ѳедотова еще застала Щепкина, еще видѣла его удивительную игру и, подобно ему, и совѣтомъ, и собственнымъ примѣромъ учила начинающихъ артистовъ.

Малый театръ уже ветшаетъ, скоро собираются его разрушить и построить новый. Разрушать сцену, по которой ступали великіе актеры, разрушать своды, подъ которыми раздавались ихъ голоса, вызывавшіе горячія слезы и веселый бодрый смѣхъ. Но память о великихъ актерахъ останется вѣчно живой въ исторіи русскаго искусства.

Отзывы о дѣтскихъ книгахъ.

„Для малютокъ“. Л. Н. Толстого. Рисунки П. Гославскаго. Первая книжка. Издательство „Радуга“. Москва. Ц. 50 к.

„Для малютокъ“. Л. Н. Толстого. Рисунки П. Гославскаго. Вторая книжка. Издательство „Радуга“. Москва. Ц. 50 к.

Двѣ хорошо изданныя книжки съ красочными картинками для дѣтей самаго младшаго возраста. Разказы въ нѣсколько строкъ. Говорится о

¹⁾ Въ „Тропинкѣ“ за прошлый 1911 г. была напечатана въ 6-мъ и 7-мъ №№ статья: „Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ“. А. Высогорскаго.

кошкѣ, о собакѣ, о цыплятахъ, о томъ, какъ дѣти по грибы ходили, какъ бумажнаго змѣя смастерили, какъ и въ какія игры играли. О томъ, какъ это разказано, достаточно сказать, что все это написано Л. Н. Толстымъ. Художнику Гославскому пришла удачная мысль иллюстрировать прекрасный текстъ и выпустить его хорошимъ „подарочнымъ“ изданіемъ.

Всѣ рисунки довольно интересны и понятны для дѣтей, хотя и не всѣ одинаково удачны. Какъ можно посоветовать снимать лифчикъ, когда она моетъ шейку. Гусей слѣдуетъ пустить плавать по водѣ, а не по какому-то сѣрому сукну, вымазанному дегтемъ.

„Сказки и были“. Л. Н. Толстого. Рисунки Гославскаго. Изданіе „Радуга“. Ц. 85 к.

„Сказки и были“. Л. Н. Толстого. Рисунки Гославскаго. Изданіе „Радуга“. Ц. 85 к.

Объ книжки для дѣтей тоже младшаго возраста, но уже нѣсколько постарше тѣхъ, для которыхъ назначены двѣ первыя книжки. Выбраны прекрасные разказы о бѣлкѣ, объ обезьянѣ, о царѣ и избушкѣ, о китайской царевнѣ Силянчи. Каждый разказъ не длиннѣе страницы. Всѣ занимательны, удобны для устной передачи послѣ прочтенія и каждый даетъ много матерьяла для бесѣды съ дѣтьми. Иллюстраціи вторыхъ книжекъ, гдѣ всего больше животныхъ, удачнѣе двухъ первыхъ. Хорошъ волкъ, „которому злость сердце жжетъ“, недурны двѣ крысы, не знающія, какъ справиться съ найденнымъ яйцемъ, и обезьяна, которую звѣри выбрали въ начальники.

„Жарь-Птица“. Дѣтскій сборникъ издательства „Шиповникъ“. Сборникъ на 50 страницахъ плотной хорошей бумаги, въ нарядномъ напочномъ переплетѣ, по бѣлому фону котораго раскинулась золотая съ краснымъ Жарь-Птица. Стоитъ 1 р. 25 коп. — цѣна очень скромная. На первой страницѣ въ первомъ стихотвореніи уговоръ: „Только, чуръ, не рвать страничекъ!“ Сразу, во всякомъ случаѣ, никакой „стрижка-брижка“ и никакая „шалунья егоза“ бумагу не испортятъ. Она основательная. Хороша въ сборникѣ сказка Ал. Толстого про великана съ умомъ не по росту. Особенно милы: „Приставалка“ Саши Чернаго и „Докторъ“ К. Чуковского. Весело и смѣшно читать вопросы „ртовъ безъ замочковъ“ разныхъ „стрижекъ - брижекъ“, интересующихся тѣмъ, „отчего у кошки вмѣсто ручекъ ножки“? Или: „отчего шоколадки не растутъ на кроваткѣ“? Что касается иллюстрацій, то всѣ онѣ исполнены новыми художниками, но очень хороши только скучающія на подоконникѣ куклы Добужинскаго, докторъ-грачъ и больной лягушенокъ въ кроваткѣ подъ лоскутнымъ одѣяломъ — Чехонина. Иллюстраціи къ лопнувшему отъ перепиванія мальчику неприятны и ужъ слишкомъ въ иностранномъ духѣ. Сборникъ подходит для дѣтей дошкольнаго возраста.

Разказы изъ жизни животныхъ Африки. Чеглокъ А., 270 стр. Есть иллюстраціи. Ц. 1 р. 50 к. Авторъ этихъ разказовъ ѣздилъ въ Африку и написалъ книгу о животныхъ, которыхъ онъ самъ видѣлъ и наблюдалъ. На

верблюды, съ однимъ только проводникомъ-арабомъ, Чеглокъ путешествовалъ вглубь пустыни Сахары, безъ дорогъ, по странѣ еще непокоренной европейцами. Говоря о львахъ, объ этихъ страшныхъ, но открытыхъ врагахъ человѣка, писатель высказываетъ очень интересную мысль:

„Страшнѣ всякаго страшнаго звѣря для человѣка это его собственное воображеніе. Когда оно разыгрывается, то превращаетъ его въ самое жалкое ничтожное существо. Нападенія врага уже не ожидаешь спокойно, а истерзанный картинами всевозможныхъ ужасовъ. Поэтому, надо воспитывать свое воображеніе. Находить съ его помощью способъ сдѣлаться сильнымъ, а не разслаблять себя. Надо умѣть обуздывать свое воображеніе. Только одолѣвъ его, можно избавиться отъ трусости вообще и сдѣлаться хорошимъ львинымъ охотникомъ“.

На ряду съ описаніемъ разныхъ страшныхъ звѣрей, вродѣ львовъ, пантеръ и гіенъ, въ книгѣ описаны обезьяны и такія милыя существа, какъ фенекъ—лисица пустыни, пугливый, забавный и милый звѣрокъ съ голосомъ, похожимъ на тявканье щенка, и геннета — алжирская кошка, которая охотится на мышей, крысъ и ядовитыхъ змѣй. Этихъ геннетъ часто держатъ въ домахъ вмѣсто кошекъ, и онѣ привыкаютъ къ людямъ, какъ собаченки. Чеглокъ рассказываетъ объ одной геннетѣ, которую хозяева брали съ собою на прогулку въ лѣсъ. Тамъ звѣрокъ обращался въ дикое состояніе: выслѣживалъ добычу, пропалалъ въ травѣ, ловилъ птичекъ, мышей, ящерицъ, змѣй, но, когда поворачивали домой, геннета вскарабкивалась на плечи хозяина или хозяйки, и такимъ образомъ, ее вносили въ домъ.

„Исторія маленькой дѣвочки“. Е. А. Сысоева. Изд. „Просвѣщеніе“. Стр. 337. Ц. въ пер. 2 р. 50 к. Старая, милая книга, изданная въ первый разъ еще въ 1872 г. Книга эта была любимой въ дѣтствѣ многихъ матерей; полюбить ее навѣрное и дѣти этихъ матерей, когда она попадетъ къ нимъ. Человѣческая жизнь, рассказанная правдиво и интересно, всегда увлекаетъ. Сысоева, основательница дѣтскаго журнала „Родникъ“, рассказала исторію Кати со всѣми ея большими и маленькими радостями и горестями, начиная съ шестилѣтняго возраста дѣвочки до того времени, когда Катя стала уже шестнадцатилѣтней дѣвушкой. Книга издана очень хорошо. Это самое удачное изданіе „Просвѣщенія“. Жаль только, что рисунки плохи.

Рассказы и сказки для юныхъ читателей. Н. Д. Телешевъ. Изд. „Просвѣщеніе“. Книга самаго разнообразнаго содержанія. Говорится въ ней и о сказочной принцессѣ Изольдѣ, о собакѣ мельника, о переселенцахъ, о косаряхъ и о шахтѣ. Всѣ рассказы написаны хорошимъ языкомъ и будятъ въ читателяхъ хорошія мысли и добрыя чувства. Особенно трогателенъ рассказъ „Елча Митрича“ о томъ, какъ сторожъ переселенческаго барака, отставной солдатъ, устраиваетъ „Божьимъ дѣтямъ“ — переселенческимъ сиротамъ, единственный свѣтлый праздникъ въ ихъ жизни.

„Сказки и были“ Г. Сѣверцева-Полилова. Рис. А. В. Спасскаго: Изд. „Просвѣщеніе“. Сборникъ рассказовъ прежде всего поражаетъ своимъ разно-

образіемъ. Фантастическое перемѣшано съ дѣйствительной жизнью, а дѣйствительная жизнь до такой степени раскинулась по всему земному шару, что читатель, точно на аэропланѣ, перелетаетъ изъ Америки въ Швецію, оттуда на островъ Кубу, а съ острова въ сибирскую тайгу. Можетъ быть, именно это и придаетъ еще большій интересъ книгѣ. Подходить она для дѣтей старшаго возраста. Иллюстрирована книга болѣе удачно, чѣмъ другія книги этого издательства.

„Сказки-картинки“ В. Каррикъ. 3 выпускъ. 80 коп. Сказки-картинки В. Каррика навѣрно придутся дѣтямъ понутру: ужъ больно по дѣтски близко авторъ звѣрью чувствуетъ, ухватки, ужимки ловить однимъ штрихомъ.

Съ обложки лисанька, морду сунувъ сквозь жерди забора, такимъ глазкомъ хитрюще-хищнымъ выглядываетъ, что просто, ух!

А все же въ этомъ глазу нѣтъ хитрости людской, то-есть взрослыхъ людей; скорѣй такимъ глазкомъ, тайкомъ отъ стараго учителя, подглядываетъ школьникъ, „запускающая глазенасы“ въ тетрадь сосѣда.

Близки дѣти къ звѣрью и на оборотъ: собаки, кошки много позволяютъ ребенку съ собой продѣлывать, чего взрослому не спустятъ. Понять эту взаимную близость звѣрей и дѣтей можетъ только авторъ съ дѣтской душой. У В. Каррика, должно быть, такая душа и сохранилась съ дѣтства.

Въ сказкѣ „Музыканты“ удивительно трогателенъ пѣсь Барбось, легшій на пути отдыхать или умирать; и потомъ концертъ четырехъ музыкантовъ: Осла, Барбоса, Пѣтуха и Кота подъ окномъ лѣсной избушки.

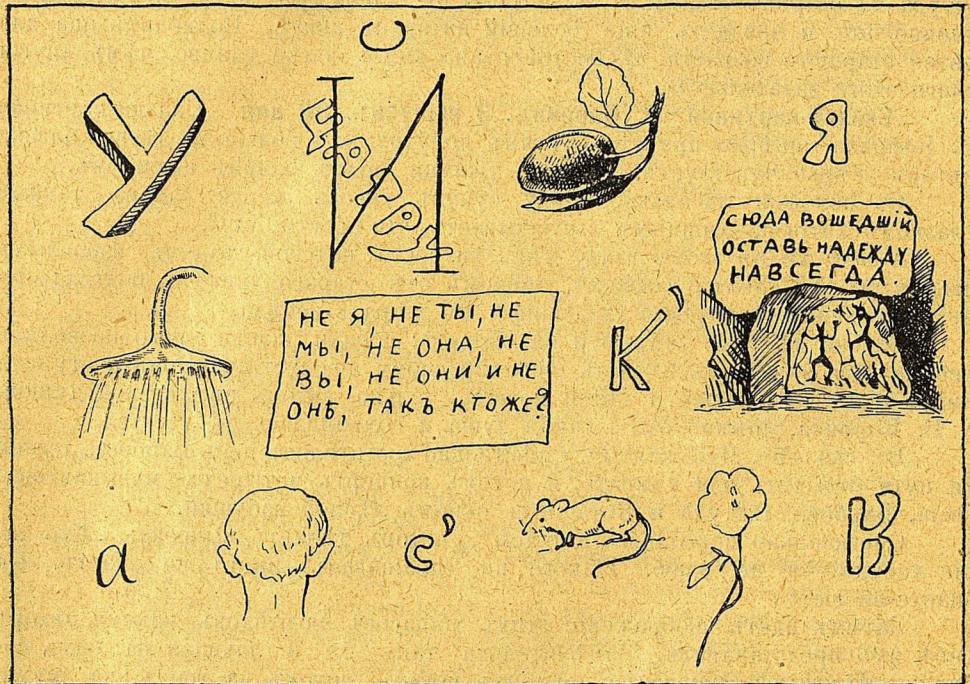
Оригинально переданы „Хобіасы“, авторъ дѣлаетъ выноску: „Кто такіе хобіасы—я не знаю. У кого ни спрашивалъ—никто не знаетъ. Не знаете-ли вы?“

Затѣмъ идетъ изображеніе этихъ хобіасовъ людоѣдовъ, какими авторъ себѣ ихъ представляетъ. Замѣчательна такъ же и лающая на нихъ собачка „Фунтикъ“, сперва на четырехъ ногахъ, потомъ на трехъ, на двухъ, на одной и безъ ногъ совсѣмъ. Хозяинъ старикъ отрѣзалъ ей каждый день по лапкѣ за то, что она лаяла, спать ему мѣшала, а лаяла она на „Хобіасовъ“, ихъ отпугивала.

Къ сожалѣнію на 14 страницѣ вкралась досадная опечатка: собачка „Фунтикъ“ стоитъ, вмѣсто одной ножки, на двухъ.

Въ сказкѣ „Лисица, Пѣтухъ и Журавль“ очень хороша сцена встрѣчи пѣтуха съ лисой и ея внезапное нападеніе.

Ребусъ № 2.



Шарада № 3.

Моя шарада такъ легка:
Предлогомъ первое зовете,
За трудъ второе вы даете,
Все на одеждѣ вы найдете
У бѣдняка.

Загадка № 8.

Когда лошадь бываетъ хищнымъ звѣремъ?

Шарада № 4.

Первое—животное большое

И въ рѣкѣ найдете вы мое второе.

Третье видѣть въ книгѣ съ дѣтства взгляды привыкъ.

Все мое—бездарный, глупый ученикъ.

Рѣшеніе задачъ, помѣщенныхъ въ 1-мъ №.

Ребусъ № 1. Иногда одно глупо(а)е слово производитъ цѣлый рядъ непріятностей и вызываетъ злобу и ненависть.

Загадка № 1. Въ словѣ „грачъ“ замѣнить букву „ч“ буквой „ф“. Будетъ—графъ.

Загадка № 2. Въ словѣ „гранатъ“ букву „а“ замѣнить буквой „и“. Будетъ—„гранить“.

Загадка № 3. Надо сшить платье изъ нанки, тогда получится слово „изнанки“.

Загадка № 4. Въ словѣ „килька“ заключается часть лодки—киль.

Загадка № 5. Въ словѣ „кисель“ замѣнить букву „с“ буквой „т“. Получится—китель.

Загадка № 6. Въ словѣ „кринка“ заключается названіе цвѣтка: кринъ.

Загадка № 7. Въ словѣ „крыса“ замѣнить букву „с“ буквой „ш“. Получится—крыша.

Шарада № 1. Ю—ноша.

Шарада № 2. Пила—въ.

Московское Общество Грамотности.

Къ дѣтямъ.

Всѣ вы, навѣрно, знаете, кто изъ газетъ, а кто изъ разсказовъ взрослыхъ, что въ нынѣшнемъ году во многихъ мѣстностяхъ Россіи голодь. Голодають взрослые, голодають дѣти. Въ газетахъ много пишутъ о томъ, что отъ голода сильно страдаютъ деревенскіе школьники. Ихъ обычный завтракъ—краюха чернаго хлѣба, теперь для многихъ является недоступною роскошью: нѣтъ хлѣба дома, нечего принести и въ школу. Учителя пишутъ о томъ, что ребята въ школахъ поражаютъ своимъ болѣзненнымъ видомъ. Одинъ священникъ разсказываетъ, что у его учениковъ отъ слабости „книжка въ рукахъ ходуномъ ходитъ, случаются обмороки“. Доктора сообщаютъ, что среди учащихся развивается цынга отъ недостаточнаго питанія. И многіе ученики поневолѣ бросаютъ школу и идутъ побираться: походятъ нѣсколько дней, наберутъ кусочковъ и опять въ школу, пока голодь не выгонитъ снова за милостыней. Деревенскіе школьники, дѣти, это ваши товарищи по работѣ, только эта работа проходитъ для нихъ, и въ обычное время, въ болѣе тяжелыхъ, чѣмъ для васъ, условіяхъ. А сейчасъ условія эти и совсѣмъ невыносимы: дѣти голодають. При Московскомъ Обществѣ Грамотности образовалась коммиссія, которая устраиваетъ школьныя столовыя. Накормить одного школьника обходится въ день 4, 5 коп., за 1 рубль учащійся можетъ быть сытъ цѣлый мѣсяцъ. Школьниковъ, которымъ нужна помощь, правда, много, но, вѣдь, и насъ, людей, которые сыты и могутъ что-нибудь удѣлить нуждающемуся, тоже не мало. Существуетъ народная пословица: „естъ ротокъ,—будетъ и кусокъ“. Постараемся оправдать эту хорошую народную пословицу, въ которую народъ вложилъ свою вѣру въ отзывчивость людей къ чужому горю: „съ міру по ниткѣ—голому рубаха“.

Пожертвованія на школьныя столовыя принимаются: по почтѣ: Москва, Смоленскій бульваръ, Московское О-во Сельскаго хозяйства, въ коммиссію школьныхъ столовыхъ; личныя: 1) Дѣвичье поле, Трубецкой переулокъ, д. Давыдова, кв. Вахтеровыхъ, 2) Тургеневская площадь, д. Гурляндъ, кв. Юнъ 3) Спиридоновка, 20, контора князей Долгоруковыхъ.

Редакт.-Издат.: *П. Соловьева, Н. Манасеина.*



БИБЛИОТЕЧНАЯ КОМИССІЯ ПРИ ОБЩ. СОДѢЙСТВІЯ ДОШКОЛЬНОМУ ВОСПИТАНІЮ ДѢТЕЙ
 ВЫПУСТИЛА
КАТАЛОГЪ КНИГЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ
 ДОШКОЛЬНАГО ВОЗРАСТА

Въ каталогѣ помѣщены рецензіи нѣсколькихъ сотъ книгъ для дѣтей въ возрастѣ до 7 лѣтъ. Ц. 30 к.

Продается на Постоянной Выставкѣ дѣтскихъ и педагогическихъ книгъ—(Кабинетская 18, кв. 1 Тел. 467-61) и въ книжныхъ магазинахъ.

Родникъ. Открыта подписка на 1912 годъ на журналы: Ежемѣсячный журналъ для юношества. Годъ изданія XXXI - ый. Рекомендованъ, одобренъ и допущенъ для всѣхъ учебныхъ заведеній Учеными и Учебными Комитетами: Святѣйшаго Синода, Собственной Его Императорскаго Величества Канцелярїи по учрежденіямъ Императрицы Марїи, Главнаго Управленія военно-учебныхъ заведеній, Министерства Народнаго Просвѣщенія и Министерства Финансовъ. Удостоенъ: 1) Почетнаго диплома на Педагогической выставкѣ Общества Трудолюбія въ Москвѣ въ 1888 г., 2) Похвального отзыва на первой Всероссийской выставкѣ печатнаго дѣла въ 1895 г., 3) Диплома на Всероссийской выставкѣ въ 1896 г. въ Н.-Новгородѣ по отдѣлу народнаго образованія, 4) Золотой медали на международной выставкѣ „Дѣтскій Миръ“ въ 1904 г. и 5) Серебряной медали на всемірной выставкѣ въ Льежѣ въ 1905 г. Въ 1912 году подписчики получаютъ: 12 книгъ, при участіи лучшихъ литературныхъ и художественныхъ силъ, богато иллюстрированныхъ, съ приложеніемъ отдѣла: „Клубъ Родника“, въ которомъ участвуютъ сами читатели. 6 автотипъ на мѣловой бумагѣ: Отечественная война“ 6 автотипъ, наклеенныхъ на цвѣтной картонъ; Картины современныхъ художниковъ“ 2 картины въ краскахъ. Бесплатныя приложенія: „Въ 1812 году“. Пьеса для домашнихъ и школьныхъ спектаклей къ предстоящему юбилею. В. В. Квадри. Театръ дома и въ школѣ. Руководство къ постановкѣ спектаклей, со многими рис. и чертежами, составленное артистомъ Императорскаго Александринскаго театра В. Всеволодскимъ. Эскизы декораций къ пьесѣ „Въ 1812 году“—на отдѣльныхъ листахъ, съ поясненіями. Подписная цѣна 5 рублей въ годъ съ перес. Допускается разсрочка: 1-е полуг.—3 р., 2-е полуг.—2 р. Пробный № высылается за 6 семикопеечныхъ марокъ. 1—2

Солнышко. Журналъ для начальныхъ школъ и младшаго возраста. Годъ изданія VIII-ой. Допущенъ Уч. Ком. М. Н. П., Учил. Сов. при Св. Синодѣ и Учебн. Ком. Вѣд. Учр. Императрицы Марїи къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ низш. и средн. учебн. завед., въ народн. и ученич. библ., въ церк.-прих. школы и прїюты. Въ 1912 году подписчики получаютъ: 12 №№ журнала, заключающихъ въ себѣ: разсказы, сказки, стихи, естеств.-историч. очерки, пьесы, ноты для хорового пѣнія, загадки, задачи, каррикатуры, отдѣльныя картинки среди текста, множество иллюстрацій. Статьи въ каждомъ № закончены. Открывается новый отдѣлъ: Маленькіе художники „Солнышка“. Читатели сами дѣлаютъ рисунки къ разсказамъ. Бесплатныя приложенія: Библиотечка „Солнышка“. Картинная галлерея „Солнышка“. Подписная цѣна 1 рубль въ годъ съ перес. Пробный № высылается за 2 семикопеечныхъ марки. 1—2

Воспитаніе и Обученіе. Ежемѣсячный педагогическій журналъ. Годъ изданія XXXVI-ой. Выходитъ выпусками въ 32 столбца убористой печати. Статьи по физич., умств. и нравств. воспитанію и обученію дѣтей дошкольнаго возраста. Руководство для матерей. Подписная цѣна 1 р. въ годъ съ перес. Редакція и контора: Петербургъ, Таврическая ул., 27. Издательница: Е. Альмедингенъ. Редакторъ Н. Альмедингенъ.

Семья и Школа. Открыта подписка на 1912 годъ (VIII-ой годъ изданія) на ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для дѣтей. Журналъ предназначается преимущественно для дѣтей средняго возраста (10—12 лѣтъ), которымъ еще мало доступны существующіе у насъ журналы болѣе старшаго возраста. При этомъ „Семья и Школа“ ставитъ своей задачею одинаково примѣняться какъ къ интересамъ дѣтей, учащихся въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, такъ и къ пониманію учениковъ началь-

ной народной школы. „Семья и Школа“ состоит из 12 ежемѣсячных книжек журнала и 6 отдѣльных книжек „Библиотеки Семьи и Школы“. Въ „Семьѣ и Школѣ“ принимаютъ участіе: Е. А. Бакунина, И. А. Вѣлюсовъ, Е. Волкова, Г. П. Володинъ, Н. А. Гольцева, С. Г. Григорьевъ, С. Д. Дрожжинъ, П. Засодимскій, П. П. Инфантьевъ, В. Ф. Капелькинъ, А. А. Кизветтеръ, С. А. Князьковъ, Н. К. Кольцовъ, М. А. Круковский, Т. Н. Львовъ, Вл. Львовъ, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, И. И. Митропольскій, И. Ф. Наживинъ, Н. Новичъ, Юр. Новоселовъ, К. Д. Носиловъ, Сергій Орловскій, О. П. Рунова, С. И. Рербергъ, Р. Рубинова, В. Г. Рудневъ, П. Н. Сакулинъ, А. Серафимовичъ, В. Д. Соколовъ, П. П. Сушкинъ, Н. Д. Телешовъ, М. В. Тиличеева, В. Н. Харузина и др. Подписная цѣна за 12 книжекъ «Семьи и Школы» и за 6 книжекъ „Библиотеки Семьи и Школы“: съ доставкой и пересылкой 3 р. 50 к. въ годъ. Безъ доставки въ Москвѣ 3 р. За границу 6 руб. Подписка на полгода 1 р. 75 к. (принимается исключительно въ редакціи). Подписка безъ доставки принимается въ Москвѣ: въ редакціи, въ конторѣ Н. Печковской и въ книжномъ магазинѣ Н. Карбасникова. Въ редакціи имѣются комплекты журналовъ за прежніе годы: 1905-ый, 1906-ой, 1907-ой и 1910-ый — по 3 руб., 1908-ой г. — по 5 руб. Журналъ за 1909-ый г. разошелся весь. Подписка на 1911 г. продолжается. Пробный номеръ журнала высылается изъ редакціи за три семидесяти марки. Гг. учителямъ, желающимъ ознакомиться съ журналомъ, пробный номеръ высылается бесплатно. Иногородніе подписчики могутъ обращаться прямо въ редакцію журнала «Семья и Школа»: Москва, Гончарная ул., домъ № 17. Редакторъ-Издатель Вл. Львовъ. 1—2

Маякъ. Принимается подписка на 1912 годъ на иллюстрированный журналъ 12 книгъ, до 1200 стр. 12 приложений, до 500 иллюстрацій. 4 руб. въ годъ съ пересылкой. Для дѣтей старшаго и средняго возраста съ отдѣломъ для маленькихъ. Подъ редакціей И. Горбунова-Посадова. При участіи Е. И. Алькора, Е. М. Бель, П. А. Буланже, Е. Е. Горбуновой, С. Н. Дурылина, В. И. Лукьянской, И. Ф. Наживина, С. В. Покровскаго, С. А. Порѣвскаго, С. Т. Семенова, Е. К. Соломина, А. К. Черковой и другихъ постоянныхъ сотрудниковъ „Библиотеки И. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества“. Въ журналѣ помѣщаются: 1) Рассказы, повѣсти и стихотворенія. 2) Географическіе очерки и путешествія. 3) Историческіе очерки и биографіи. 4) Мысли мудрыхъ людей. 5) Весѣлы по естествознанію и наблюденіямъ природы. 6) Объявленія изобрѣтеній и открытій. 7) Почтовый ящикъ (переписка читателей и редакціи). Смѣсь (задачи, игры, шутки и т. д.). Въ числѣ 12 приложений даются руководства о томъ, какъ дѣтямъ самимъ дѣлать интересныя для нихъ приборы, машины, какъ дѣлать опыты и наблюденія, содѣлать о рисованіи, вообще руководства къ разнымъ занятіямъ и играмъ въ комнатѣ и на открытомъ воздухѣ и т. д. Въ текстѣ журнала и приложений помѣщается множество иллюстрацій. Журналъ допущенъ по предварительной подпискѣ въ городскія училища, въ библиотеки ремесленныхъ, профессиональныхъ и техническихъ училищъ всѣхъ типовъ и въ ротныя библиотеки 1-го и 2-го классовъ кадетскихъ корпусовъ. Подписная плата съ пересылкой въ годъ 4 р., за полгода 2 р. За границу 6 р. Въ Москвѣ безъ доставки на домъ 3 р. 50 к., на полгода 1 р. 75 к. Подписка принимается: 1) въ конторѣ редакціи журнала «Маякъ»: Москва, Девичье поле, Трубетцкой пер., д. № 8, 2) въ книгоиздательствѣ «Посредникъ» (Москва, Арбатъ, д. Тѣстовыхъ), 3) въ книжномъ магазинѣ «Посредникъ» (Москва, Петровскія линіи) и во всѣхъ другихъ книжныхъ магазинахъ и конторахъ, принимающихъ подписку на журналы. Издательница М. В. Горбунова. Редакторъ И. И. Горбуновъ-Посадовъ. 1—2

Школа и Жизнь. Пятый годъ изданія. Единствен. еженедѣльн. общественно-педагогическ. газета, съ ежемѣсячн. прилож. открыта подписка на 1912 г. Приложение по объему не менѣе 80-ти печатныхъ листовъ, будутъ освѣщать выдвигаемые текущей жизнью вопросы образованія и воспитанія. Въ числѣ приложений находятъ: „Эмилъ XVIII вѣка“, — Руссо, „Проблемы дѣтскаго чтенія“ — Вольгаста, „Развитіе народа и развитіе личности“ — Натерпа — произведенія, необходимыя каждому педагогу и каждой образованной семьѣ. Газета издается по слѣдующей программѣ: 1) Статьи по вопросамъ: а) организаціи школы и школьнаго законодательства, б) общепедагогической теоріи и практики. 2) Статьи по различнымъ вопросамъ образованія и воспитанія. 3) Фельетонъ, характеризующій по преимуществу внутреннюю жизнь школы или популяризирующий различныя стороны знанія. 4) Обзоръ печати. 5) Хроника образованія; дѣятельность законодательныхъ учрежденій, правительства и т. д. 6) Хроника

школьной жизни въ Россіи и за границей. 7) Обзорные спеціальной литературы и иностранной 8) Справочный отдѣлъ. 9) Объявленія. Редакція газеты, стремясь къ возможно полному освѣщенію всѣхъ вопросовъ, касающихся воспитанія и образованія въ Россіи и за границей, приглашаетъ къ участ. въ сотрудн. проф. высшихъ учебныхъ заведеній, преподавателей средн. и низшей школы, земск. и город. дѣятелей, член. Г. Думы и Г. Совѣта и др. Подъ общей редакціей Г. А. Фальборка. Подписная цѣна: съ доставкой и пересылкой въ города Имперіи: на годъ 6 р., на 6 м. 3 р., на 3 м. 2 р. Для учащихъ въ начальныхъ училищахъ допускается разсрочка: При подпискѣ 2 р., къ 1 февр., къ 1 марта, къ 1 апр. и къ 1 мая—по одному рублю. Подписка принимается: въ Главной Конторѣ, Петербургъ, Кабинетская, № 18, во всѣхъ почт.-тел. конторахъ и въ солидн. книжн. магазинахъ. Объявленія принимаются главной конторой по цѣнѣ: Строка непарелю впереди текста—60 к. позади текста 30 к. Издатели: Н. В. Мѣшковъ и Г. А. Фальборкъ.

1—2

Русская Школа. Открыта подписка на 1912 годъ. XXIII годъ изданія на общепедагогическій журналъ для учителей и дѣятелей по народному образованію. Программа журнала: Общие вопросы образованія и воспитанія. Реформа школы. Экспериментальная педагогика, психологія, школьная гигиена. Методика преподаванія различныхъ предметовъ. Исторія школы. Обзоры новѣйшихъ теченій въ области разныхъ наукъ. Дѣятельность госуд. и обществ. учреждений по народному образованію (Госуд. Думы, земствъ и пр.). Народное образованіе за границей. Низшая и средняя школа въ Россіи. Вопросы національной школы разл. народовъ Россіи. Женское образованіе. Профессиональное образованіе. Въѣшкельное образованіе. Кромѣ статей по означенной программѣ, журналъ даетъ слѣдующіе постоянные отдѣлы: I. Экспериментальная педагогика, подъ ред. А. П. Нечаева и И. Е. Румянцова. II. Критика и библиографія, обзоры педагогическихъ и дѣтскихъ журналовъ. III. Хроника общаго и профес. образованія въ Россіи и за границей. IV. Хроника библиотечнаго дѣла и въѣшкельнаго образованія. V. Разныя извѣстія. VI. Новости литературы. VII. Новѣйшія права, распоряженія и законодат. постановленія. «Русская Школа» выходитъ ежемѣсячно книжками, не менѣе 15 печ. листовъ. Подписная цѣна: въ СПБ. безъ дост.—7 р., съ дост.—7 р. 50 к., для иногородн.—8 р.; за границу—9 р. въ годъ. Для сельскихъ учителей, выписыв. журналъ за свой счетъ—6 руб. въ годъ, съ разсрочкою (при подпискѣ—3 р. и къ 1 июля—3 р.). Городамъ и земствамъ, выписыв. не менѣе 10 экз., уступка въ 15%. Книжн. магазинамъ за комиссію 5% съ год. цѣны. Подписка съ разсрочкой и уступкой только въ конторѣ редакціи (СПБ., Лиговская, д. 1). Редакторъ-издатель Я. Я. Гуревичъ.

1—2

Художественно-Педагогическій Журналъ. 1912 г. Открыта подписка на двухдѣльный иллюстрированный (11-й годъ изданія). Привлекая къ сотрудничеству лучшихъ литературныхъ и художественныхъ силы, журналъ ставитъ себѣ задачей приближеніе искусства къ обиходу человѣка, художественному воспитанію, эстетическому развитію дѣтей и юношества и современнымъ методамъ преподаванія рисованія, черченія и лѣпки въ семьѣ и школѣ. Приложенія: рисунки для художественной и кустарной промышленности. Подписная цѣна: 1 годъ (24 №№) 3 р. 50 к., на 1/2 года 2 р. Редакція и контора: С.-Петербургъ, Саперный, 12. Тел. 63—47. Разсрочка: при подпискѣ 1 р. 50 к., слѣд. мѣсяць 1 р., на 3-й мѣс. 1 р. Цѣна отдѣльнаго №—20 к. Пробные №№ высылаются за двѣ 7 коп. марки. Особенное вниманіе обращается на ручной трудъ, игры и занятія, способствующіе развитію изобрѣтательности, образнаго мышленія и представленія. „Меккано“ интересное, незамѣнимое и полезное занятіе для изобрѣтателей и инженеръ-механиковъ. Подробныя свѣдѣнія и цѣны высылаются по востребованію. Брошюра съ 37 иллюстраціями въ текстѣ (4 печатныхъ листа) высылается за 50 коп., можно марками.

Главный складъ и представительство для Россіи въ конторѣ Художественно-Педагогическаго Журнала, СПБ., Саперный, 12. Телефонъ № 6847. Складъ моделей, пособій и матеріаловъ для рисованія, черченія и лѣпки. Подписчики Художественно-Педагогическаго Журнала, выписывающіе черезъ контору журнала принадлежности и матеріалы для рисованія, черченія и лѣпки, пользуются уступкой въ 10%.

Редакторъ-Издатель А. Н. Смирновъ.

1—2

Учительский Вестник. Открыта подписка на 1912 год на общественно-педагогический и литературный журнал. 5-й год издания. Подписной годъ съ 1 января. Журналъ выходитъ ежемѣсячно, кромѣ двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (июнь—июль). Задача журнала—освѣтить всѣ нужды учащихся и дать возможность имъ самимъ заявить о нихъ.

Программа журнала. 1) Руководящія и оригинальныя статьи по вопросамъ воспитанія, школьнаго и внѣшкольнаго образованія, методики преподаванія, педагогической психологiи и постановки школьнаго дѣла. 2) Основные вопросы учительства, въ правовомъ, духовномъ и материальномъ отношенiи. 3) Хроника школьной жизни—мѣстной и общей. 4) Дѣятельность государственныхъ и общественныхъ учреждений по народному образованiю. 5) Изъ жизни учительскихъ обществъ взаимопомощи. 6) Корреспонденци и письма въ редакцiю и отвѣты на нихъ читателямъ. 7) Обзоръ педагогическихъ журналовъ. 8) Критика и библиографiя. 9) Книги, поступившия въ редакцiю. 10) Объявленiя. Размѣръ журнала значительно увеличенъ и редакцiей привлечены къ участию въ немъ лучшия литературныя силы учительскаго мира какъ мѣстнаго края, такъ и другихъ городовъ. Подписная цѣна. (10 №№ въ годъ) 1. Для членовъ Оренбургскаго учительскаго Общества взаимопомощи 50 к. въ годъ. 2. Для остальныхъ 2 р. Редакторъ *И. М. Расторгуевъ*. Издатель—Оренбургское Учительское Общество взаимопомощи. Подписка принимается въ редакцiю журнала—г. Оренбургъ, Извозничья ул., д. Расторгуева, а для городскихъ подписчиковъ и у всѣхъ членовъ Правленiя учительскаго Общества.

Народный учитель. Принимается подписка на еженедѣльный профессиональный и общественно-педагогический журналъ. 40 №№ въ годъ и 2 бесплатныхъ приложенiя. Москва. VII годъ изданiя. Съ 1912 г. журналъ б. выходитъ еженедѣльно, кромѣ двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ—июня и июля. Въ журналѣ участвуютъ видные дѣятели по народному образованiю. Въ составъ сотрудниковъ вошли: И. С. Абрамовъ, В. А. Анзимировъ, Я. С. Артюховъ, А. Н. Ачкасовъ, гр. Бобринская, проф. А. К. Вороздинъ, И. П. Бѣлозковский, В. П. и Ф. О. Вахтеровы, А. Г. Вязловъ, А. Ф. Волошинъ, Д. И. Дорошенко, И. Я. Дрильхъ, Я. И. Дущечкинъ, С. А. Ефремовъ, Ф. О. Жаровъ, Е. А. Звягинцевъ, Я. Ф. Зеленкевичъ, С. А. Золотаревъ, А. Е. Ивашкинъ, А. П. Иващенко, В. В. Кирьяковъ, В. С. Костромина, М. А. Крылова, К. Ф. Лебединцевъ, С. И. Лисенко, А. А. Локтинъ, Н. Д. Лубенецъ, Т. Г. Лубенецъ, Н. А. Малиновскiй, С. П. Мельгуновъ, Ф. П. Матушевскiй, А. В. Петрищевъ, А. Н. Проперъ, д-ръ Г. И. Ростовцевъ, С. С. Раецкiй, вр. М. П. Рашковичъ, Н. Е. Румянцевъ, Л. Н. Рупценъ, С. Ф. Русова, И. Н. Сахаровъ, Н. А. Скворцовъ, В. В. Симоновскiй, Б. Е. Сырочковский, О. Н. Смирновъ, С. О. Стрѣположко, В. Н. Твердохлѣбовъ, д-ръ П. П. Тутышкинъ, Г. А. Фальборкъ, С. В. Хатунскiй, Н. В. Чеховъ, Е. Г. Шольцъ, М. Л. Цитронъ и др. Всюду собственные корреспонденты. Живая связь съ народнымъ учительствомъ и земскими дѣятелями. Разнообразныя иллюстраци. Постоянные отдѣлы журнала: I. Вопросы народнаго образованiя въ Государственной Думѣ. II. Въ учительскихъ обществахъ. III. Хроника народнаго образованiя. IV. Изъ жизни заграничной школы. V. Народное образованiе въ земствахъ и городахъ. VI. Внѣшкольное образованiе. VII. Среди педагогическихъ журналовъ. VIII. Сообщенiя съ мѣстъ. IX. Новости педагогической, учебной, дѣтской и народной литературы. X. Справочныя свѣдѣнiя по народному образованiю. XI. Въ помощь самообразованiю. XII. Среди книгъ (библиографiя). XIII. Школьная практика. XIV. Письма въ редакцiю. XV. Почтовый ящикъ. Въ 1912 г. всѣ годовые подписчики получаютъ бесплатно два приложенiя: 1) Календарь-Справочникъ на 1911—12—уч. годъ (въ двухъ частяхъ 92+354 стр.), составленъ редакторомъ журн. О. Н. Смирновымъ. 2) Портретъ Л. Н. Толстого. Подписная цѣна: на годъ—3 руб., на полгода—2 руб. съ приложенiемъ „Календаря-Справочника“. Допускается разсрочка: при подпискѣ—2 руб. и къ 1-му мая—1 руб. Подписавшiеся до января получаютъ №№ за декабрь бесплатно. Подписку адресуйте: Москва, Б. Дмитровка, 26, журналу „Народный Учитель“. Редакторъ О. Н. Смирновъ. Издательница Л. П. Смирнова.

Въ школь и дома. Открыта подписка на 1912 годъ (второй годъ изданiя) на ежемѣсячный журналъ для дѣтей. Журналъ назначается для школьнаго и домашняго чтенiя. Онъ будетъ выходить отдѣльными книжками, по 2—4 въ мѣсяцъ подъ общей обложкой, такъ что имъ одновременно могутъ пользоваться нѣсколько лицъ. Въ журналѣ будутъ помѣщаться: 1) Повѣсти и разсказы, какъ оригинальные, такъ и перевод-

ные. 2) Драматическія произведенія. 3) Стихотворенія. 4) Жизнь замѣательныхъ людей,—биографіи выдающихся лицъ во всѣхъ отрасляхъ знанія и въ жизни, какъ живыхъ, такъ и умершихъ. 5) Очерки и рассказы изъ русской и всеобщей исторіи. 6) Путешествія. Рассказы о разныхъ странахъ и народахъ. Міровѣдніе. 7) Рассказы и очерки изъ жизни растительнаго и животнаго царствъ. 8) Текущая жизнь. Замѣательныя открытія и изобрѣтенія. Что въ данное время происходитъ на земномъ шарѣ. 9) Иллюстраціи и приложенія. Подписная цѣна въ годъ съ пересылкой и доставкой 12 р., полгода 7 р. Книжки журнала будутъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца. Адресъ конторы: Москва, Ваганьковской пер., д. 9. Книжный складъ М. В. Клюкина. Редакторъ-издатель *М. В. Клюкинъ*. 1--2

Обновленіе Школы. Педагогическій журналъ. Отдѣлъ «ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ», подъ редакціей пр.-доц. Нью-Йоркскаго университета, д-ра философіи и педагогикѣ П. Р. Радосавльевича. Въ первыхъ номерахъ напечатаны работы прив.-доц. Нью-Йоркскаго Университета Д-ра П. Р. Радосавльевича, П. П. Балталона, проф. Люффура, М. И. Конорова, В. Лая, В. и Ю. Лабунскихъ, О. Ципмана, Д. Лютца, В. Р. Мрочека, Н. Е. Румянцова, Ф. В. Филипповича и др. Программа. 1) Статьи, очерки, наброски, опыты по психологіи дѣтства и экспериментальной педагогикѣ. 2) Опыты, статьи очерки, наброски по экспериментальной методикѣ обученія. 3) Статьи, очерки, наброски и опыты по гигиенѣ и физическому воспитанію дѣтей. 4) Очерки по народному образованію. 5) Критика и библиографія. 6) Педагогическая хроника. 7) Объявленія. Кромѣ того, время отъ времени въ журналѣ «Обновленіе Школы», будутъ помѣщаться труды „Передвижныхъ курсовъ обновляющейся школы“, организуемыхъ редакціей журнала для чтенія лекцій учителямъ, воспитателямъ и родителямъ (въ столицахъ и въ провинціи). Журналъ выходитъ 10 книжками въ годъ. Подписной годъ начинается съ 1-го сентября. Подписная цѣна 2 рубля годъ. Адресъ редакціи и конторы: С.-Петербургъ, Мойка, 54. Ред.-Изд. Александръ Зачиняевъ.

Семейное воспитаніе. Открыта подписка на новый ежемѣсячный журналъ, (за исключеніемъ 2-мъ мѣсяцевъ—Іюнь—Іюль) рациональнаго воспитанія подъ редакціей женщины-врача А. Дерновой-Ярмоленко. 2-ой годъ изданія. Программа журнала: 1) Отъ редакціи. 2) Результаты современнаго воспитанія. 3) Особенности дѣтскаго возраста. 4) Гигіена тѣла и души ребенка. 5) Ненормальности дѣтскаго возраста. 6) Программы и способы наблюденій за дѣтьми. 7) Данныя экспериментальной психологіи и педагогикѣ. 8) Дневники родителей и воспитателей. 9) Ошибки и промахи въ дѣлѣ воспитанія. 10) Дѣтское творчество. 11) Вліяніе семьи и ея склада на образованіе личности. 12) Половой вопросъ въ дѣлѣ воспитанія. 13) Фотографіи и рисунки. 14) Справочный отдѣлъ. 15) Критика и библиографія. 16) Иностранный отдѣлъ. Слѣдующія лица принимаютъ участіе въ журналѣ: В. Анисимовъ, Акад. В. М. Бехтеревъ, д-ръ филос. М. В. Безобразова, В. Н. Бражасъ, В. А. Дернова, В. А. Волковичъ, Э. Вишневская, А. С. Грибобовъ, В. Гартверъ, Г. И. Гордонъ, В. Ф. Долгополовъ, Н. И. Долгополовъ, И. К. Домонтовичъ, Л. В. Ергуна, В. Н. Жукъ, И. А. Захарова, Е. И. Юрданская, А. К. Каравья, А. А. Кисель, О. А. Клодницкая, А. Н. Калмыкова, А. Кабановъ, Е. І. Лозинскій, Георгъ Манаенковъ, О. В. Миллеръ, В. Д. Маркузонъ, Е. П. Нагулевичъ-Колосова, Проф. Каз. У-та В. И. Осиповъ, В. Н. Осипова, М. И. Покровская, А. Н. Пѣшкова-Толыivièreва, П. Д. Первовъ, Е. Е. Соловьева, М. И. Сулима, Е. И. Тихѣва, Н. А. Шишло, М. Д. Шевелова, Прив.-доц. Моск. У-а А. Н. Филипповъ, В. Фидоровскій, А. Л. Щегловъ, А. С. Якубъ, и др.—врачи, педагоги и родители. Подписная цѣна на годъ 3 р., на полгода 1 р. 50 к., на мѣсяць 30 к., съ пересылкой и доставкой. Можно наложеннымъ платежемъ только на годъ—3 р. 25 к. Пробный № за 4 7-ми коп. марки. За границу съ пересылкой въ годъ 4 р. 50 к. Адресъ редакціи: г. Астрахань, Биржевая ул., д. Тесовской. Подписка принимается кромѣ того во всѣхъ почтовыхъ отдѣленіяхъ Россіи и въ лучшихъ мѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Редакторъ-Издатель А. Дернова-Ярмоленко.

Биржа. Открыта подписка на еженедѣльный Финансово-экономическій и биржевой журналъ. Программа журнала: I. Дѣйствующія законоположенія, распоряженія правительства, законопроекты, касающіеся биржъ, банковъ, биржевыхъ комитетовъ, акціонерныхъ, промышленныхъ и др. предпріятій. II. Руководящія статьи по финансово-экономическимъ, биржевымъ, банковымъ, торгово-промышленнымъ и др. вопросамъ. III. Свѣдѣнія о положеніи

бирж, еженедельные обзоры и котировки бирж русских и иностранных, обзоры рынков. IV. Критические обзоры акционерных предприятий и их % бумаг, котировки на биржах, с предположительным указанием их возможной распродажи на бирже на предстоящую неделю. V. Хроника биржевая, банковая, торгово-промышленная, железнодорожная и судебная. VI. Общия собрания и отчеты акционерных предприятий. Постановления биржевых комитетов. Движение и сборы на железных дорогах. VII. Таблицы курсов и сделок всех % бумаг, котировки на биржах, таблицы дивидендов, сроков купонов, тиражей и т. д. VIII. Обзоры печати, библиография, смес, почтовый ящик. Собственные корреспонденты в Париж, Берлин, Лондон, Нью-Йорк и др. городах. Журнал выходит по воскресеньям. Участие в журнал принимают: Чл. Думы, проф. Алексеев М. М.; проф. Алексеев А. С.; проф. Верендт Э. Н.; пр.-доц. Боровой А. А.; проф. Варнеке Б. В.; Воротынец Н. Н.; бар. Врангель Е. Е.; Головин К.; Герольдштейн И. М.; проф. Грибовский В. М.; чл. Гос. Сов. Денисов В. И.; кн. Долгоруков М.; Евреинов М. Н.; чл. Гос. Думы Еропкин А. Б.; Зейдман А. И.; Идельсон В. Р.; проф. Исаев А. А.; проф. Колосов Г. В.; чл. Гос. Совета Косич А. И.; член Гос. Думы Лерхе Г. Г.; Малиарский К. Д.; др. Ла-Марк Г. Е.; Манус И. П.; проф. Мигулин П. П.; Мукосев В. А.; Модель М. С.; пр.-доц. Новицкий И. Н.; чл. Гос. Сов. проф. Озеров И. X.; проф. Пассек Е. В.; Путилов А. И.; Попенгуть П. О.; Сперанский В. П.; Успенский П. Д.; проф. Фридмань М. И.; Федоров А. П.; Шабинев С. С.; Эмский (псевд.). „Биржа“ дает ежемѣсяч. бесплат. прилож. жур. „Биржевой ежемѣсячник“ и др. издания по биржевой и банковской литературѣ. Подписная цѣна на журнал со всеми бесплатными приложениями: на год—12 руб., на 1/2 года—7 руб., на 3 мѣс.—4 руб.: Отдѣльный № 25 коп. За границу: на год—20 руб., 1/2 года 12 руб. Подписка принимается в редакци: —С.-Петербург, Мойка, 12, и во всех книжных магазинах и почтовых учреждениях Империи.

Дошкольное воспитание. Открыта подписка на 1912 год на журнал для матерей и воспитательниц, с приложениями занятий для дѣтей. Программа журнала: 1) Пропаганда идей дошкольнаго воспитанія, особенно новых дѣтских садовъ, и сближеніе послѣднихъ со школою. 2) Психологія дѣтства и экспериментальная педагогика. 3) Теорія и практика дѣтскаго сада: образцы уроковъ, бесѣдъ, игръ, работъ, пѣсенъ и т. п. 4) Гигіена дѣтскаго возраста и физическое воспитаніе дѣтей. 5) Критика и библиографія. Обзоръ русскихъ и иностранныхъ журналовъ. 6) Педагогическая хроника. 7) Письма въ редакцію. 8) Объявленія. Въ журналъ принимаютъ участіе: А. К. Анохинъ, академ. В. М. Бехтеревъ, Ц. П. Валталоу, М. В. Безобразова, А. В. Бреговская, К. Н. Вентцель, Н. А. Вукотичъ, докторъ А. В. Владиміръскій, З. С. Веселкина, А. С. Дараганъ, А. В. Жекулина, Е. П. Залѣсская, Н. Н. Зайцева, О. Я. Иконникова, П. Ф. Каптеревъ, Е. Н. Кашкадамова, докторъ Н. И. Кириенко, Л. В. Кириенко, Е. П. Ковалевскій, В. С. Костромина, М. В. Лебедева, Н. Д. Лубенецъ, Т. Г. Лубенецъ, А. Ф. Музыченко, Н. В. Натвикъ, М. О. Петерсенъ, В. К. Пото, С. Ф. Русова, Е. Н. Сахновская, М. X. Свентицкая, профессоръ И. А. Сикорскій, А. С. Симоновичъ, И. М. Степенко, М. А. Синицкая, М. И. Страхова, Л. П. Товстоногъ, Е. А. Толмачевская, Г. А. Фальборкъ, М. Н. Финкельштейнъ, В. А. Флеровъ, Е. М. Чарнолукой, В. И. Чарнолукой, М. А. Чехова, Н. В. Чеховъ, врачъ Е. Н. Яницкая, Э. В. Яновская, Ю. И. Ярошевичъ и др. Журналъ будетъ выходить 9 разъ въ годъ (въ теченіи лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ не выходитъ). Въ каждомъ № журнала будетъ не менѣе 2-хъ печатныхъ листовъ. Подписная цѣна: 2 рубля 50 коп. въ годъ. Цѣна отдѣльнаго № въ розничной продажѣ 30 коп. Подписка принимается: въ конторѣ редакци. Кіевъ, Стрѣлецкая, 4, кв. 3 и въ магазинѣ „Дошкольное Воспитаніе“ (Кіевъ, Фундуклевская, 10). Изданіе Кіевскаго общества народныхъ дѣтскихъ садовъ. Редакторъ Н. Д. Лубенецъ.

Оренбургскій Край. Открыта подписка на 1912 годъ (годъ изданія V-й) на прогрессивн., общественно-политическую и литературную газету. Гор. Оренбургъ, Неплюевская ул., д. Городисскаго. Газета ставитъ своею ближайшею задачею служеніе принципамъ конституціоннаго строя на широкихъ демократическихъ началахъ и разработку вопроса какъ общаго, такъ и мѣстныхъ только съ этой точки зрѣнія. Газета выходитъ ежедневно. Подписная цѣна: годъ—6 р., 6 мѣсяцевъ—3 р. 50 к., три мѣсяца—2 р., 1 мѣсяць—70 к. Редакторъ И. Н. Туркестановъ. Издатель Е. М. Городисскій.

Рыболовъ и Охотникъ. Открыта подписка на 1912 годъ на двухнедельный иллюстрированный журналъ, издаваемый въ Вяткѣ съ 1909 года. Журналъ издается по типу лучшихъ французскихъ спортивныхъ журналовъ, по программѣ: Законы и правительственные распоряженія по рыболовству и охотѣ.— Статьи по вопросамъ охотничьего и рыболовнаго хозяйства.— Повѣсти, рассказы, стихотворенія, описанія.— Специальные статьи по ружейной техникѣ, собаководству, орнитологii.— Наши прѣсноводныя рыбы: ихъ описаніе и способы ловли.— Рыболовныя снасти: удилица, крючки, лески и т. д.— Приманки и прикормки.— Галлерея писателей—рыболововъ и охотниковъ (портреты).— Рыбоводство.— Жизнь обществъ и кружковъ.— Хроника.— За границей.— Новѣйшія изобрѣтенія въ области охоты и рыболовства.— По Россii.— Смѣсь.— Отвѣты на вопросы.— Рисунки, карикатуры.— Особья приложенія: картины съ фотографіей С. А. Лобовикова. Доплатная премія: классическое сочиненіе С. Т. Аксакова— „Записки объ уженъ рыбы“ съ портретомъ и биографіей автора. Подписная цѣна: безъ премii на годъ 2 р., $\frac{1}{2}$ года 1 р. 10 к. За премію уплачивается 50 к., которая можно присылать вмѣстѣ съ подпис. платой на журналъ. Порб. № высылается за 7 к. марку. Подписка принимается: въ редакціи, Вятка, Николаевская, д. Берманъ, и во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ Имперii. Ред.-издатель Ѳ. Кунilовъ. Издатель А. Влювштейнъ.

Вѣстникъ Оренбургскаго Учебнаго Округа, журналъ педагогическій и научный, будетъ выходить съ января 1912 года, отъ 8 до 10 выпусковъ въ годъ. Журналъ будетъ состоять изъ 3-хъ отдѣловъ: 1. Официальный отдѣлъ, заключающій въ себѣ Высочайшія повелѣнія и законоположенія по вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія, распоряженія Министерства, Попечителя Округа, директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ, относящіяся до среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, а также свѣдѣнія о выдающихся событіяхъ и явленіяхъ въ жизни Учебнаго Округа. 2. Педагогическій отдѣлъ, заключающій въ себѣ статьи по общимъ и частнымъ вопросамъ умственного, нравственнаго и физическаго воспитанія, по дидактикѣ и методикѣ преподаванія различныхъ учебныхъ предметовъ курса средней и низшей школы, разборы примѣрныхъ уроковъ, статьи по училищевѣдѣнiю, по вопросамъ профессиональнаго и вѣтшкольнаго образованія, библиографическія свѣдѣнія, критическія статьи и замѣтки по учебной и педагогической литературѣ и школьную хронику. 3. Научный отдѣлъ, заключающій въ себѣ статьи и сообщенія, касающіяся изученія обширнаго Приуральскаго края, входящаго въ составъ Учебнаго Округа, въ археологическомъ, историческомъ, географическомъ, естественно-историческомъ, этнографическомъ, лингвистическомъ и культурно-бытовомъ отношеніяхъ. Подписная цѣна въ годъ съ доставкой и пересылкой: а) для среднихъ учебныхъ заведеній: мужскихъ и женскихъ гимназій, реальныхъ и средне-техническихъ училищъ, а также для учительскаго института 8 руб.; б) для мужскихъ и женскихъ прогимназій, частн. учебн. заведеній II разряда, низш. техническихъ учил., учительск. семинарій и школъ, городскихъ и ремесленныхъ училищъ и школъ 6 руб. в) для Маринскихъ женскихъ училищъ, педагогическихъ курсовъ, низшихъ народныхъ училищъ, а равно для служащихъ и частныхъ лицъ 4 руб. Къ участию въ сотрудничествѣ приглашаются мѣстныя педагогическія силы, отъ в.г. служащихъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ до г.г. начальныхъ учителей и учительницъ включительно, а равно и всѣ лица, интересующіяся педагогическимъ дѣломъ и природой и жизнью Приуралья. Рукописи, присылаемыя въ редакцію, должны быть написаны разборчиво, имѣть поля и снабжены точными адресомъ автора. Принятые рукописи подлежатъ, въ случаѣ надобности, редакціоннымъ измѣненіямъ. Объявленія принимаются съ платою по 20 рублей за страницу, 10 рублей—за полстраницы, 5 рублей—за четверть страницы и 3 рубля—за одну восьмую часть страницы. Подписка принимается въ канцелярiи Попечителя Оренбургскаго Учебнаго Округа. Редакторомъ журнала состоитъ Окружной Инспекторъ Михаилъ Алексѣевичъ Миропіевъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 1912 г.

(23-й г. изд.)

Подписн. годъ
считается съ
1-го ноября
1911 г. по 1-е
ноября 1912 г.

ПРИРОДА И ЛЮДИ

Журналъ „Природа и Люди“ Мин. Нар. Пров. допущенъ въ учебн. библиот. низшихъ учебн. завед., въ учен. библиот. средн. учебн. зав. и гор. училищ., въ совѣтл. нар. чит. и библиот.

52 №№ художественно-иллюстрированного журнала.

Романы, повѣсти и рассказы. Живописныя путешествія. Описанія чудесъ природы. Диковинки животн. и растит. міра. Очерки по всемъ отраслямъ знанія. Открытія и изобрѣтенія. Спортъ, новости по авіаціи, задачи на премии и т. п.

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ: абонементъ № 1, или № 2, или № 3, по выбору г.г. подписчиковъ:

Абонементъ № 1.

40 книгъ 8.000
страницъ.

**БОГАТО ИЛЛЮСТРИРОВАННОГО
ПОЛНАГО СОБРАНІЯ РОМАНОВЪ**
бессмертнаго французскаго писателя

А. ДЮМА

Подъ редакціей П. В. Быкова.

Едва ли существовалъ уголокъ цивилизованнаго міра, гдѣ бы не знали и не любили этого короля французскихъ романовъ. Предпринятое нами новое изданіе сочин. А. Дюма является первымъ полнымъ русскимъ изданіемъ. Настоящее изданіе является тѣмъ болѣе цѣннымъ, что заключаетъ въ себѣ **1.000 иллюстрацій.**

40 книгъ полнаго собранія романовъ Александра Дюма (первая половина) будутъ заключать въ себѣ слѣдующія произведенія:

Тайный заговоръ. — Ущелье дьявола. — Графъ Монте-Кристо. — Приключенія Жюна Девиса. — Три мукетера. — Двадцать лѣтъ спустя. — Викоитъ де Бражелонъ. — Женская война. — Черный толпанъ или плѣнникъ Левенштейнскаго замка. — За королеву (Шевалье д'Армамантъ). — Ожерелье королевы. — Анжъ Питу. — Тысяча и одинъ призракъ. — Калабрійскіе бандиты. — Невѣста республиканца. — Вѣрность до гроба. — Путешествіе Пайо. — Мюратъ. — Петръ Жестокий. — Приключенія капитана Марлона.

Остальная 40 кн. полн. собр. сочиненій А. Дюма будутъ даны въ 1913-мъ году

Абонементъ № 2.

24 книги полное иллюстрир.
СОБРАНІЕ РОМАНОВЪ
4 800 стр. знаменитаго писателя моряка

КАПИТАНА МАРРИЭТА

Морской офицеръ. — Королевскія собственн. — Приключ. Якова Вѣрнаго. — Лафетъ въ поискахъ отца. — Три яхты. — Мичманъ Иззи. — Многосказочн. папа. — Браконьеръ. — Корабль-призракъ. — Приключенія собаки. — Кораблекрушеніе въ Великому океанѣ. — Сто лѣтъ назадъ. — Приключ. въ Африкѣ. — Канадскіе поселенцы. — Приключенія Влозъ въ Калифорніи и Техасѣ. — Маленькій дикийр. — Приключенія Симпли. — Пиратъ и друг.

12 книгъ художеств. литератур.
2.600 ст. = **ЕЖЕМЪСЯЧНИКА**

МІРЪ ПРИКЛЮЧЕНІЙ

Въ изящныхъ книжкахъ «Міра Приключеній» помѣщаются только новѣйшія произведенія русской и иностранной литературы.

Въ 1912 г. будутъ помѣщены, между проч., слѣд. произведенія:
Въ горахъ Даури. Ром. изъ жизни русскихъ золотоискателей. П. Бюлеука. — Шакалы пустыни. М. Перухина. — Казачьи могилы. О. Тютчева. — Отрава. М. Алазанцева. — «Бенитас», ром. Р. Хаирова. — Аэропланъ-привидѣніе, ром. Поля д'Июза. — Вашия молчанія. В. Пишуда. — Золотые слитки, М. Пембертона. — Корабль сокровищъ. О. Холла. — Напергонки съ солнцемъ. Л. Мидъ и друг.

5 книгъ роскошн. иллюстрир.
свыше 400 иллюстр. = **СОЧИНЕНІЯ**

ЗЕМЛЯ ДО ПОЯВЛЕНІЯ ЧЕЛОВѢКА

профессора **И. Вальтера.**

Абонементъ № 3.

12 книгъ полное собраніе
около 600 сачиненій
2.500 стр. гениальнаго критика

Н. А. ДОБРОЛЮБОВА

о портретомъ автора и биограріа. очеркомъ, Н. А. Добролюбовъ принадлежить къ тѣмъ любящимъ судьбу, произведенія которыхъ на много лѣтъ и сотни лѣтъ пережили славы творцовъ, неустынная современности. Его сочиненія должны быть настоятельными книгами každого интеллигентнаго читателя.

6 книгъ богато-иллюстр.
680 страницъ больш. ф. м. = **ИСТОРИИ**

ПЕТРА ВЕЛИКАГО

Сочин. всемірно известн. профессора русской исторіи **А. Т. Брикнера.**

Сочиненіе профессора Брикнера представляетъ громадный вкладъ въ литературу, оцененный по достоинству и у насъ, и за границей.

5 книгъ иллюстрирован.
свыше 400 иллюстр. = **СОЧИНЕНІЯ**

ЗЕМЛЯ ДО ПОЯВЛЕНІЯ ЧЕЛОВѢКА

профессора **И. Вальтера.**

Живописная исторія земли и жизни на землѣ, начиная съ туманной дали сѣдой древности и до появленія на землѣ перваго человѣка.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На 52 №№ журнала «ПРИРОДА И ЛЮДИ» съ бесплатными приложеніемъ **одного изъ трехъ абонементовъ** (по выбору г.г. подписчиковъ)

6 РУБ. ВЪ ГОДЪ безъ доставки и пересылки

7 РУБ. ВЪ ГОДЪ съ доставкой и пересылкой.

РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 3 р., къ 1 апрѣля 2 р. и къ 1 июля остальные. Или въ теченіе первыхъ 7 мѣсяцевъ, съ ноября, по 1 р.

ЖЕЛАЮЩИЕ МОГУТЪ одновременно съ подпиской на любой абонементъ, СВЕРХЪ ТОГО, получать по своему выбору, **любьяя приложенія** изъ другихъ абонементовъ, но за особую доплату, а именно: Соч. капитана Марриэта за доплату 3 р. 20 к. «Міръ Приключеній» за 1 р. 80 к. «Земля до появленія человѣка» за 1 р. 60 к. Соч. Н. А. Добролюбова за 2 руб. 80 коп. «Исторія Петра Великаго» за 2 руб. 40 коп. Соч. А. Дюма за 5 руб. 20 коп.

РАЗСРОЧКА ЗА ДОПЛАТНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ допускается: при выпискѣ на сумму до 3 руб., слѣдуетъ уплатить при подпискѣ не менѣе одного рубля; при выпискѣ на сумму болѣе 3 рублей, слѣдуетъ уплатить при подпискѣ не менѣе 2 руб.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Стреланиная, 12, соб. д. Изд. П. П. Сойкинъ.

Соловьева П. С. (Allegro) „Елнѣ“. Стихи для дѣтей. Съ рисунками. 3-е изданіе. Цѣна въ обложкѣ 35 к., въ переплетѣ 65 к.

ОДОВРЕНО для ученич. библ. младшаго возраста средн. учебн. завед. и для ученич. библ. низшихъ учебн. завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Видомства Учрежд. Императрицы Маріи.*
Ученымъ Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ ученич. библ. низшихъ училищъ.

Соловьева П. С. (Allegro) „Семилѣтна“. Народныя сказки. Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ 50 к., въ переплетѣ 80 к.

Ученымъ Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ учебныя библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

ОДОВРЕНО для ученич. библ. младшаго возраста средн. учебн. завед. и для ученич. библ. низшихъ учебн. завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Видомства Учрежд. Императрицы Маріи.*
Допущено въ ротныя библ. кадетскихъ корпусовъ для I и II классовъ.

Соловьева П. С. „Свадьба Солицы и Весны“. Пьеса въ стих. Съ рисунк. Ц. 20 к. ОДОВРЕНО для ученич. библ. младшаго возраста средн. учебн. завед. и для ученич. библ. низшихъ учебн. завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Видомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Допущено въ ротныя библіотеки кадетскихъ корпусовъ для I и II классовъ.

Соловьева П. С. „Разгадай-ка!“ Сборникъ ребусовъ, шарадъ и загадокъ. Цѣна 25 к.

Соловьева П. С. „Березиныны именины“. Пьеса въ стих. Съ рисунк. автора. Цѣна 25 к. ОДОВРЕНО для ученич. библ. низшихъ учебн. завед., пріютовъ, малолѣтн. отд. и пригот. класс. средн. уч. завед. *Видомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Соловьева П. С. (Allegro) „Няня“. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Цѣна 15 к.

Соловьева П. С. (Allegro) „Первое апрѣля“. Комедія въ одномъ дѣйств. Цѣна 10 к.

Соловьева П. С. (Allegro) „Чудесная ночь“. Пьеса въ стихахъ. Цѣна 20 коп.

ДОПУЩЕНО въ библ. низш. учебн. зав., пріютовъ, малолѣтн. отд. и пригот. класс. средн. уч. зав. *Видомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Соловьева П. С. (Allegro) „Жизнь Хитролица“. (Изъ старо-французскаго эпоса). Съ рисунками В. Рабѣ. Цѣна въ переплетѣ 2 р.

Ученымъ Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ ученич. библ. городскихъ училищъ и признано подлежащимъ внесенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи ученич. библ. средн. учебн. завед.

ОДОВРЕНО для ученич. библ. низшихъ учебн. завед., пріют., малолѣтн. отдѣл. и приготов. класс. средн. учебн. завед. *Видомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Соловьева П. С. (Allegro) „Новый годъ“. Пьеса въ стих. Съ рис. автора. Ц. 20 к.

Соловьева П. С. (Allegro) „Царевна Земляничка“. Пьеса въ стих. Съ рис. автора. Ц. 30 к.

Францъ Анатоль. „Пчелка“. Сказка. Съ рисунками. Изданіе 3-е. Цѣна 25 к.

ОДОВРЕНО для ученич. библ. младш. возраста средн. учебн. заведеній и для ученич. библ. высш. учебн. завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Видомства Учрежденій Императрицы Маріи.*

Ученымъ Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ ученич. библ. низшихъ учебн. завед.

Шапиръ Л. Н. „Люди и звѣри“. Рассказы. Съ рисунками. Цѣна 25 коп.

Шведъеръ Е. І. „Пушкинскіе уголки“. Съ рисунками автора. Цѣна 20 коп.

ОДОВРЕНО для учен. библ. младш. класс. средн. уч. зав. *Видомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Новыя изданія „Тропинки“.

Манавеева Н. Н. „Церботная принцесса“. Повѣсть изъ дѣтства и юности Екатерины II. Съ иллюстраціями Т. Гишпѣусъ, портретами и снимками со стар. гравюръ. Цѣна въ переплетѣ 2 р. 50 к.

Оду, Маргарита. „Пастушка“ Переводъ съ французскаго. Со снимками съ карт. и рисунковъ Мидлѣ. Цѣна 30 к.

Соловьева П. С. „Дѣдушкино кольцо“. Пьеса въ стихахъ съ рисунк. автора. Цѣна 25 к.

Книгоиздательство беретъ на себя почтовые расходы только въ томъ случаѣ, если книгъ выписывается не менѣе, чѣмъ на 1 рубль.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1912 ГОДЪ.

7-й годъ
изданія.
12 книжекъ
въ годъ.

„ТРОПИНКА“

3 рубля съ
доставкой
въ годъ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ СРЕДНЯГО ВОЗРАСТА.

Выходитъ 1—5 каждаго мѣсяца въ 4—6 печатныхъ листовъ (60 печ. лист. въ годъ).

Въ 1912 году научный отдѣлъ „ТРОПИНКИ“ будетъ значительно расширенъ. Въ этомъ отдѣлѣ примутъ участіе: проф. Ф. Ф. Зѣлинскій, проф. М. И. Ростовцевъ (исторія), проф. А. П. Павловъ (геологія), А. П. Лойдисъ (астрономія), С. П. Лебедевъ, Л. Н. Никоновъ (ботаника), Л. Н. Салтыковъ (физика и химія), А. В. Мезьеръ (географія), Н. М. Герсевановъ, Н. Н. Ермолинъ, И. В. Селиверстовъ (современныя изобрѣтенія и сооруженія), Э. К. Дименова, Е. И. Пьвовъ (зоологія).

Для беллетристическаго отдѣла редакціей пріобрѣтены слѣдующіе повѣсти, разсказы и сказки:

А. Вережникова—Переселенческой мальчикъ», И. Гинцбургъ—«Моя обезьянка Маруша», З. Гиппиусъ—«Утро», В. Карачаровой—«Край свѣта», Н. Манасеиной—«Царевны» (изъ времени царя Алексѣя Михайловича), М. Моравской (Рикитки)—«Одуванчикъ и змѣиная шкурка» и «Егорка», Евг. Соловьевой—«Сынъ разбойника» (разсказъ изъ кавказской жизни), П. Соловьевой (Allegro)—«Горы и пыль» и «Непутевый» (изъ народныхъ сказаній), М. Толмачевой—«Единька», О. Форшъ—«Духовикъ», Е. Шведеръ—«Мусью», Е. Юне—«Изъ моего дѣтства» и мн. др.

Въ каждомъ № журнала будутъ помѣщаться:

1) Составленныя А. П. Лойдисъ карты неба, какъ руководство для самостоятельныхъ наблюденій. 2) Историческій календарь съ указаніемъ важнѣйшихъ событій русской исторіи. 3) Игры и занятія (рисованіе, лѣпка, указанія, какъ дѣлать самимъ игрушки и проч.).

Пробный № въ редакціи стоитъ 25 к., съ перес. 35 к., наложеннымъ платежомъ не высылается.

Въ редакціи имѣются комплекты 1908, 1910 и 1911 гг.—комплекты 1906, 1907 и 1909 гг. всѣ разошлись.

ОТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ:

Просимъ прочесть непременно.

Заявленія о неполученіи номера адресуются непосредственно въ редакцію и не позже срока полученія слѣдующаго №.

Несвоевременныя требованія пропавшихъ №№ редакція удовлетворять не можетъ.

Заявленія о перемѣнѣ адреса посылаются непосредственно въ редакцію, при чемъ необходимо указать и старый адресъ. При перемѣнѣ петербургскаго адреса а петербургскій уплачивается 20 к., а при перемѣнѣ петербургскаго на иногородній, иногородняго на петербургскій или иногородняго на иногородній уплачивается 40 к. До полученія денегъ контора продолжаетъ высылать журналъ по старому адресу.

Редакція открыта для личныхъ переговоровъ по средамъ отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ.

Адресъ редакціи и конторы: Спб., Вознесенскій пр., № 36, кв. 26.

Телефонъ № 497-55.

Редакт.-Издат. П. Соловьева и Н. Манасеина.

Въ Москвѣ книги изданія „Тропинка“ продаются и подписка на журналъ „Тропинка“ принимается въ слѣдующихъ магазинахъ: „Наука“, Б. Никитская, 10. Въ конторѣ Печковской, Петровскія линіи. „Ступени Знанія“, Мясницкая, 5, флиг. Б. Филемонова, Б. Никитская, 22.